

***Н.Г. БАРАНЕЦ,
О.В. ЕРШОВА, Е.В. КУДРЯШОВА***

***КОНВЕНЦИИ И КОММУНИКАЦИЯ
В НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ
СООБЩЕСТВАХ***

Ульяновск
2012

УДК 13 (082.1)
ББК 80+87.4 г.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-33-01329*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор В.А. Бажанов
доктор философских наук, профессор А.А. Тихонов

***Баранец Н.Г., Ершова О.В., Кудряшова Е.В.* Конвенции и коммуникация в научном и философском сообществах / Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2012. – 180 с.**

ISBN – 978-5-906007-16-2

Монография посвящена изучению феномена коллективного субъекта познания, выявлению тех аспектов его познавательной деятельности, которые могут быть объяснены особенностями коммуникативных связей. Проанализированы подходы к пониманию роли конвенций в научном и философском познании. Реконструирована ситуация в Российском университетском сообществе рубежа XIX-XX вв. через призму организации в нём коммуникаций и значения конвенций.

©Баранец Н.Г., Ершова О.В., Кудряшова Е.В. , 2012

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой вниманию читателя монографии представлены результаты исследования функций коммуникации в эпистемических сообществах и роли конвенций для организации деятельности этих сообществ. Это исследование является первой частью проекта направленного на изучение эпистемических конфликтов в научном, философском и религиозном сообществах, на выявление их специфики, возможной типологизации и описания способов их разрешения.

В философии науки и эпистемологии последнюю четверть века часто употребляют понятие *эпистемическое сообщество*, вкладывая в его содержание более или менее общий смысл. Один из специалистов в этой области П. Хаас предваряет свои исследования подробной разработкой понятия эпистемическое сообщество, которое нам представляется весьма продуктивным. «Эпистемическое сообщество – это группа профессионалов с формально закрепленной квалификацией в определенной сфере, формирующее нормы знания в пределах данной области или поля исследования. Эпистемическое сообщество могут составлять специалисты разных дисциплин и областей знания, однако для всех эпистемических сообществ будет важным, что все его члены: (1) разделяют одни нормативные убеждения и принципы, которые обеспечивают социальным действиям членов сообщества ценностно-значимые основания; (2) разделяют одни каузальные убеждения, формирующиеся в практическом следовании или содействии решению центральных проблем области знания, служащие также основанием объяснения множества взаимосвязей между возможными установками и ожидаемыми результатами; (3) разделяют одни представления об обоснованности – то есть, об intersубъективном, внутренне определенном критерии оценки или обоснования знания в пре-

делах области их квалификации; и (4) общие установки деятельности»¹.

В отечественной эпистемологии и философии науки разработки понятия философское сообщество были изначально ориентированы на понятие научное сообщество. Показательна в этом отношении статья М.А. Розова «Философия без сообщества?» – анализируя проблему нарушения норм профессиональной деятельности специалистов по философии, автор проводит параллели между научным и философским сообществом². Наличие таких параллелей указывает, по всей видимости, на факт отождествления основных параметров научного и философского сообщества.

Мы полагаем, что понятия научное и понятие философское сообщество являются идеальным конструктом, обозначающим дисциплинарное сообщество специалистов в области науки и философии. В реальном бытии научное и философское сообщества состоит из совокупности локальных сообществ, каждое из которых организовано тем или иным содержанием дисциплинарной традиции. Под дисциплинарной традицией понимается способ трансляции содержания знания, в которое входят нормы теоретизирования, принципы обоснования знания, понятийный аппарат, система идей, понимание задач, определяющее познавательные операции субъекта и его тематические предпочтения. Поскольку дисциплинарные традиции содержательно отличны друг от друга, локальные сообщества, образованные ими, также различны.

Мы представляем методологию анализа коммуникации в познании. Показываем, что коммуникация конструируется множеством регулятивов, неотделимых от содержательной составляющей сообщения. Поэтому наш анализ коммуникации основывается на выделении контекста, функционального, норма-

---

¹ Haas, P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination [Text] / P.M. Haas // International Organization, Vol. 46. – 1992. – No.1. – P.3

² См.: Розов, М.А. Философия без сообщества? [Текст] / М.А. Розов // Вопросы философии. – 1988. – № 8. – С.23-36.

тивного и структурного аспектов коммуникации. Под контекстом понимается система общих теоретических представлений. В роли такого контекста выступают социальный заказ, идеологии, а также концептуальные, методологические, тематические и терминологические традиции. Наличие контекста задает определенное пространство смыслов, входящих в коммуникацию, и создает условия понимания участниками коммуникации друг друга.

Большое значение в коммуникации имеет её функциональный аспект. Он связан с намерениями участников коммуникативного обмена и с целями самой коммуникации. Выделение функционального аспекта позволяет различать коммуникацию, стимулирующую познавательную деятельность, и коммуникацию, направленную на обмен информацией, критику, прояснение поставленных проблем, желанием одних убедить в чем-либо других.

Нормативный аспект связан с разного рода нормами, регулирующими коммуникацию. Нормы являются особым видом знания, вплетенным в содержание коммуникации, но одновременно независимым от содержания сообщений. Нормы регулируют форму построения сообщения, определяют границу аргументированного и аксиоматического знания, способы его обоснования. Кроме того, нормы содержат этические представления о форме философского исследования и ведения дискуссии. Нормы могут способствовать наиболее эффективной, в познавательном плане, коммуникации, или наоборот – формировать запреты на обсуждение некоторых тем или на получение некоторых результатов.

Анализ структурного аспекта коммуникации связан с выделением элементов, составляющих коммуникативный процесс – субъектов и текста. В тексте выделяется мысль, которая передается в сообщении, и объективация мысли в знаках.

В исследовании показано, что контекст, функциональный, нормативный и структурный аспекты коммуникации взаимообуславливают друг друга. В контексте коммуникации вырабатываются общие тематические и методологические параметры

коммуникации, а также намерения субъекта познания. Намерения и цели субъектов обуславливают общие цели и задачи коммуникации. Нормативные особенности коммуникации задают рамки приемлемого и неприемлемого для субъекта рассуждения и соответственно обуславливают когнитивные причины возникновения эпистемического конфликта.

Мы изучили механизм заключения конвенций в эпистемических сообществах, как средства преодоления конфликтных ситуаций и способ их недопущения и разрешения. Для этого вначале систематизировали представление о конвенциях в эпистемологических исследованиях. Сформулировали подход к рассмотрению конвенциональности нормативно-ценностной системы в познавательных сообществах. Типологизировали конвенции, обеспечивающие процесс функционирования научного и философского сообщества. Изучили отечественную научную и философскую традицию и указали конвенциональный характер их этосных норм. Провели анализ дискуссий, полемик на страницах журналов, с целью реконструкции нормативно-ценностной системы в отечественном научном и философском сообществах рубежа XIX-XX веков.

ГЛАВА 1.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ЭПИСТЕМИЧЕСКОМУ СООБЩЕСТВУ

КОММУНИКАЦИЯ В ФОКУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В XX ВЕКЕ

В широком смысле под коммуникацией понимается связь между субъектами или объектами, в которой осуществляется передача чего-либо (вещей, предметов, свойств, информации). В узком смысле коммуникацией называют передачу информации в той или иной форме, от субъекта к субъекту. В этом смысле определение принято использовать в социально-гуманитарном знании.

Учитывая многообразие представлений о коммуникации в философии, уместным представляется формирование *классификации подходов*. Наиболее общий подход к классификации теорий коммуникации предлагает М.Е. Соболева, указывая на разницу «континентальной» и «аналитической» традиции понимания этого понятия. По мысли автора, коммуникация представляет собой феномен, имеющий приложение к более сложной проблеме связи сознания и языка. Принципиальное разногласие между «континентальной» (в форме феноменологии) и «аналитической» (в форме философии языка) традициями в том, «... в каком порядке расположены конструкты, объясняющие синтез сознанием своих данных: интенциональность – язык – коммуникация или же коммуникация – язык и лишь затем интенциональность» [Соболева, 2005, с.134]. Подход М.Е. Соболевой носит прикладной характер, поскольку используется в рамках проблематики философии сознания, а потому требует дополнения.

В рамках исследования гносеологических трудностей понимания текста, И.Т. Касавин выделяет две лингвистические теории – теорию речевых актов и функционально-коммуникативную теорию языка – которые различаются, помимо прочего, в понимании коммуникации. Если в теории речевых актов элементарный уровень взаимодействия представляет собой отдельное коммуникативное действие, порождающее ответное и тем формирующее процесс коммуницирования, то функционально-коммуникативная теория исходит из процесса коммуникации как целостного феномена, определяющего целевые характеристики отдельных речевых актов (См.: [Касавин, 2006, с.37-39]).

Формирование классификации концепций коммуникации предусматривает решение вопроса о критерии выделения подходов. Учитывая, что в современной философии понятие коммуникации используется в качестве дополнительного средства анализа, наиболее отчётливое основание классификации – конкретная область знания (или отдельная дисциплина), в пределах которой встает вопрос о коммуникации. Соответственно *можно выделить следующие подходы: науковедческий, социологический, социально-философский, социально-когнитивный, психологический, антропологический и лингвистический*. Следует отметить, что выделенные подходы не представляют собой противоположных (противоречащих или просто разных) интерпретаций коммуникации, но фактически являются различными контекстами употребления понятия коммуникация.

Исследования науки как социального института формируют особый *наукоевческий подход к коммуникации*. Социологические по своей методологии, науковедческие исследования обращаются к понятию коммуникации в связи с необходимостью осмыслить проблему установления информационных и социальных связей между учёными. Под коммуникацией в науковедческих исследованиях понимается функциональная система движения научной информации. Сообразно двум выделенным функциям коммуникации в науке – информационной и социальной – в науковедении выделяются два направления исследо-

ваний: анализ когнитивной значимости коммуникации и анализ форм социального взаимодействия между учёными.

В науковедческих исследованиях принято выделять разные формы коммуникаций. В частности, ведутся разработки понятий непосредственных и опосредованных, планируемых и незапланированных коммуникаций, формируется представление об особенностях устных и письменных, первичных и вторичных форм коммуницирования, по отношению к адресату получения информации науковедение отличает межличностную и безличную коммуникацию (См.: [Мирский, Садовский, 1976, с.10-12]). Различия в формах коммуникации в значительной степени влияют на динамику функционирования сообщества.

Особое значение для западного науковедения имели исследования формальных и неформальных способов коммуникации. К формальным способам относят коммуникацию, реализующуюся посредством журнальных статей, научных монографий, докладов на конференциях, тезисов. Д. Крейн обращает внимание на формальные коммуникации в форме сотрудничества, соавторства (См.: [Крейн, 1976, с.185]). Однако, такого рода коммуникации, будучи формальными по статусу, по сути являются уже неформальными, поскольку на этапе формирования знания (статьи, монографии, диссертации и т.д.) формы связи между учёными оказываются скрытыми от науковеда.

К неформальным способам коммуникации относятся те виды и формы общения учёных, которые не предполагают обязательного воспроизведения в научной литературе. Этот вид коммуникации вызывает у науковедов серьёзные трудности, поскольку в анализе неформальной коммуникации они не имеют доступа к массиву научной информации. В качестве теоретического решения этой проблемы западное науковедение формулирует понятие «невидимого колледжа».

Понятие «невидимого колледжа» сформировано в исследованиях Д. Прайса. В основе представлений о «невидимом колледже» лежит то обстоятельство, что в каждом из научных направлений обнаруживается группа учёных, постоянно контактирующих друг с другом (См.: [Прайс, Бивер, 1976, с.335-

336]). Д. Прайс полагал, что «невидимый колледж» составляет элита взаимодействующих и наиболее продуктивных учёных внутри исследовательской области. В то же время Д. Крейн потребовал учесть, что в «невидимом колледже» значительную роль играют «рядовые» участники и «посторонние» (См.: [Крейн, 1976, с.210]). Исследования по проблематике «невидимого колледжа» были продолжены в работах С. Кроуфорда, Б. Гриффита и Дж. Миллера.

В качестве альтернативы изучения интеллектуальных связей между учёными внутри некоторой группы выступает метод анализа сети цитирования, основанный на применении блок-схем, квантификаций и измерением основных способов и средств коммуникаций. Такой подход представлен в работах Н. Лина, У. Гарвея и К. Нельсона. «Одной из основных задач этого исследования было выяснение того, как ученые усваивают и используют информацию, содержащуюся в этих статьях, если она распространяется и через неформальные средства, и через журнальные статьи» [Лин, Гарвей, Нельсон, 1976, с.298]. Однако такой анализ не позволял делать сколько-нибудь точные выводы о неформальных коммуникациях.

Научноисследовательские исследования в отечественной философии преимущественно проводились в рамках системного подхода, особо популярного в 70-х гг. XX в. Понимание науки как системы предопределило особое внимание к проблематике коммуникации. А.И. Яблонский пишет: «Системность науки обеспечивается наличием целого ряда коммуникативных механизмов: публикации, препринты, непосредственные контакты, сети цитирования, библиографии и др.» [Яблонский, 1977, с.66]. Наличие коммуникации формирует системность науки как целого.

Таким образом, научноисследовательский подход проявляет интерес к проблематике коммуникации в связи с вопросами о координации действий членов научного сообщества. Вместе с тем подчеркивается, что коммуникация является средством обмена информацией между учёными, а не фактором образования знания.

В социологии, в связи с проблемой описания и анализа социального взаимодействия людей, оформился *социологический подход к коммуникации*. В рамках данного подхода коммуникация рассматривается в качестве основы человеческой жизнедеятельности, предполагающей многообразные формы взаимодействия. Особенность социологического подхода в том, что коммуникативный обмен не обязательно предусматривает наличие содержательно-смыслового плана в сообщениях.

Социологические исследования коммуникации условно можно разделить на обще-теоретические теории, посвященные разработке понятия социальная коммуникация (П. Лазарсфельд, Г. Лассвелл, А.В. Соколов, С.В. Бориснев, Г.Г. Почепцов), и частно-эмпирические, в которых поднимаются проблемы массовой коммуникации как одного из видов социальной (М.М. Назаров, Е.Г. Дъякова и А.Д. Трахтенберг). В последнем случае исследования носят сугубо социологический характер, и не представляют интереса для данного исследования.

Социологические исследования предполагают рассматривать коммуникацию с учётом её обусловленности целями, социально значимыми оценками, нормами, принятыми в обществе (См.: [Бориснев, 2003, с.9]). Поэтому особое значение при описании коммуникации имеют понятия социальное пространство, под которым понимается система социальных отношений между людьми, и социальное время, под которым понимается течение социальной жизни, зависящее от интенсивности социальных изменений.

Модель коммуникативного взаимодействия в социологическом подходе предусматривает выделение отправителя сообщения (коммуникатора, передатчика), канал передачи, само сообщение и его приемника (См.: [Назаров, 1999, с.8]). Как правило, социологические исследования коммуникации подразумевают эмпирическую основу анализа, в первую очередь обобщенные данные репрезентативных опросов, статистические методы.

В рамках исследования социальной коммуникации довольно часто упоминается о проекте создания метатеории социаль-

ной коммуникации, которую принято называть «теорией коммуникации» (См.: [Соколов, 2001, с.12]). Проект теории коммуникации подразумевает создание общих принципов и представлений о социальной коммуникации на основе достижений частных научных дисциплин.

Следует отметить, что социологический подход фокусируется на анализе структуры коммуникации, её форм и способов, однако для социологов не представляет интереса содержание передаваемых сообщений, их эвристический или познавательный смысл.

На стыке теоретической социологии и социальной философии оформились теории общества, в которых конституируется *социально-философский подход к коммуникации*. Теории подобного рода полагают коммуникацию в качестве универсального механизма формирования общества в целом. В отличие от социологического подхода, фокусирующегося на факте социальных связей, социально-философский подход ставит в центр внимания образованное с их помощью общество. Понятие коммуникации в социально-философских концепциях не имеет статуса самостоятельной проблемы, но представляет собой один из компонентов разрабатываемой теории общества.

Примером такого рода концепции служит теория Н. Лумана, в которой общество рассматривается как аутопойетическая система, то есть как система, способная к самовоспроизводству. Средством воспроизводства общества как системы является коммуникация. Развитие («эволюция») общества представляет собой процесс постоянного аутопоэзиса коммуникации (См.: [Луман, 2005, с.25]). Причем автор настаивает на том, что коммуникация безразлична к содержанию, которое она передает, главной ее характеристикой является собственно озвучание информации. По мнению Н. Лумана, коммуникация является полностью социальным явлением, и потому сознание отдельного субъекта в коммуникации пассивно. Средством реализации коммуникации являются не субъекты, а язык, которым они пользуются (См.: [Луман, 2004, с.86]). Индивид оказывается оторванным от содержания и смысла коммуникативного про-

цесса, он только предоставляет свои сознательные возможности для коммуникации. Таким образом, Н. Луман разрывает общество и субъекта, субъекта и коммуникацию, поэтому оказывается необъяснимым, каким образом и из чего возникает содержание коммуникации. Эти проблемы можно было бы решить, если бы речь шла о статическом рассмотрении общества, однако социальные системы Н. Лумана находятся в процессе воспроизводства.

Несколько иное представление о роли коммуникации в обществе складывается в философии Ю. Хабермаса. Не претендуя на создание законченной теории, мыслитель сосредоточен на выработке понятий, которые могут стать основой широкомасштабной теории общества. В отличие от Н. Лумана, Ю. Хабермас считает отношения между субъектами «центральным звеном» функционирования общества.

Отношения между субъектами в обществе описываются Ю. Хабермасом как осмысленные действия, направленные на «другого». Автор указывает два вида действия – целенаправленное (стратегическое) и коммуникативное - и пишет: «... в то время как в стратегическом действии один воздействует на другого эмпирически, угрожая применением санкций или рисуя перспективы вознаграждения, для того чтобы понудить его к продолжению столь желанного общения, в коммуникативном действии один предлагает другому рациональные мотивы присоединиться к нему» [Хабермас, 2001, с.92]. Таким образом, разница между стратегическим и коммуникативным действием имеет функциональный характер: если в первом случае субъект ориентирован на удовлетворение своих интересов, то в другом – он направлен на взаимодействие с «другим».

Коммуникативное действие имеет силу только при соблюдении грамматических правил употребления языка и моральных требований, принятых в качестве универсальных в группе, в которой коммуникация осуществляется. Коммуникативное действие реализуется следующим образом: субъект, высказывая нечто и декларируя свое отношение к миру, претендует на значимость своего высказывания. Построенное с соблюдением

универсальных правил и рационально мотивированное, действие открыто для восприятия и критики «другого», формирующего ответное коммуникативное действие.

В философии Ю. Хабермаса коммуникативное действие выполняет две функции: во-первых, оно является основанием интеракции, в которой конструируются объекты познания, и, во-вторых, оно конституирует социальную реальность как конкретно-исторический процесс (См.: [Марков, 2001, с.324]). Это означает, что в коммуникации закрепляются принципы объяснения и единого понимания объектов познания, а также, что посредством коммуникативной практики могут быть обнаружены социальные и политико-культурные изменения. Выводы Ю. Хабермаса имеют отношение уже не столько к социальной тематике, сколько к гносеологической. Однако эти проблемы лишь оговариваются автором, поскольку его интерес лежит в области социальной философии и философии политики.

В целом социально-философский подход поднимает проблемы значимости коммуникации в отношении более глобального процесса функционирования общества. Кроме того, в концепциях Н. Лумана и Ю. Хабермаса формируется значительный материал для осмысления проблемы структурной и функциональной организации коммуникации.

В контексте ряда исследований, посвященных вопросам образования социального запаса знания, формируется *социально-когнитивный подход к коммуникации*. Разработка понятия коммуникации в данном подходе мотивирована вопросом о том, как формируется социальное знание, способствующее образованию социального единства. Под коммуникацией в этом случае понимается механизм образования социального знания, которое в свою очередь формирует более сложные явления: в теории П. Бергера и Т. Лукмана – общество, в концепции коллективных представлений Э. Дюркгейма – основы и принципы познавательной деятельности.

В своей теории общества П. Бергер и Т. Лукман исходят из того, что каждый индивид причастен к формированию социальной реальности. Производство общественного порядка и соци-

альной реальности описывается авторами как процесс институализации: путем многократного повторения некоторое действие становится образцовым и закрепляется в качестве типизации. Типизации действий в однопорядковых ситуациях конфигурируют социальные роли, усвоение которых делает индивида причастным к социальному порядку. Важнейшим шагом в усвоении социальной роли является так называемая реификация, то есть закрепление социальной роли путем ее легитимации через высшие силы (См.: [Абельс, 1999, с.123]). Затем формируется легитимация самого социального порядка.

Когнитивной основой легитимного социального порядка является повседневное знание. Понятие коммуникации, общения необходимо в теории П. Бергера и Т. Лукмана для того, чтобы описать, каким образом индивид, сохраняя свое личностное начало, социализируется и воспринимает повседневность не как внешний элемент социального мира, но как собственное знание, что позволяет ему затем «поддерживать» существующий порядок в социальной реальности. Авторы указывают: «Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицо-к-лицу» [Бергер, Лукман, 1995, с.55]. Таким образом, теория П. Бергера и Т. Лукмана ставит своей целью объяснить, каким образом оформляется социальная реальность; коммуникация понимается как механизм передачи знания о социальной реальности и распространения этого знания между индивидами.

В концепции Э. Дюркгейма анализируется процесс формирования знания в условиях причастности индивидуального субъекта к сообществу. Согласно автору, большая часть знаний о мире вырабатывается в процессе социальной деятельности и закрепляется в «коллективных представлениях», как некоем комплексе социальных знаний и категорий, из которых выводятся все остальные представления о природе, обществе и человеке. «Коллективные представления – продукт обширной, почти необъятной кооперации, которая развивается не только в пространстве, но и во времени. Для их создания множество

различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли свои идеи и свои чувства, и длинные ряды поколений накапливали свой опыт и свои знания» [Дюркгейм, 1980, с.218]. Коммуникация в концепции Э. Дюркгейма рассматривается как форма взаимодействия между людьми, главной задачей которой является передача «коллективных представлений». Концепция Э. Дюркгейма наиболее близко подходит к объяснению гносеологической значимости коммуникации: во взаимодействии индивидов формируется единообразие в содержании и формах получения знания. Однако, индивид в представлении Э. Дюркгейма оказывается практически пассивным субъектом получения норм и знаний, имея волю только к правильному или неправильному усвоению общепринятого знания.

В рамках некоторых психологических исследований, которые пытаются объяснить, каким образом содержание психики индивида определяется социальной средой, оформляется *психологический подход к коммуникации*. В данном случае под коммуникацией понимается механизм связи человека с окружающей его социальной средой. Особенность психологического подхода в использовании широкого определения коммуникации, сама коммуникация не является объектом исследования.

Наиболее чётко психологический подход выражается в американском бихевиоризме, центральным положением которого является методологическая программа замены анализа ментальных событий на анализ поведения. Главным объектом психологического исследования оказывается связка «стимул – реакция», под которой понималось следующее: некоторые условия – «стимулы» – вызывают с необходимостью некоторое ответное действие – «реакцию». Один из лидеров этого направления Дж. Уотсон полагал, что подчинённое внешним стимулам поведение человека полностью задаётся внешней средой (См.: [Уотсон, 1998, с.268]). Понятие коммуникация используется Дж. Уотсоном для описания того, каким образом личность детерминирована внешней средой. Работа Дж. Уотсона показывает, что в его концепции понятие коммуникации понимается в расширенном смысле (как взаимодействие): коммуницируя (взаимо-

действуя) с другими, человек воспринимает стимулы к собственному поведению, которые вызывают ответную реакцию. Таким образом, коммуникация (взаимодействие) служит для передачи стимулов, вызывающих реакции, к которым, в конечном счёте, сводится вся психическая жизнь.

В рамках ряда культурологических, психолого-педагогических и антропологических исследований оформляется *антропологический подход к коммуникации*, особенностью которого является рассмотрение коммуникации как механизма формирования человеческого сознания. В отличие от психологического подхода, который видит в коммуникации механизм формирования содержания психики, антропологический подход делает акцент на том, что в коммуникации оформляются структурные характеристики самого сознания.

Следует отметить, что внутри антропологического подхода к коммуникации можно условно провести границу между 1) концепциями, которые в большей степени заинтересованы в вопросах выявления когнитивных параметров сознания, и 2) концепциями, которые ставят своей задачей выявление существенных характеристик человеческого бытия. К теориям, в которых транслируется антропологический подход и выявляется значимость коммуникации в формировании когнитивных способностей, можно отнести теорию символического интеракционизма и системно-мыследеятельностный подход Г.П. Щедровицкого.

Символический интеракционизм – это условное название для группы концепций, основанных на идее о том, что языковое взаимодействие между индивидами является главным фактором формирования индивидуального сознания. Осмысленное поведение индивидов в обществе, согласно представлениям лидера данного направления Дж. Мид, является следствием согласованности «стимулов» и «откликов», достигнутой в коммуникации (См.: [Мид, 1996б, с.218]). «Стимулом» называется осмысленное действие, направленное на «другого», его задача - вызвать «отклик», выражающий согласие «другого» вступить в коммуникацию. Формирование личности Дж. Мид описывает

как процесс принятия социальной роли, который реализуется в коммуникации между индивидом и обществом. Вступая в коммуникацию, индивидуальный субъект усваивает стереотипные «стимулы» и «отклики», действующие в определённых контекстах, и тем самым социализируется (См.: [Мид, 1996а, с.227-228]). Причём речь идёт не о когнитивном аспекте формирования убеждений, но о выработке социальной идентичности, личности как таковой.

В качестве средства конституирования интеллекта коммуникация рассматривается в рамках мыследеятельностного подхода Г.П. Щедровицкого. Методологически концепция автора опирается на положение о том, что социальная деятельность является основанием норм поведения и мышления отдельного индивида. Исходя из этого положения, изучение мышления постулируется как выявление схем деятельности и закономерностей взаимодействия общего и индивидуального в ней (См.: [Щедровицкий, 1995, с.286-290]). Коммуникация рассматривается автором как связующее звено между коллективом и индивидом: с одной стороны, в коммуникации формируется причастность индивида к коллективу, с другой стороны коллективность сама меняется посредством новых идей индивида (См.: [Щедровицкий, 2004, с.172]). Поэтому если рассматривать мыслительную деятельность системно и структурно, то начальным элементом анализа должна быть не интеллектуальная деятельность отдельного человека, а соответствующая коммуникативная деятельность группы, анализ которой демонстрирует многообразие интеллектуальных процессов, развертывающихся внутри нее, и только затем можно переходить к анализу схемы индивидуального мышления.

Оригинальным в подходе Г.П. Щедровицкого является представление о том, что не только содержательная часть мышления, но и его структура формируется во взаимодействии. Кроме того, примечательно, что в центре внимания автора – коммуникативная деятельность познавательного коллектива, поэтому его подход может быть полезным при рассмотрении коммуникации в эпистемическом сообществе.

Особым случаем антропологического подхода является группа концепций, в которых понятие коммуникации используется для описания характеристик специфически-человеческого бытия. Особенность этих концепций в том, что коммуникация полагается в качестве самоценного феномена. Такое представление транслируется в экзистенциальной философии К. Ясперса, где коммуникация становится фундаментальной предпосылкой самоопределения личности и сущностной характеристикой человеческой природы (См.: [Ясперс, 2000, с.27-28]). Представители персонализма считают условием подлинно человеческого существования личностное общение (См.: [Лакруа, 2004, с.13], [Мунье, 1999, с.478]). В том же ключе М.М. Бахтин рассматривает понятие диалог: личность существует только в диалоге, поскольку в нём самоопределяется, обнаруживает свое отличие от другой (См.: [Бахтин, 1979, с.279]).

Антропологический подход поднимает весьма существенную группу проблем, касающуюся значимости коммуникации для субъекта. В частности, весьма перспективными представляются идеи символических интеракционистов, которые касаются анализа процесса самоидентификации субъекта в условиях его взаимодействия с окружающим социальным миром. Особенно значимо введение тематики познавательных процессов, реализуемых в условиях коммуницирования. Однако антропологический подход сосредоточен на анализе общих случаев формирования субъекта, когда контекстом формирования выступает общество в целом. Потребуется некоторые дополнения в описании особенностей формирования субъекта в условиях более локальных групп – эпистемических сообществ.

Последний из выделенных в классификации – *лингвистический подход* – оформился в контексте философии языка и литературоведения. Данный подход фокусирует внимание на коммуникации как таковой, отвлекаясь от практических задач её применения в качестве чего бы то ни было. Под коммуникацией при этом понимается форма передачи информации посредством речевой деятельности.

Коммуникация является центральным звеном в концепции семиосферы Ю.М. Лотмана. Специалист в области теории литературы и эстетики, Ю.М. Лотман утверждает, что знакомство с текстом художественного произведения является коммуникацией между адресантом и адресатом (то есть между писателем и читающим). Текст литературного произведения в этом случае трактуется как сообщение, передаваемое в коммуникации.

Ю.М. Лотман полагал, что сообщение, передаваемое от адресанта к адресату, транслируется через систему кодов, под которым понимается совокупность знаков естественного языка, «нагруженных» культурными смыслами исторически меняющихся обществ. Ю.М. Лотман указывает: «Устройство, состоящее из адресанта, адресата и связывающего их единственного канала, еще не будет работать. Для этого оно должно быть погружено в семиотическое пространство» [Лотман, 2000, с.257]. Семиотическое пространство (или «семиосфера») является главным условием расшифровки кодов, необходимым в процессе коммуникации. Однако, «семиосфера» формирует только общие схемы расшифровки кодов. При передаче сообщения следует учитывать эффект индивидуализации кодов, который выражается в том, что каждое авторское сообщение формирует собственное семиотическое пространство.

Стандартная ситуация коммуникации «Я – Он», в представлениях автора, строится следующим образом: согласно собственному пониманию «семиосферы» адресант кодирует сообщение и передает его адресату, который расшифровывает его, исходя уже из своего понимания «семиосферы» (См.: [Мусхелишвили, Сергеев, Шрейдер, 1997, с.48]). Аналогичным образом строится автокоммуникация, или коммуникация «Я – Я». В этом случае расшифровка потребует в ситуациях изменения контекстов. Теория Ю.М. Лотмана представляет собой оригинальный подход к коммуникации, предполагающий анализ связи контекста и содержания сообщения. Однако речь идёт о художественных текстах, имеющих свои специфические особенности, возможно, не всегда близкие философскому творчеству.

Анализ коммуникативной деятельности является центральной проблемой теории речевых актов, оформившейся в рамках аналитической философии. Основатель теории Дж. Остин выделил два предельно общих модуса употребления языка в высказываниях – перформатив и констатив. Перформативом называется высказывание, которое само по себе является действием; констативом – высказывание, которое является утверждением определенного положения дел (См.: [Остин, 1999, с.53]). Поиск синтаксических и семантических критериев разграничения перформативов и констативов приводит автора к формулированию теории речевых актов.

Понятие речевой акт указывает на отдельное речевое действие произнесения (или написания) некоторого текста с определённым намерением одним субъектом и усвоение этого текста другим субъектом (См.: [Арутюнова, 1976, с.47]). Намерения и цели речевого акта могут варьироваться в зависимости от того, какую задачу ставит субъект, даже сообщение о чем-либо (констатив) всегда имеет свою цель и также может рассматриваться как перформатив. Само произнесение в теории речевых актов понимается расширено - и как собственно произнесение и как написание, в последнем случае речевой акт охватывает написание и чтение (зрительное восприятие и понимание) написанного, причем участники такого общения могут быть разделены во времени и в пространстве. В качестве текста может выступать как отдельное речевое высказывание, так и целый рассказ, поэма, книга, поэтому текст определяется целостностью своего послания.

Теория речевых актов является методологической программой, в соответствии с которой можно проводить анализ коммуникации в различных частных исследованиях. Сама теория не ставит вопросов о функциях коммуникации в любых, в том числе и в познавательных, процессах. Кроме того, теория речевых актов не предусматривает динамического рассмотрения коммуникации, акцентируя внимание на статическом по своей природе анализе.

Особое понимание коммуникации складывается в рамках так называемого «дискурс–анализа». Строго говоря, теория «дискурс–анализа» представляет собой самостоятельное научное направление в изучении языка и языкового общения, основанное на достижениях функционализма в одном варианте и постмодернизма в другом варианте. Термин дискурс не имеет однозначного определения, поскольку используется в ряде исследований, далеко отстоящих друг от друга в методологии и тематике. Например, термин дискурс фигурирует в социальной и политической философии Ю. Хабермаса. Философ подразумевает под дискурсом идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальных условий, традиций, авторитетов и протекающий в рационально сформулированных нормах (См.: [Хабермас, 2001, с.163-167]). Напротив, в «дискурс–анализе» (в постмодернистском и в функционалистском прочтении) термин дискурс связывается с когнитивными или социальными условиями употребления речи или формирования текста.

В постмодернистском прочтении дискурс – это целостная семантическая система, сформированная в рамках идеологии, или в системе знания, или в определенных социальных условиях, и потому имеющая особое когнитивное содержание (См.: [Ильин, 2001, с.76]). Речевая деятельность в рамках определённого дискурса всегда имеет смысловой подтекст, который может быть выявлен только путем усвоения дискурса. Дискурс не требует действительной ситуации произнесения, наличия одного автора и определённого диалога с читающим или слушающим, поскольку может восприниматься как гипотетически возможный текст, созданный по определённым правилам на семантически определённом языке. Дискурс задаётся набором параметров: языком, стилистической спецификой его использования, особенностями тематики, убеждений, способов аргументации, авторством.

На основе такого представления о дискурсе формируется и особое представление о «дискурс–анализе», задача которого проанализировать речь как факт, указывающий на более широ-

кие, политические или исторические сферы (См.: [Пульчинелли Орланди, 1999, с.198]). Поэтому в фокусе внимания оказывается аллегорически насыщенный текст, который может быть прочитан как дискурсивный текст. Анализ коммуникации, таким образом, отходит на второй план и практически исчезает из поля зрения.

Следует также отметить, что в рамках постмодернизма, но не в русле собственно дискурсивных исследований, поднимается вопрос о коммуникации как способе взаимодействия между автором и литературным текстом, литературным текстом и читателем. В таких исследованиях основное внимание направлено на коммуникантов: в качестве отправителя сообщения выступает «имплицитный автор», то есть не воплощенный в реальном тексте художественного произведения, но реконструируемый в процессе чтения, в качестве получателя информации выступает «имплицитный читатель», задача которого раскодировать полученное сообщение (См.: [Ильин, 2001, с.110-111]). Таким образом, коммуникация может рассматриваться как взаимодействие персонажей и автора, персонажей и читающего в художественном произведении.

Несколько иное представление о роли коммуникации формируется в традиции «дискурс – анализа», восходящей к функционализму. В рамках этой теории дискурс является «... сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [ван Дейк, 1989, с.121]. В своих исследованиях последователи данного направления используют понятие дискурса как контекста, в котором формируется любая коммуникативная деятельность, и теорию речевых актов для структурного анализа коммуникаций. Исходя из дискурса как целостного феномена, отдельный речевой акт рассматривается как средство достижения индивидуальной или социальной цели языковыми средствами.

В целом, «дискурс - анализ» представляет собой расширенную теорию речевых актов, в которой учитываются кон-

текстные параметры. Причем контекст воспринимается не как внешняя данность, но как то, что формирует сам язык и условия понимания. Однако речь идет об индивидуальном субъекте, познание которого протекает в некотором коллективном контексте, в некоторой заданной ситуации. Остается неясным как формируются под влиянием этих механизмов системы знания, дисциплины и сообщества.

***

Понятие коммуникации в социально-гуманитарном знании имеет широкое приложение и используется в контексте исследований по психологической и антропологической, социальной проблематике, в связи с философией языка. Анализ указанных подходов позволяет выявить спектр тематик, касающихся коммуникации, её когнитивных функций и компонентов. Исходя из некоторых идей, оформленных в разных подходах к коммуникации, следуя задачам данного исследования, представляется полезным сформировать особую методологию анализа коммуникаций в приложении к специфике познания в области науки и философии.

КОМПОНЕНТЫ И ФУНКЦИИ КОММУНИКАЦИИ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Суть коммуникации и одновременно главная цель коммуницирования состоит в передаче сообщений, однако это не означает, что реальный коммуникативный процесс сводится к операции обмена. В действительности коммуникация конструируется множеством дополнительных факторов и условий, которые становятся полноправными механизмами, регулируемыми как саму коммуникацию, так и те процессы, которые регулирует коммуникация.

В реальном коммуникативном процессе невозможно выделить собственно концептуальную, содержательную составляющую сообщения и внешние по отношению к сообщению регулятивы. Требуются дополнительные аналитические операции вы-

деления различных групп факторов, влияющих на коммуникативный процесс, и выявление структурных компонентов коммуникации. *Подобный анализ в данной работе основан на выделении в коммуникации нескольких аспектов, а именно контекста, а также функционального, нормативного и структурного аспектов коммуникации.* Последовательно определим, что мы имеем в виду под этими понятиями.

Коммуникация формируется в определённых внешних по отношению к ней условиях, которые задают, прежде всего, сам стимул коммуницирования и довольно часто тематику общения. Совокупность таких внешних условий уместно назвать контекстом коммуникации. М. Рац отмечает: «Контекст выступает в качестве одного из важнейших посредников-медиаторов коммуникации и наших действий вообще» [Рац, 2006, с.84]. Понимание контекста тем самым является условием понимания содержания коммуникации. ***Контекст коммуникации в философии выражается в наличии социального заказа, идеологии и разного рода традиций.***

Социальный заказ коммуникаций в философии связан с необходимостью обсуждения наиболее значимых для общества философских проблем. Р. Рорти отмечает, что если ранее философы занимались постановкой принципиальных вопросов и поиском вечных истин, то теперь профессия философа имеет прикладное значение, поскольку на современном этапе она должна стремиться осмыслить современную культуру, социальное и политическое состояние общества (См.: [Рорти, 1994, с.30]). Тем самым философия должна отвечать запросам общества, стремиться объяснить или «оправдать» произошедшие изменения.

Указанная особенность является не только отличительной чертой современной философии, фактически на каждом этапе своей истории философия определяется культурой, в которой она формируется. Проблемное поле философии всегда определяется культурой, которая выступает в роли контекста оформления философских дискуссий.

Социальный заказ в некоторых случаях может регулироваться идеологией, и тогда от философии потребуется не столько осмысление какого-либо вопроса, сколько получение конкретного результата осмысления. В современном философском знании, понятие идеология многозначно. Автор монографии по идеологии Т. Иглтон насчитывает четырнадцать разных определений идеологии и отмечает, что предельный уровень различий между определениями лежит в области различия дисциплин, его использующих. Автор выделяет соответственно 1) социологические определения, которые связывают идеологию с общественно-политической жизнью индивидов и 2) эпистемологические определения, отсылающие к необходимым формам восприятия и понимания реальности (См.: [Eagleton, 1991, p.1-3]). Более подходящим для данного исследования является эпистемологическое определение.

Под идеологией будет пониматься совокупность идей и ценностных предпочтений, которые имеют значительную силу для некоторой когнитивной группы. Негативные характеристики идеология может получать только в том случае, если представляет угрозу познавательной эффективности коммуникации. «Наиболее яркие примеры злоупотребления касаются тех случаев, когда содержание коммуникации намеренно регулируется исходя из задач идеологии» [Лассвелл, 1999, с.137]. Тогда коммуникация направлена на сохранение сообщества как такового и поддержание идеологии. В.С. Швырев отмечает: «Печальный опыт господства в советском обществе официальной марксистско-ленинской идеологии убеждает в том, что при известных условиях представления и идейные позиции, претендующие на рациональность, оказываются, в сущности, феноменами догматически-авторитарного сознания, принципиально враждебного той свободе, критичности, «открытости» мысли, которые всегда рассматривались как атрибуты научно-рационального сознания» [Швырев, 1992, с.92]. Некоторые философские дискуссии, проходившие в рамках советской философии, являются демонстрацией негативных проявлений идеологии.

Однако даже и такие идеологии не всегда угрожают философии. Л.Р. Грэхэм, анализируя историю материализма и идеализма, пишет: «Оба направления были обычно связаны с политическими течениями и часто поддерживались политическими учреждениями или бюрократическим аппаратом. Однако этот политический элемент не всегда разрушал интеллектуальное содержание трудов мыслителей, работавших над важными философскими вопросами» [Грэхэм, 1991, с.10]. Идеология, выступая в качестве контекста философского поиска, может давать положительные результаты.

В роли контекста могут выступать философские традиции. Термин философская традиция часто используется в философском анализе при характеристике взглядов группы исследователей, имеющих общие черты, однако, какого рода признаки объединяют взгляды философов под знаком общей традиции определено не чётко. Н.Г. Баранец полагает, что можно говорить о трех различных наборах признаков, объединяющих частные взгляды философов в традицию. Когнитивный подход к философской традиции акцентирует внимание на категориях, идеях, проблемах и концепциях (М.Г. Макаров, С.С. Неретина, А.Н. Чанышев), социологический подход концентрируется на социально-экономических детерминантах философствования (В.Н. Акулин, Л.М. Баткин, В.В. Соколов), и наконец, семиотический подход, который связывает познавательные традиции с коммуникативно-знаковой системой (И.Т. Касавин, И.П. Меркулов, А.П. Огурцов) (См.: [Баранец, 2007, с.6-7]). Учитывая, что в данном случае философская традиция рассматривается в качестве одного из вариантов контекста коммуникации, и нас интересует содержательная сторона традиции, то более полезным представляется когнитивный подход.

Термин «традиция» в наиболее базовом значении именуется «... все то, что транслируется или передается в плоскости времени из прошлого в настоящее» [Shils, 2006, p.12]. *Философская традиция представляет собой сложный комплекс, состоящий из норм философствования, принципов обоснования знания, понятийного аппарата, системы идей, понимания основных*

философских задач, который определяет познавательные операции и тематические предпочтения.

В зависимости от того, какой аспект философской традиции является основным, образующим для всей традиции, можно говорить о различиях *концептуальных, методологических, тематических* и *терминологических* традиций.

В частности, причастность к философской традиции может выражаться в признании какого-либо концептуального положения или идеи. Таковой является традиция номиналистического подхода в философии, история которого начинается в античности (у киников) и транслируется вплоть до XX в. (особенно четко прослеживаясь в философии Венского кружка). Философская традиция может выражаться в причастности к идеям той или иной философской школы. В данном случае речь идёт не столько об отдельной идее или принципе, сколько о системе идей и принципов. Например, известно, что история традиций аристотелизма и платонизма вышли далеко за пределы античности.

Методологическая традиция связана с представлением об особой процедуре получения знания. Через призму методологических особенностей оценивается, например, аналитическая философская традиция. Д. Фоллесдал указывает, что аналитическую философию отличает «... специфический способ подхода к философским проблемам, в котором доказательство и обоснование играют решающую роль. Только в этом отношении аналитическая философия отличается от других «направлений» в философии» [Фоллесдал, 2002]. В данном случае методологическая традиция стала концептуальным основанием целого направления.

Тематические традиции формируются в условиях особого внимания к определённым проблемам. Особое значение понятие тематическая традиция получает при характеристике «национальных предпочтений» в философских исследованиях. Например, Е.В. Барабанов подчеркивает, что русская философия идет вслед европейской философией и проходит все типичные для запада этапы Просвещения, идеализма, позитивизма, неокантианства, феноменологии. Выделение русской фило-

софии в особую философскую традицию возможно только при учете особого поля проблем (См.: [Барабанов, 1991, с.103]).

Философская традиция может быть связана с терминологическими особенностями, характеризующими тот или иной национальный язык. Например, значение термина эпистемология в отечественной и англоязычной философской литературе не эквивалентно. В отечественной традиции эпистемологией называют теорию научного познания, в англоязычной литературе термин эпистемология, фактически, синонимичен термину гносеология (См.: [Виноградов, 2001, с.115]).

Еще одной формой философской традиции могут считаться «национальные» («территориальные») традиции. В частности, А.А. Хамидов анализирует различия «восточной» и «западной» традиции в философии (См.: [Хамидов, 2002, с.130]). Общепринятым считается также выделение «англоязычной» и «континентальной» традиций. Однако, точно определить, чем задается данный вид традиции весьма трудно, поскольку невозможно определить единый критерий. Например, когда говорят об англо-американской традиции, имеют в виду склонность к эмпиризму и номинализму, когда речь идет о русской философии, акцент ставят на тематических особенностях данной традиции. Таким образом, различия в «национальных» традициях довольно часто анализируются с точки зрения различий методологических, тематических и терминологических традиций.

Так же как идеологии, философские традиции выступают в качестве контекста коммуникации в области философии, причем от вида той или иной философской традиции будет зависеть направление её влияния. В случае, когда контекстом выступают концептуальные или тематические традиции, коммуникация будет мотивирована на решение конкретных проблем. В случае, когда контекстом выступают методологические или терминологические традиции, коммуникация будет выстраиваться по особому рода нормам, предусматривая строго определенные системы рассуждения, аргументации и пр.

Наличие контекста задаёт определенное пространство смыслов, которые фигурируют в коммуникации, и создает усло-

вия понимания участниками друг друга. Важно отметить, что коммуникация в философии имеет ряд затруднений, связанных с тем, что в ней, более чем в науке, выражен плюрализм позиций. Потому коммуникация наилучшим образом реализуется тогда, когда речь идет о близких друг другу позициях или в рамках одного и того же направления, то есть в ситуациях, где можно выявить единое терминологическое поле и методологию. Однако дискуссии между различными направлениями могут быть более плодотворными, что выражается в большом интересе к тем исследованиям, которые пытаются совместить несколько подходов.

Большое значение в коммуникации имеет **функциональный аспект**, который *связан с намерениями участников коммуникации, а также с целями самой коммуникации*. Участие в коммуникации является решением участника, который имеет намерения, довольно часто обусловленные контекстом. Наличие намерений определяет заинтересованность участника в коммуникации. Включить намерения участников в анализ коммуникации впервые предложил Дж. Остин в теории речевых актов (См.: [Остин, 1999, с.22]). Углубляя идеи Дж. Остина П. Грайс рассматривал значение речевого акта через указание на коммуникативное намерение говорящего и его желание, чтобы это намерение было зафиксировано слушающим.

Н.Д. Арутюнова считает, что намерение имеет смысл только тогда, когда оно адресовано другому участнику коммуникации. Вместо понятия речевой акт автор использует понятие речеповеденческий акт. «Связь языка с миром жизни особенно очевидна в диалоге. Речь не отделена от поведения человека. Их совместная реализация образует речеповеденческий акт, в котором реализуется взаимодействие двух участников, и «двух непересекающихся личностей», двух центров пересекающихся личных сфер – «своего» и «чужого» [Арутюнова, 1999, с.XIV]. Причем речеповеденческий акт отличается от поступка, поскольку он всегда адресован.

Намерения участвующих в коммуникации могут варьироваться. Участники могут стремиться к общему согласию, или

наоборот, к полному опровержению друг друга; к поиску решения поставленного вопроса, или к доказательству значимости своей позиции в решении вопроса, или к прояснению самого вопроса. Участники коммуникации могут быть настроены на восприятие информации, или на ее производство. Участники могут быть мотивированы на получение определенного результата, или наоборот, ожидать результата, который не смогли получить самостоятельно. Подобные различия могут быть зафиксированы как различия в «степени адресованности действия» (См.: [там же, с.645]).

Н.Д. Арутюнова выделяет три возможных случая, которые отличаются различной «степенью адресованности действия». В первом случае акцент делается на сфере говорящего, что наиболее значимо в ситуациях, когда необходимо выразить эмоциональное отношение, или в ситуациях, когда речевой акт характеризуется по его рациональному содержанию, тогда большее значение получает степень уверенности в знании (См.: [там же, с.645-646]). В приложении к коммуникации в сфере философии, акцент на сферу говорящего ставится в ситуациях, когда участник коммуникации намерен представить свою позицию.

Во втором случае акцент делается на воспринимающую сторону (слушающего), что наиболее значимо в ситуациях, когда говорящий ориентируется на действия (или идеи) слушающего, тогда результат коммуникации для говорящего определен (См.: [там же, с.645-646]). В приложении к коммуникации в сфере философии, акцент на воспринимающую сторону ставится в ситуациях, когда участник коммуникации намерен не столько представить свою позицию, сколько убедить в ней других, тогда результат коммуникации оценивается по степени убежденности аудитории.

В третьем случае акцент ставится на содержании речевого акта. Можно делать сообщение, объявление, заявление, утверждение, заключение, приказание, которые имеют большее значение в социальной коммуникации и намек, предложение, замечание, выговор, вызов, возражение, признание, указание,

напоминание, которые имеют значение в лично адресованных актах (См.: [там же, с.646]). В приложении к коммуникации в сфере философии, акцент на содержании соответствует намерению участников прояснить какой-либо вопрос. Такого рода намерения настраивают участника на познавательную деятельность и потому с гносеологической точки зрения являются наиболее важными.

Соответственно намерениям участвующих в коммуникации можно сформулировать цели коммуникации, которые связаны с ожиданием определенного результата. Обширная литература предлагает несколько классификаций целей коммуникации. Г.В. Гриненко указывает на различие собственно коммуникативной и практической цели. «Одна цель – коммуникативная – связана непосредственно с коммуникативным актом: коммуникатор хочет, чтобы коммуникант воспринял сообщение и понял его. Вторая цель – практическая – как бы выходит за пределы коммуникативного акта: коммуникатор хочет, чтобы коммуникант что-то сделал или как-нибудь изменился в результате восприятия данного сообщения» [Гриненко, 2003, с.85]. И собственно коммуникативная и практическая цели могут сопутствовать философской дискуссии; в таком случае коммуникативная цель будет связана с нацеленностью на взаимовосприятие позиций, практическая цель – на получение определенного результата.

А.В. Соколов выделяет три основные цели коммуникации: познавательную, побудительную и экспрессивную. Познавательная цель связана с распространением или приобретением новых знаний и умений. Побудительная цель связана со стимулированием участников коммуникации к каким-либо действиям. Экспрессивная цель связана с выражением или обретением определённых переживаний или эмоций (См.: [Соколов, 2001, с.22]). Наиболее значимыми для коммуникаций в сфере философии являются познавательная и побудительная цели. Познавательная цель стимулирует коммуникантов к поиску решения или, по меньшей мере, к прояснению вопросов и проблем. Побудительная цель может рассматриваться как нацеленность на убеждение аудитории.

Необходимо отметить особую значимость познавательных целей. Коммуникация выполняет конструктивную роль в формировании знания, когда речь идет об общении, целью которого является попытка решения определенного вопроса или постановки проблемы. Подобного рода коммуникация показывает, как много аспектов проблемы можно выделить и какие подходы к решению проблемы существуют. Философское сообщество в такой коммуникации рефлексивует, суммируя все подходы для того, чтобы каждый из участников не «консервировался» в собственных идеях, а опираясь на другие, более плодотворно продолжал свое исследование или корректировал, исправлял уже полученные данные.

Кроме того, коммуникация может носить методологический характер, когда речь идет об уточнении уже полученного знания. Предметом уточнения может быть как целая философская система или подход (в истории философии или в современном знании), так и определения каких-либо отдельных терминов или категорий.

Еще более дробную классификацию предлагает Р.О. Якобсон. Автор предложил выделять 1) референтативные цели, которые нацелены на передачу информации о положении дел, 2) эмотивные цели, которые нацелены на получение некоторого эмоционального эффекта аудитории, 3) повелительные цели, которые нацелены на побуждение аудитории к действию (или определенной мысли), 4) фатические цели, которые связаны с самим фактом участия в коммуникации, 5) металингвистические цели, содержанием которых является сообщение о другом сообщении, 6) эстетические цели, которые связаны с привлечением внимания аудитории к тому, как построено само сообщение, к его форме (См.: [Гриненко, 2003, с.86]). В отношении философских дискуссий наиболее значимыми могут быть референтативные, повелительные, фатические, металингвистические цели.

Референтативные цели философской коммуникации связаны с обменом информацией, знакомством с новыми направлениями, теориями и концепциями. Повелительные цели реле-

вантны побудительным и в определенном смысле практическим целям. Фатические цели коммуникации формируются в связи с нейтральным отношением участников к дискуссии. Не будучи нацеленными на познавательную деятельность, эти цели в большей степени связаны с феноменом социальности философского познания, необходимостью поддерживать соответствующие социальные институты.

Металингвистические цели в приложении к философии могут быть интерпретированы как коммуникации, носящие описательный характер. Содержанием такой коммуникации является какой-либо историко-философский факт или учение какого-либо философа. Частным случаем таких целей выступают критические цели, связанные с осуждением или опровержением некоторой позиции.

Функциональный аспект коммуникации проясняет, каким образом намерения участников влияют на цели коммуникации. Выделение функционального аспекта позволяет выявить те коммуникации, которые нацелены на стимуляцию познавательной деятельности.

Следующий из выделенных в данной работе – **нормативный аспект** – связан с разного рода нормами, регулирующими коммуникацию. Нормы являются особым видом знания, которое вплетено в содержание коммуникации, но одновременно независимо от содержания сообщений. Нормы регулируют, каким образом сообщение должно быть построено, определяют границу аргументированного и аксиоматического знания, способ обоснования. Кроме того, нормы содержат этическое знание о форме философского исследования и ведения дискуссии.

Проблематика аргументации была осмыслена в середине XX века в связи со значительными изменениями в логике. «Характерный для символической логики взгляд на доказательство как на последовательность формул, построенную по определенным правилам, способствовал пессимистическому видению перспектив применения «строгой логики» к анализу рассуждений в гуманитарных науках, в том числе и в философии» [Алексеев, 2006, с.72]. Изучение способов рассуждения в гуманитар-

ных науках и, в частности, в философии стало рассматриваться не как проблема доказательности, но как проблема аргументированности.

Тематика аргументации изучалась Х. Перельманом и Г. Джонстоном, в отечественной философии – Г.А. Брутяном, А.А. Старченко, И.Ю. Алексеевой, на современном этапе проблематика аргументации разрабатывается в работах Ю.В. Ивлева, Г.И. Рузавина, И.А. Герасимовой, А.А. Ивина. Отдельные работы посвящены специфике аргументации в философии, в частности, статьи Ю.К. Мельвиля, Е.Н. Шульги, И.А. Бесковой. Кроме того, многими из указанных авторов принят термин «теория аргументации», под которой понимается совокупность универсальных принципов и способов аргументации, общепринятых в традиции западноевропейского рационализма.

«Аргументация – это искусство подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование их), способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов с целью их публичной защиты, побуждения к определённом мнению о них, познания или разъяснения» [Герасимова, Новосёлов, 2003, с.27-28]. В современной теории аргументации принято различать понятия аргументация, доказательство и обоснование. Аргументация – это самое широкое понятие, которое в качестве процедур содержит доказательство и обоснование, при этом обоснование является обязательной процедурой, а доказательство – только желательной.

«Обоснование – это приведение (разыскание) достаточных оснований для чего-либо» [там же, с.30]. Обоснование ставит своей целью убедить слушателя, однако убежденность не обязательно должна быть абсолютной.

В современном знании понятие доказательство употребляется в узком и в широком смысле. В узком смысле доказательство это «... цепочки умозаключений, выстроенных согласно строгим правилам и ведущих от истинных посылок к доказываемым тезисам (заключению), формулировка и содержание которых известны заранее» [там же, с.20]. Доказательство, понятое подобным образом, изучается логикой. «В широком смысле

под доказательством нередко понимают все то, что убеждает в истинности чего-либо, в том числе (но не обязательно) и систему рассуждений с интуитивно значимым характером аргументов, законность которых является вопросом степени» [там же, с.20]. При этом тезис, который доказывается, может быть не актуализирован заранее, но стать результатом рассуждения. Понятое в таком смысле доказательство является процедурой аргументации.

Аргументация шире логического доказательства, поскольку включает в себя как «технику мышления» (собственно логику) так и «технику убеждения» (искусство подчинять мысль, чувство и волю человека) (См.: [там же, с.27-28]). Аргументация содержит в себе информацию о фактах, используемых в качестве аргументов, подразумевает риторические способы воздействия на аудиторию, включает ценностный подбор аргументов, предполагает указание на нравственную приемлемость суждений и, наконец, основывается на последовательном, логическом рассуждении, требующим простоты, недвусмысленности, однозначности и непротиворечивости (См.: [там же, с.28]). Кроме того, процедура аргументации требует четкой содержательной формулировки понятий (См.: [Шульга, 2003, с.193]). Эти компоненты во взаимодействии и взаимодополнении работают на то, чтобы убедить (повлиять) на аудиторию. Поэтому для характеристики коммуникации более уместно использовать понятие аргументации.

Однако, в приложении к философии, существующей в многообразии философских традиций, довольно трудно говорить об универсальных принципах аргументации. Содержательное наполнение фактуального, риторического, ценностного и даже этического компонентов в аргументации зависит от каждой конкретной философской традиции. Обращая внимание на эту особенность, Е.Н. Шульга указывает, что «...особенности аргументации, наряду с другими объективными составляющими, позволяют отличить одну философскую систему (или школу) от другой» [там же, с.191]. Учёт этой особенности определяет контекстность рассуждений и понятий.

Фактуальный компонент философской аргументации формируется на основании приемлемых приёмов аргументации. Ю.К. Мельвиль выделяет основные приемы аргументации, используемые в философских текстах, и указывает на 1) метод аналогий, 2) аргументацию путем ссылки на чувственный опыт, на ощущение, 3) аргументацию посредством прямого физического воздействия, 4) аргументацию путем ссылки на самоочевидность, 5) аргументацию путем обращения к мифу, притче, 6) эмоционально-психологическую аргументацию, 7) аргументацию путем ссылки на авторитет, а также 8) логическую аргументацию в форме строгого логического доказательства (апории) или в форме логического обоснования (См.: [Мельвиль, 1985, с.84-85]). Обращение к данным приёмам аргументации традиционно в философии, однако выбор того или иного приёма зависит от общей программы философской традиции.

В отношении специфических для философии приёмов аргументации особо следует отметить значимость авторитетов. Е.Н. Шульга отмечает: «Действительно, характеризуя ту или иную философскую систему, мы склонны обращаться к мнению авторитета, что само по себе может иметь самые разные мотивы, в том числе, подспудно, нехватку доводов для построения собственной (единственной в своем роде) картины» [Шульга, 2001, с.84]. В других случаях ссылка на авторитет может иметь положительное значение, когда речь идет о ценностной, интеллектуально-значимой позиции.

Особенностью философской аргументации является также чрезвычайное значение ценностного компонента. Будучи дисциплиной социально-гуманитарного блока, философия имеет дело с оценками и ценностями, поэтому довольно часто решение поставленной проблемы кроется в ценностях. «Ценность представляет собой отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим этим объектом. Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается *хорошим*, или *позитивно ценным*; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к *плохим*, или *негативно*

ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим, считается *безразличным*, или *ценностно-нейтральным*» [Ивин, 2003, с.44]. Оценивание является процедурой соотнесения с ценностью - определения качества объекта в его отношении к ценности.

Оценки, как правило, носят субъективный характер. А.А. Ивин пишет: «... субъективными являются и индивидуальное, пристрастное мнение, и суждение, мотивированное групповыми или классовыми интересами, и концепция, горизонт которой ограничен самим стилем мышления своей эпохи, ее духом» [там же, с.49]. Эта особенность объясняется тем, что к философии приложим не только императив рациональности. Разные философские традиции используют разные «локальные» нормы рассуждения.

Оценки и ценности выступают в качестве нормативного аспекта коммуникации, когда речь идет об оценивании содержания сообщений, особенно когда перед коммуникацией ставятся критические цели.

К аргументации в философии предъявляются также некоторые этические требования - определенные нормы поведения, произнесения и восприятия сообщений. Особое внимание этическим параметрам коммуникации уделяет Ю. Хабермас в своей концепции «этики дискурса», апеллируя к необходимости выработать строго определённые нормы аргументации в коммуникации (См.: [Хабермас, 2001, с.152]). Фактически, это попытка установить единые требования к аргументам. Трудно определить, насколько внимательно соблюдаются требования «этики дискурса», поскольку Ю. Хабермас описывает должные, а не действительные правила коммуникации. Однако сама постановка этой проблемы и попытка её решить является значимой, поскольку нормирование коммуникации способствует получению концептуального результата, значимого для всех участников, и позволяет избежать манипуляций и обмана.

Специфическим в философии является отношение к логическому компоненту аргументации. Ю.К. Мельвиль обращает внимание на ограниченные возможности логического доказа-

тельства в философии и пишет: «С давних времен существует мнение, согласно которому одной из высших добродетелей философа является логическая последовательность и непротиворечивость созданной им системы. К этому идеалу стремилось большинство философов. Но какие бы способы аргументации они не изобретали, едва ли кому-нибудь из них удалось достигнуть идеала полной последовательности. Более того, нередко противоречия в аргументации и в самой философской системе служили стимулом для последующего развития философской мысли» [Мельвиль, 1985, с.86-87]. Вопрос о логике всегда остаётся «внутренним» вопросом, решаемым в пределах каждой отдельно взятой философской школы.

Нормативный аспект коммуникации связан с выработкой системы норм, регулирующих процесс коммуницирования. Нормы могут способствовать наиболее эффективной в познавательном плане коммуникации или, наоборот, формировать запреты на обсуждение некоторых тем и на получение некоторых результатов. В таком случае нормы могут стать препятствием эффективной коммуникативной деятельности.

Завершает анализ коммуникации в нашей работе вопрос ее **структурной организации** и ее особенности в приложении к философии как познавательной области. Структурный анализ предполагает выделение компонентов, составляющих коммуникативный процесс, и связей между ними.

В качестве компонентов коммуникации Г.В. Гриненко предлагает рассматривать 1) субъектов коммуникации, 2) мысль, которая передаётся в сообщении, 3) контекст, связанный с факторами времени, места, особых причин и целей коммуникации, 4) текст как объективный носитель сообщения, а также 5) «Абсолютного наблюдателя», способного анализировать коммуникацию и сопоставлять картины мира участников (См.: [Гриненко, 2003, с.62-69]). Такой подход предполагает введение в структуру коммуникации контекстных параметров, обуславливающих функциональные, и исследователя коммуникативного процесса. Однако, поскольку контекст и функциональный аспект являются факторами, обуславливающими ком-

поненты коммуникации – они регулируют поведение участников и определённым образом задают принципы понимания сообщения и текста – сами они не являются компонентами коммуникации. Для более чёткого анализа компонентов коммуникации обуславливающие факторы следует рассматривать отдельно. «Абсолютный наблюдатель» является элементом анализа коммуникации, но не компонентом самой коммуникации. Полезным представляется идея Г.В. Гриненко о различии в коммуникации мысли и текста. Текст, являясь материальным носителем мысли, может неадекватно изображать передаваемую мысль, что объясняет трудности в понимании текстового сообщения.

А.В. Соколов выделяет в коммуникации субъектов и объекты (См.: [Соколов, 2002, с.24]). Под субъектами понимаются участники коммуникативного взаимодействия, под объектами – то, чем они обмениваются. А.В. Соколов использует широкое определение коммуникации, при котором объектом передачи может быть не только текстовое сообщение, но и материальная вещь.

В приложении к сфере философии полезно выделить два основных структурных компонента - субъектов коммуникации и текст. Связи между субъектами определяют содержательные и формальные особенности текста. Последовательно рассмотрим данные компоненты.

Субъект коммуникации – это общее обозначение для участвующих в коммуникативном процессе. При расчленении коммуникации на цепочку отдельных коммуникативных актов субъекты получают различные роли, которые закреплены терминологически. В частности, отправитель и получатель сообщения могут соответственно называться коммуникатор и коммуникант (См.: [Гриненко, 2003]), коммуникант и реципиент (См.: [Соколов, 2002]), адресант и адресат (См.: [Арутюнова, 1999]), автор и адресат (См.: [Васильев, 1988]). Однако эти различия не столь важны, когда речь о коммуникации, в которой отправитель и получатель сообщения постоянно меняются ролями.

Философы как субъекты коммуникации всегда являются носителями определенных философских традиций, методологических установок, и всегда выступают от лица более общей для них группы, как представители различных направлений или концепций. В.С. Швырев отмечает: «Проявляя достаточную степень усилий и ответственности, мы всегда остаемся в рамках той системы познавательных установок, от имени которых мы действуем, и можем найти определенное решение задачи в соответствии с принятыми в этой системе правилами истинности и обоснованности» [Швырев, 2003, с.102]. Основанием понимания философиями друг друга является понимание контекста сообщений друг друга, но оно никогда не является абсолютно адекватным.

С.В. Бориснев характеризует субъекта, вступающего в коммуникацию, понятием «коммуникативная личность» и указывает на три ее основных параметра. Во-первых, мотивационный параметр определяет потребности субъекта в коммуникации (См.: [Бориснев, 2003, с.90]). Философ находится в ситуации многообразия и сложности философских знаний, поэтому потребность вступления в коммуникацию является одновременно и потребностью познания. Кроме того, философские проблемы и вопросы довольно часто имеют несколько вариантов решений, что предопределяет коммуникацию между представителями разных позиций.

Во-вторых, субъекта коммуникации определяет когнитивный параметр, который включает в себя 1) знание коммуникативных систем (кодов), обеспечивающих адекватное восприятие смысловой и оценочной информации, воздействие на партнёра, 2) наблюдение за своим «языковым сознанием» (интроспекцию), его оценку, 3) способность адекватной оценки когнитивного диапазона партнёра (См.: [там же, с.90]). Когнитивный параметр определяет способность участвовать в коммуникации: философ должен обладать знанием основных методов и способов философского рассуждения, быть ознакомлен с содержанием основных философских понятий, быть способным понимать философский текст, воспринимать философское рассуждение

других участников коммуникации и оценивать их с точки зрения вклада в философию. Кроме того, философское рассуждение довольно часто опирается на философскую традицию, для понимания такого текста нужно быть знакомым с историко-философским процессом.

В-третьих, субъекта коммуникации определяет функциональный параметр, содержащий в себе 1) практическое владение индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функции коммуникации, 2) умение варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения, 3) построение высказываний и дискурсов в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами речевого этикета (См.: [там же, с.91]). Философ должен владеть философской терминологией и способом ведения философской дискуссии, должен быть знаком с нормативными установками коммуникации.

Указанные параметры определяют индивидуальные характеристики участника коммуникации, являются причиной различий между позициями философов, их намерениями, мотивами и собственно речевыми действиями. Участвуя в коммуникации, субъект является производителем (или получателем) текста. Текстовые особенности часто можно объяснить исходя из индивидуальных характеристик субъекта.

Второй компонент коммуникации – текст – содержит в знаковой форме передаваемое сообщение. Текст изучается, прежде всего, в семиотике и лингвистике. Общего определения эти дисциплины не сформулировали: если в семиотике под текстом понимается любая последовательность знаков, то в лингвистике – лишь совокупность вербальных знаков. Наиболее общим является понимание текста как любой совокупности знаков (систематизированных как язык какой-либо области), несущей определённую информацию (См.: [Васильев, 1988, с.58]). Согласно этому определению текстом может быть рисунок, чертёж, схема, карта, музыкальное произведение, кинофильм и т.д. Классификация текстов по критерию отнесения их к какой-

либо области знания задаётся различием стилистических особенностей и тематики текстов. Соответственно можно говорить о литературных, научных, публицистических, философских текстах и т.д.

Тексты в философском знании представляют собой развернутые рассуждения по теме, с применением аргументационных конструкций. В структурной организации любого текста выделяют два аспекта: материальный и духовный (идеальный). Духовный аспект связан с тем, что текст является носителем определённого сообщения, а материальный – с тем, что сообщение транслируется особым образом (посредством языка или любой другой системы знаков) (См.: [Васильев, 1988, с.58]). Материальный аспект делает доступным содержание для широкой аудитории и поэтому неразрывно связан с идеальным.

Основная функция текста – передача знания; в аналитической традиции каждая единица знания обладает определённым значением и определённым смыслом. Разница между значением и смыслом была осмыслена в теории именованного Г. Фреге, которая имела дело не с текстом, а со знаком. Согласно теории, всякое имя (знак) обозначает (называет, именуется) некоторый предмет (значение) и выражает некоторый смысл, определённым образом характеризующий значение имени. Г. Фреге, а затем Л. Витгенштейн распространили дефиницию смысла и значения на сферу предложений, на современном этапе данное различие применяется и при анализе текста. В приложении к тексту значение – это объективное содержание текста, смысл – «индивидуальное» значение, которое сложилось в конкретных социальных, исторических, нормативных, методологических контекстах, повлиявших на автора и реципиента. Выделение смысла и значения текста позволяет объяснить феномен многозначности сообщений и, причастный к нему, феномен непонимания субъектами друг друга в коммуникации.

Тексты могут быть устными или письменными; исходя из этого, можно говорить о различиях непосредственной и опосредованной коммуникации. В ситуации непосредственной коммуникации между философами текст чаще всего выступает в

устной форме. Это возможно на конференциях, симпозиумах, конгрессах, семинарах, круглых столах и т.д., а также в личных контактах мыслителей. Особенность этих текстов - в динамичности, подвижности, что объясняется непосредственным наличием субъектов (См.: [Лурия, 1998, с.260-269]). В связи с этой особенностью устный текст, как правило, более ясен и менее многозначен - аудитория контролирует процесс объективации текста. Причем форма организации текста в этом случае может быть стилистически неточной.

Опосредованная коммуникация формируется в ситуациях, когда передача информации происходит в письменной форме. Особое значение в опосредованной коммуникации имеет способ передачи текста. Анализируя феномен письменных текстов в науке, Н.В. Карлов обращает внимание на различия в передаче информации посредством монографии и журнальной статьи. Монография содержит фундаментальные положения, тщательно осмысленные автором, предлагающие обобщенный взгляд на излагаемую проблему. Совершенное иное автор обнаруживает при анализе журнальной статьи. «Слово «журнал» означает дневник, его назначение – фиксация происходящего ежедневно (ежемесячно), желательно в реальном масштабе времени. Поэтому журнал, несмотря на всю свою нужность, важность и актуальность, всегда несколько эфемерен» [Карлов, 2000, с.25]. Журнальная статья является средством фиксации нового познавательного результата, выполняет функцию распространения знания и привлечения внимания к проблеме.

Передача письменного текста в форме журнальной статьи в исторической перспективе во многом интенсифицировало процесс коммуникации в эпистемических сообществах. Специализированный журнал является средоточием информации по теме, обращение к таким изданиям гарантирует получение новых данных по актуальным проблемам дисциплины. Кроме того, журнальная статья является кратким изложением идей автора, она может стимулировать интерес к его монографиям.

Анализируя письменные тексты по философии, следует указать на некоторые жанровые различия. Н.Г. Баранец указы-

вают на следующие группы жанров философской литературы: персонологическую, онтологическую и когнитивно-образовательную (См.: [Баранец, 2003, с.237-241]). Основанием данной классификации является содержательный критерий.

Современный анализ предусматривает различие академических и неакадемических философских текстов. Академические тексты наукообразны, во многом потому, что чаще используют логическую аргументацию, неакадемические тексты образны, нацелены на эмоциональное состояние читателя. Кроме того, если многие академические мыслители видят в своей точке зрения «Абсолюта», то неакадемический мыслитель вполне отдаёт себе отчёт в субъективности своей позиции. Если академический философ активно пользуется специальной терминологией, опираясь на классическую философскую традицию и на понятийный аппарат современной науки, то неакадемический философ делает это значительно реже, предпочитая публицистику или художественный стиль (См.: [Золотухина–Аболина, 2007, с.52]).

Также академические и неакадемические тексты различаются степенью использования метафор (в последнем их гораздо больше) и материалом исследования (академический философ работает с текстами других авторов, потому высока степень цитирования, а неакадемическое философствование находит опору, прежде всего, в собственном опыте мыслителя, что, однако, не отменяет цитирование). У академической и неакадемической философии разные задачи. «Академическая философия реализует стратегию сохранения, а неакадемическая направлена скорее на изменение» [Пржиленский, 2007, с.60]. Обе группы философских текстов являются значимыми, различия между ними связаны с формами объективации знания.

Субъект и текст, который он производит, являются центральными компонентами коммуникации. Для того, чтобы участвовать в коммуникации, субъект должен иметь отношение к тексту: производить его или получать. Текст, в свою очередь, всегда соотносится с субъектом: текст производится автором и воспринимается реципиентами.

В ряде социологических исследований в качестве отдельного компонента коммуникации рассматривается связь, устанавливаемая между субъектами. Связь определяет средство, способ и форму передачу текста. В данном исследовании мы специально не ставим вопрос о связи между субъектами, поскольку связь не определяет содержательные параметры сообщения и не является когнитивным фактором коммуникации. Способ и форма передачи сообщения является неотъемлемой характеристикой текста, средства передачи сообщений – скорее, внешними факторами, которые будут более интересны социологам.

Вкратце лишь упомянем о том, что совершенствование средств связи оказывает влияние на процесс интенсификации коммуникативной передачи. На ранних этапах истории наиболее эффективной была непосредственная коммуникация, так как реализация опосредованной была связана с весьма серьезными трудностями – тексты были рукописными и, следовательно, довольно редкими. Появление книгопечатания в значительной степени убыстряет процесс распространения текстов. Возникновение сети Internet в XX в. и развитие информационных технологий делает текст доступным для любого пользователя – сообщение, актуализированное автором, имеет максимально широкую аудиторию и поэтому быстро получает «отклик».

***

В заключении следует отметить, что контекст, функциональный, нормативный и структурный аспекты коммуникации взаимообуславливают друг друга. Контекст вырабатывает общие тематические и методологические параметры коммуникации, а также намерения субъекта. Намерения и цели субъектов обуславливают общие цели и задачи, которые ставит перед собой коммуникация. Нормативные особенности коммуникации задают рамки приемлемого и неприемлемого для субъекта рассуждения. Однако, субъект всегда остается свободным в выборе норм и целей коммуницирования, а также той или иной методологической программы или философской традиции.

ТИПЫ КОММУНИКАЦИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Формирование локального философского сообщества представляет собой процесс установления интеракции между философами в процессе коммуникации. Интеракция между членами сообщества проявляется во взаимном интересе философов к достижениям друг друга, при этом не имеет значения о какого рода интересе идёт речь: философы могут основываться на исследованиях друг друга (как бы «опосредованно» сотрудничать), могут находиться в отношениях взаимокритики, отставляя значимость собственной позиции.

Для того, чтобы взаимовосприятие и взаимопонимание (интеракция) стали возможными, необходимо наличие универсальных норм коммуникации. Указывая на необходимость этого параметра, Ю. Хабермас сформулировал принцип универсализации, согласно которому «...та или иная норма лишь тогда считается оправданной, когда она «в равной мере хороша» для каждого из тех, кого она затрагивает» [Хабермас, 2001, с.108]. Однако такие универсальные нормы довольно трудно четко и однозначно сформулировать.

К универсальным коммуникативным нормам в философии относится, несомненно, требование аргументированности и обоснованности, знание (не обязательно признание) основных авторитетов. Значительным образом на формирование норм коммуникации в локальном философском сообществе влияют особенности познавательной традиции.

Функционирование локального философского сообщества связано с поддержанием коммуникативных связей. При этом значение имеют не только коммуникации внутри локального философского сообщества, но и в пределах дисциплинарного сообщества в целом. Учитывая разницу между коммуникацией внутри локальных философских сообществ и коммуникацией, которая складывается с другими сообществами, обращая вни-

мание на функциональные отличия, можно говорить о нескольких типах коммуникации в дисциплинарном сообществе в философии.

Основанием типологизации является различие в функциональном, нормативном и структурном аспекте коммуникации: каждый тип коммуникации конфигурируется функциональными, нормативными и структурными особенностями. *Среди типов коммуникаций можно выделить демонстративный, педагогический, дискуссионный, тематический и идентификационный.*

Демонстративный тип коммуникации ставит своей основной задачей обмен информацией между участниками, причём для участников таких коммуникаций большее значение имеет актуализация информации, чем ее потребление.

Между субъектами устанавливаются предельно «далекие» отношения: в демонстративную коммуникацию могут вступать представители различных дисциплин и традиций с целью ознакомления с достижениями своих «дальних» коллег и демонстрации своих достижений. Такая разрозненность субъектов закрепляется мотивированностью: одни субъекты вступают в коммуникацию с намерением актуализировать информацию, другие – пассивно ее воспринять. Поэтому функционально такие коммуникации нацелены на достижение референтативных и/или фатических целей.

Контекст такой коммуникации предельно широк - мировоззренчески значимые вопросы, идеологические проблемы, противоречия между философскими традициями. В той же мере предельно широки нормативные характеристики коммуникации: одни субъекты в большей мере нацелены на использование логических аргументов, другие – апеллируют к авторитетам, третьи – к ценностям.

Наиболее ярко демонстративный тип проявляется в дискуссиях в ходе Всемирных философских конгрессов. В отчётах участников таких конгрессов довольно часто встречается мысль о том, что общение здесь реализуется в условиях общей позиционной разобщенности участников (См., например, [Родин, 1999, с.49], [Лекторский, 1999, с.34]). Вот как оценивает до-

клады XXII Всемирного философского конгресса в Сеуле Л.А. Минасян: «Были доклады, действительно побуждающие к переосмыслению и более глубокому пониманию и философского наследия, и проблем современной философии. Были доклады весьма спорные, когда, например, большинство естественнонаучных дисциплин лишали статуса научности, или даже доклады такого уровня, что любой российский участник конгресса мог бы произнести его сразу же безо всякой специальной подготовки, так как они представляют собой общепринятые фрагменты читаемых студентам лекций» [Минасян, 2009, с.154]. Такое положение дел объясняется тем, что участники конгресса являются представителями разных, несопоставимых друг с другом философских традиций.

Однако, участники таких конгрессов довольно часто отмечают ощутимую пользу таких мероприятий. В.А. Лекторский пишет, что смысл конгресса «... собрать в одном месте и на определенное время людей, представляющих совершенно разные философские и культурные традиции, дать им возможность высказать свои идеи (которые, как правило, хорошо известны тем, кто работает вместе с ними в непосредственном контакте) и если и не организовать диалог тех, кто к этим разным традициям принадлежит – это слишком сложно и невозможно на столь короткое время – то хотя бы помочь им ознакомиться с идеями друг друга... Конгресс дает возможность участвовать в течение относительно короткого времени в работе нескольких секций, «круглых столов», иного рода заседаний и позволяет получить впечатление о современной проблематике сразу в нескольких областях философии» [Лекторский, 1999, с.34]. Эта обширная цитата довольно ярко описывает специфику демонстративной коммуникации, одновременно показывает ее несомненное значение.

С точки зрения когнитивной значимости демонстративные коммуникации служат средством первичной актуализации идеи или подхода, когда речь идет о представлении нового (оригинального) знания.

Педагогический тип коммуникации ставит своей задачей передачу информации строго от одних субъектов (производителей информации) к другим субъектам (потребителям информации). Таким образом, особенность структуры педагогической коммуникации в поляризации субъектов: одни являются активными участниками коммуницирования, другие – пассивными. Причем, модусы активности и пассивности являются характеристиками не столько самой деятельности субъектов, сколько отражают способ участия субъектов в производстве текста: «активные» субъекты формируют значительную часть текста, «пассивные» – вносят некоторые изменения.

Распределение субъектов по ролям закрепляется функционально: «активные» субъекты настроены на производство информации, «пассивные» – на её потребление; для «активных» субъектов коммуникация нацелена на достижение побудительных целей, для «пассивных» – на достижение познавательных целей.

«Активные» субъекты определяют для педагогической коммуникации нормативный аспект, то есть акцент на наиболее значимых нормах – аргументационных или ценностных – всегда ставят «активные» субъекты. Контекст педагогической коммуникации предельно широк: это может быть социальный заказ, идеология, философская традиция.

Идеальным случаем педагогической коммуникации является обучение, где учитель формирует коммуникацию с учеником, который вместе с содержанием получает методологические и дискуссионные навыки, адаптируется к философской традиции. Однако такого рода коммуникация возможна только, когда речь идёт о формирующемся субъекте познания, рефлексивность которого снижена.

В локальном философском сообществе, в котором коммуникация выстраивается между равностатусными субъектами, педагогический тип имеет отношение к фактам заимствования и преемственности. Анализируя природу влияний и заимствований в философии, В.В. Лазарев пишет: «Изучение духовного наследия прошлого не подрывает самостоятельности, самобыт-

ности философа. Если он «находился под влиянием» той или иной системы, значит позволял ей влиять на себя, тогда как другой какой-нибудь системе он не позволял этого» [Лазарев, 2008, с.96]. Таким образом, вступление в педагогическую коммуникацию является для равностатусных субъектов добровольным решением.

Педагогический тип коммуникации может связывать субъектов опосредованно, когда субъекты значительно удалены друг от друга (во времени и пространстве), и непосредственно, когда субъекты имеют возможность вступать в актуальное общение. Факты влияний особенно четко прослеживаются в истории философских традиций.

Показательным примером служит история кантианства и неокантианства в России рубежа XIX-XX веков. О.Д. Мачкарина пишет: «Проводником кантианских и неокантианских идей стали многие молодые люди, которые завершали философское образование в Германии, работали на семинарах Вильгельма Виндельбанда, Генриха Риккерта, Германа Когена, Эдмунда Гуссерля и распространяли сведения о русской философии» [Мачкарина, 2007, с.402]. В ходе обучения они усвоили (и приняли) установки неокантианской философии и стали её апологетами в России. В частности, в Петербургском университете проводились семинары по неокантианской философии, посвященные учениям Г. Риккерта, Э. Кассирера, Э. Гуссерля (См.: [Абрамов, 1998, с.62]).

Наиболее последовательным в следовании данной традиции считается А.И. Введенский. Современный историк философии А.И. Абрамов обращает внимание на то, что в философии А.И. Введенского в большей степени воплощены идеи самого И. Канта, нежели идеи неокантианцев Баденской школы (См.: [там же, с.58]). Влияние И. Канта определило тематические и методологические особенности философии А.И. Введенского.

При этом А.И. Введенский в непосредственных коммуникациях определил гносеологические взгляды другого русского философа, своего ученика И.И. Лапшина. А.И. Абрамов следующим образом характеризует отношения философий этих двух

мыслителей: «Кантианские взгляды Введенского полностью разделял его ученик И.И. Лапшин, который после написания работы «Полемика между Гассенди и Декартом по поводу «Медитаций» был оставлен при СПб. университете для приготовления к профессорскому званию». И.И. Лапшин «... вполне разделял общие установки логицизма Введенского, исходящего из подчинения деятельности сознания закону противоречия» [там же, с.62]. Будучи учеником А.И. Введенского, И.И. Лапшин стал его последователем и, в некотором смысле, преемником.

Безусловно, было бы неверным заключать о том, что философия А.И. Введенского была полным повторением идей И. Канта, а установки самого А.И. Введенского полностью определили гносеологию И.И. Лапшина. Речь идёт о весьма серьёзном влиянии, которое позволило некоторым содержательным моментам философии И. Канта перейти без изменений от одного последователя к другому. Трансляция таких элементов является свидетельством наличия в философском сообществе педагогической коммуникации.

Дискуссионный тип проявляется в коммуникации внутри определенной области исследований, по определенному вопросу или проблеме; задачей такой коммуникации является обсуждение. Особенности структурной организации дискуссионной коммуникации связаны с субъектами: субъекты являются представителями одной дисциплины (или имеют интерес в одной области), однако их представления о способе решения поставленной проблемы различны. Как правило, такие расхождения связаны с тем, что субъекты представляют различные подходы к проблеме. Поэтому контекстом таких коммуникаций является дисциплина или проблема, но не философская традиция.

Функционально дискуссионная коммуникация нацелена на достижение референтативных целей, в таком случае дискуссия носит относительно спокойный характер - субъекты мотивированы на взаимовосприятие позиций или на прояснение вопроса. В других случаях дискуссионная коммуникация превращается в спор - субъекты мотивированы на взаимоопровержение позиций.

Особое значение для дискуссионной коммуникации имеет нормативный аспект, поскольку субъекты вынуждены уделять особое внимание аргументации. Намерение одного субъекта убедить в чем-либо другого субъекта сопряжено с поиском наиболее убедительных аргументов в пользу своей позиции, но для этого должно присутствовать некоторое единство в представлении об убедительном и неубедительном. Такая задача – поиск единства в способах аргументации – является дополнительной целью дискуссионной коммуникации, именно здесь происходит отработка аргументационных норм, закрепляющихся затем в качестве нормативных.

К дискуссионному типу относится, например, коммуникация между Н.О. Лосским и А.И. Введенским в начале XX века по проблемам противоречий между априоризмом и интуитивизмом. Основанием противоречий между двумя философами были их философские позиции – Н.О. Лосский был интуитивистом и ярко выраженным метафизиком, А.И. Введенский был кантианцем, критически настроенным к метафизике. В ходе этой длинной публичной дискуссии философы поставили своей задачей доказать общезначимость своей позиции через выявление противоречий в аргументах друг друга. Тем самым, общим нормативным полем между ними стала, прежде всего, логическая аргументация.

В частности, А.И. Введенский полагал, что критика Н.О. Лосского неосновательна, поскольку она содержит ошибку *petition principii* (ошибку произвольного (или спорного) основания). В свою очередь Н.О. Лосский указывает, что аргументы А.И. Введенского имеют силу, только если принять положение об априорности, что никоим образом не обосновано. К тому же, продолжил автор, А.И. Введенский неверно истолковал идеи самого Н.О. Лосского – исходя из неверного представления об интуитивизме, он получил логически верные, но не относящиеся к делу выводы (См.: [Баранец, 2007, с.160-166]). Как видно из приведенного примера, противоречия между противниками обнаружили себя в общем для них и актуальном для дисциплинарного сообщества поле аргументационных норм.

К дискуссионному типу коммуникации может быть отнесена дискуссия между Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенковым в 70-х годах XX века по поводу природы «идеального». Основанием противоречий между двумя философами была разница подходов, апологетами которых они были: Д.И. Дубровский транслировал естественнонаучно-ориентированный подход, Э.В. Ильенков – философско-марксистский.

Д.И. Дубровский считал, что «идеальное» и психика взаимосвязаны таким образом, что «идеальное» не существует вне психики; «идеальное» это субъективное свойство отдельного индивида, благодаря которому непосредственно дано содержание и образ физического объекта. Сущностно «идеальное» представлено как «чистая», необъективируемая в материи информация, которой психика может свободно оперировать (См.: [Дубровский, 1971, с.126]). Расширяя категорию идеального, Э.В. Ильенков настаивает на различении моментальных психических состояний отдельных субъектов (к которым Д.И. Дубровский сводит «идеальное») и всеобщих, необходимых объективных форм человеческого знания, которые «идеальны» в большей мере (См.: [Ильенков, 1979, с.129-130]). «Идеальное», по мнению Э.В. Ильенкова, есть объективная реальность, существующая вне человеческого сознания и одновременно благодаря ему, представляющая собой схемы реальной предметной деятельности человека, закрепленные в различного рода культурных явлениях (См.: [там же, с.136]). Таким образом, Д.И. Дубровский связывает «идеальное» с отдельным индивидом, а Э.В. Ильенков – с культурой, носителем которой является социум.

Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков формируют свои позиции, апеллируя к общим для советского философского сообщества аргументам. В частности, Д.И. Дубровский начинает свои рассуждения с того, что невозможно разрывать идеальное и психику индивида, что противоречило бы науке (См.: [Дубровский, 1971, с.104]). Этот аргумент воспринимался как довольно серьезный, учитывая, что в конце 60-х – начале 70-х в советском марксизме продвигался императив «союза», «сотрудничества»

философов и естественников. Э.В. Ильенков обвиняет противника в вульгарном материализме и игнорировании социальных факторов в формировании личности, на которые указывал К. Маркс (См.: [Ильенков, 1979, с.129]). Оппоненты стремились к большей чёткости своих аргументов, однако эта чёткость определялась уже не строгостью логических аргументов (как в дискуссии Н.О. Лосева и А.И. Введенского), но в чёткости следования «парадигме» советской философии.

Тематический тип коммуникации формируется как обсуждение философской проблемы внутри локального философского сообщества. Главной особенностью такой коммуникации является единство контекста, в роли которого выступает философская традиция. Учитывая, что философская традиция определяет не только содержательную, но и методологическую сторону знания, тематическая коммуникация реализуется в условиях единства нормативных требований.

Особенность структуры тематической коммуникации в том, что субъекты, будучи представителями одной философской традиции, в большей степени сосредоточены на получении знания, чем на демонстративном доказательстве собственной позиции. Поэтому наибольший вес в тематической коммуникации имеет производство текста.

Функционально тематические коммуникации нацелены на достижение познавательных целей, когда речь идёт о стремлении получить знание, и на методологические цели, когда речь идёт о прояснении особо сложных моментов проблемы. С точки зрения когнитивной содержательности, тематические коммуникация являются наиболее эффективными.

Тематический тип коммуникации особенно четко проявляется в дискуссиях внутри философских кружков, где участники идейно близки друг другу, что позволяет им сосредоточиться на получении текста. Например, характеризуя работу философского кружка М.М. Бахтина, Н.К. Бонецкая пишет: «Это был не просто круг собеседников-единомышленников, но и некое особое творческое единство: до сих пор остается открытым вопрос об авторстве целого ряда книг и статей, подписанных именами

членов бахтинского кружка, но излагавших глубинные мысли самого Бахтина. В кружке этом не существовало, видимо, понятия интеллектуальной собственности и вырабатывались необычные доселе, не совсем понятные формы коллективного авторства» [Бонецкая, 1996, с.97]. Эта характеристика подчёркивает, насколько существенно в тематической коммуникации получение текста.

В. Крафт, описывая историю Венского кружка, указывает на тот же эффект: «Это была совместная конструктивная умственная деятельность, а не усвоение тезисов учителя... Совместная работа обеспечила такой быстрый прогресс, который бывает только в конкретных науках. Вполне естественно, что столь быстрое развитие было сопряжено с многочисленными изменениями и некоторые первоначальные и слишком упрощенные истолкования впоследствии были отброшены» [Крафт, 2003, с.40]. Таким образом автор объясняет чрезвычайно высокую динамику во взглядах представителей кружка.

Тематический тип коммуникации может возникать не только в ходе работы философских кружков. Д.А. Скопин описывает особого рода жанр во французской философской мысли, который является выражением новой формы полемики-коммуникации. «Он представляет собой обмен интерпретациями между двумя философскими «мандаринами», как правило, принадлежащими к одному поколению и не являющимися интеллектуальными противниками» [Скопин, 2006, с.167]. В такого рода «взаимопрочтения» вступают, например, М. Фуко и Ж. Делез. Объектом их интерпретации и взаимопрочтения являются этические проблемы в философии Ф. Ницше, к которой каждый из философов формирует собственное отношение. Подобное взаимопрочтение является коммуникацией, позволяющей каждому участнику расширить свои представления о проблеме.

Идентификационный тип коммуникации формируется в контексте идеологии, которая носит принудительный характер. Субъекты идентификационной коммуникации являются представителями одной философской традиции, для которой большое значение имеет связь с общественно значимым мировоз-

зрением. Большой вес в структуре идентификационных коммуникаций имеет *воспроизводство* текста (или наиболее важных его моментов).

Контекстом идентификационных коммуникаций выступают социальный заказ или идеология. Функционально такие коммуникации нацелены на достижение побудительных целей, когда актуализируется знание о направлении исследований, критических, когда выявляется круг оппонентов, и фатических целей, когда задачей является демонстрация самого единства в коммуникации.

Отличительной особенностью идентификационной коммуникации является большее значение ценностей и оценок в нормативном аспекте: для субъектов, единых в своей причастности к одной философской традиции, не составляет проблемы взаимовосприятие аргументационных параметров, в большей степени интерес составляет воспроизводство ценностных.

Идентификационная коммуникация, прежде всего, решает организационные задачи, актуализируя единство мнений, однако и такого рода коммуникации не лишены когнитивной значимости. При условии заинтересованности субъектов в исследовании идентификационная коммуникация воспроизводит круг задач, становящихся затем целями исследований.

В качестве примера идентификационной коммуникации могут выступать некоторые обсуждения в рамках советской философии, в которых идеологический, принудительный момент был чётко выражен. Одной из норм советского стиля философствования является обязательная отсылка к классикам марксизма-ленинизма, которая была показателем приемлемости (легитимности) каждого философского исследования. Эта особенность определяла, с одной стороны – весьма высокий интерес к работам классиков марксизма-ленинизма и их авторитетным комментариям, с другой стороны – стала стимулом философской коммуникации.

Одной из «классических» считалась и работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В развитии советской философии отношение к работе менялось: если в 40-50 годах

«Материализм и эмпириокритицизм» был средством борьбы против идеалистических учений, то в 60-70 годах работа стала концептуальным аппаратом анализа революции в физике на рубеже XIX-XX веков (См.: [Кудряшова, 2009, с.70-73]). Отношение к работе менялось, однако интерес постоянно поддерживался.

Идеологический момент в идентификационной коммуникации в советском сообществе иногда превышал когнитивный эффект. Интересный пример демонстрирует круглый стол, организованный журналом «Вопросы философии» в 1972 году, посвященный проблеме социальных и биологических факторов развития человека. В ходе обсуждения Л.В. Крупинский настаивал, что проблема может быть решена при более тщательном изучении природы мозга, однако уже к этому времени эксперименты позволяют не соглашаться с мнением многих (в том числе с Н.П. Дубининым) в том, что рассудочная деятельность появилась в момент, когда человек начал использовать орудия труда, так как «... орудие смогло быть использовано человеком только после того, как он достиг определённого уровня своей рассудочной деятельности» [Круглый стол..., 1972, с.111]. Несмотря на данное утверждение, многие участники дискуссии не раз ссылались на работы Н.П. Дубинина, на соответствующие идеи Ф. Энгельса, и более того Д.Ф. Петров говорил о чрезвычайном значении этих работ. Таким образом, в данной дискуссии идеологический момент стал в определённой степени превышать когнитивное значение исследований.

Указанная типологизация коммуникации позволяет анализировать динамику функционирования дисциплинарного сообщества в условиях сосуществования локальных. С точки зрения когнитивной значимости наиболее эффективными являются тематические коммуникации, позволяющие приращивать знание в объёме философской традиции в пределах локального философского сообщества. Увеличение числа тематических коммуникаций ведёт к усилению дифференциации в философии – чем более узкими являются рамки философских традиций, тем

более непонятной становится их проблематика для других философских традиций.

Особенно трудны пересечения между далекими друг от друга философскими традициями, например между феноменологией и позитивизмом. Внутри традиций постоянно ведутся дискуссии, однако никаких пересечений между ними, даже в творчестве отдельного философа не наблюдается.

Демонстративные и дискуссионные коммуникации позволяют философским традициям взаимодействовать, содержательно пополнять друг друга. Увеличение числа таких коммуникаций свидетельствует об интеграционных процессах в философии.

Участие в демонстративных и дискуссионных коммуникациях обнаруживается в творчестве отдельных философов, где совмещаются тенденции нескольких традиций. Например, в творчестве Ю. Хабермаса обнаруживается влияние неомарксизма Франкфуртской школы, социологии М. Вебера и символического интеракционизма. Иногда демонстративные и дискуссионные коммуникации приводят к появлению новых философских традиций. Например, постпозитивизм является следствием привнесения в позитивистские исследования чуждого им принципа историзма, неопрагматизм является следствием интереса некоторых прагматиков к неопозитивизму.

Педагогические и идентификационные коммуникации, нацеленные на сохранение, прежде всего, социального единства путем постоянного воспроизводства концептуального, позволяют философской традиции сохраняться и стабилизироваться. Однако чрезмерное увеличение числа таких коммуникаций ведёт к стагнации и уменьшению роли познавательной деятельности.

Например, засилье демонстративного момента в советской философии привело к весьма серьёзным проблемам. В 1974-76 годах журнал «Вопросы философии» провел ряд круглый столов, посвященных вопросам качества философской литературы. В ходе одной из дискуссий в качестве основных недостатков философских работ И.Т. Фролов указал «... удаленность от жи-

вых, реальных проблем науки, отсутствие настоящего, глубокого философского анализа. Как правило, такие работы представляют собой простой пересказ существующих точек зрения, разбавленный большим количеством цитат» [Круглый стол..., 1974, с.102]. Такую позицию затем поддержали многие участники дискуссии.

Указанные типы коммуникации позволяют в динамике проследить процессы формирования локальных философских сообществ и функционирования дисциплинарного сообщества в целом.

Литература

Абельс, Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию [Текст] / Х. Абельс; перевод с немецкого под общей редакцией Н.А. Головина и В.В. Козловского. - СПб.: Издательство «Алетейя», 1999.

Абрамов, А.И. Кантианство в русской университетской философии [Текст] / А.И. Абрамов // Вопросы философии. – 1998. – № 1. – С.58-69.

Алексеев, А.П. Философский текст: идеи, аргументы, образцы [Текст] / А.П. Алексеев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н.Д. Андреева. – М.: Наука, 1976.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999.

Барабанов, Е.В. Русская философия и кризис идентичности [Текст] / Е.В. Барабанов // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С.102–116.

Баранец, Н.Г. Метаморфозы этоса российского философского сообщества: в XIX – начале XX веков. В двух частях: Ч.1 [Текст] / Н.Г. Баранец. – Ульяновск: УлГУ, 2007.

Баранец, Н.Г. Философское сообщество: структура и закономерности становления (Россия рубежа XIX – XX) [Текст] / Н.Г. Баранец. – Ульяновск: УлГУ, 2003.

Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979.

Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман; перевод с английского Е.Д. Руткевича. – М.: «Academia – Центр», «Медиум», 1995.

Бонецкая, Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина [Текст] / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 1996. – № 10. – С.94-112.

Бориснев, С.В. Социология коммуникации: Учеб: пособие для Вузов [Текст] / С.В. Бориснев. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003.

ван Дейк, Т. Анализ новостей как дискурса [Текст] / Т. ван Дейк // ван Дейк. Т. Язык. *Познание.* Коммуникация / В.И. Герасимов; перевод с английского В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова.– М.: Прогресс, 1989. – С.111-160

Васильев, С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста: Философские проблемы [Текст] / С.А. Васильев. – Киев: Наукова думка, 1988.

Виноградов, Е.Г. Виллард Куайн: портрет аналитического философа XX века [Текст] / Е.Г. Виноградов // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С.105-117.

Герасимова, И.А., Новосёлов, М.М. Искусство убеждения в традициях логической науки [Текст] / И.А. Герасимова, М.М. Новосёлов // Мысль и искусство аргументации / И.А. Герасимова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.9-42.

Гриненко, Г.В. Аргументация и коммуникация [Текст] / Г.В. Гриненко // Мысль и искусство аргументации / И.А. Герасимова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.58-89.

Грэхэм, Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом познании в Советской Союзе [Текст]: [пер. с англ.] / Л.Р. Грэхэм. – М.: Политиздат, 1991.

Дубровский, Д.И. О природе идеального [Текст] / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. – 1971. – № 4. – С.103-113.

Дюркгейм, Э. Социология и теория познания [Текст] / Э. Дюркгейм // Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX в.) / П.Я. Гальперин, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Золотухина-Аболина, Е.В. Философский текст: академичность или свобода? [Текст] / Е.В. Золотухина-Аболина // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 1. – С.49-54.

Ивин, А.А. Ценности и целевое обоснование [Текст] / А.А. Ивин // Мысль и искусство аргументации / И.А. Герасимова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.43-58.

Ильенков, Э.В. Проблема идеального [Текст] / Э.В. Ильенков // Вопросы философии. – 1979. – № 6. – С.128-140

Ильин, И.П. Постмодернизм. Словарь терминов [Текст] / И.П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) — INTRADA, 2001.

Касавин, И.Т. Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой [Текст] / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2006. – № 2. – С.34-57

Крафт, В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма [Текст] / В. Крафт; перевод с английского А.Л. Никифорова. – М.: Идея-Пресс, 2003.

Крейн, Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» [Текст]: [пер. с англ.] / Д. Крейн // Коммуникация в современной науке / Э.М. Мирский, В.Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С.183-218

Круглый стол «О качестве философской литературы» [Текст] // Вопросы философии. – 1974. – № 5. – С.101–123

Круглый стол «Социальные и биологические факторы развития человека» [Текст] // Вопросы философии. – 1972. – № 9. – С.109-125

Кудряшова, Е.В. Значение книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в советской философии [Текст] / Е.В. Кудряшова // Книга В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в философии XX века. К 100-летию со дня издания: Материалы научной конференции (Симбирск-Ульяновск, 12-14 апреля 2009 года) / В.А. Бажанов. – Ульяновск: УлГУ, 2009. – С.70-73.

Лазарев, В.В. О «влияниях» и «заимствованиях» в истории философии [Текст] / В.В. Лавров // Философские науки. – 2008. – № 6. – С.93-112.

Лакруа, Ж. Избранное: персонализм [Текст] / Ж. Лакруа; перевод с французского И.И. Блауберга, И.С. Вдовиной, В.М. Володина. – М.: «Росспэн», 2004.

Лассвелл, Г. Структура и функции коммуникации в обществе [Текст]: [пер. с англ.] / Г. Лассвелл // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. (Библиотека серии «Специализированные курсы в социологическом образовании») / М.М. Назаров. – М.: УРСС, 1999. – С.131-138.

Лекторский, В.А. Зимние заметки о летних впечатлениях [Текст] / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С.33–37.

Лин, Н., Гарвей, У.Д., Нельсон, К.Е. Исследование коммуникативной структуры науки [Текст]: [пер. с англ.] / Н. Лин, У.Д. Гарвей, К.Е. Нельсон // Коммуникация в современной науке / Э.М. Мирский, В.Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С.291-334

Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000.

Луман, Н. Медиа коммуникации [Текст] / Н. Луман; перевод с немецкого А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Издательство «Логос», 2005.

Луман, Н. Общество как социальная система [Текст] / Н. Луман; перевод с немецкого А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2004.

Лурия, А.С. Язык и сознание [Текст] / Е.Д. Хомская. – Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998.

Марков, Б.В. Мораль и разум [Текст] / Б.В. Марков // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; перевод с немецкого под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Изд-во Наука, 2001. – С.287–377.

Мачкарина, О.Д. Неокантианство в России в первой четверти XX века (А.И. Введенский, П.Б. Струве) [Текст] / О.Д. Мачкарина // Вестник МГТУ. – 2007. – № 3. – С.399-408.

Мельвиль, Ю.К. Аргументация в философии [Текст] / Ю.К. Мельвиль // Философские науки. – 1985. – № 4. – С.83-89.

Мид, Дж. Азия [Текст]: [пер. с англ.] / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты / В.И. Добренев. – М.: Издание международного Университета Бизнеса и Управления, 1996а. – С.225–234.

Мид, Дж. От жеста к символу [Текст]: [пер. с англ.] / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты/ В.И. Добренев. – М.: Издание международного Университета Бизнеса и Управления, 1996б. – С.213–221.

Минасян, Л.А. Встреча с Сеулом [Текст] / Л.А. Минасян // Философские науки. – 2009. – № 6. – С.152-154.

Мирский, Э.М., Садовский, В.Н. Проблемы исследования коммуникации в науке [Текст] / Э.М. Мирский, В.Н. Садовский // Коммуникация в современной науке / Э.М. Мирский, В.Н. Садовский. – М.: Прогресс, 1976. – С.5-24

Мунье, Э. Персонализм [Текст] / Э. Мунье // Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье; перевод с французского И.С. Вдовиной, В.М. Володина. – М.: «Республика», 1999. – С.459-539.

Мухелишвили, Н.Л., Сергеев, В.М., Шрейдер, Ю.А. Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации [Текст] / Н.Л. Мухелишвили, В.М. Сергеев, Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С.45-57.

Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. (Библиотека серии «Специализированные курсы в социологическом образовании») [Текст] / М.М. Назаров. – М.: УРСС, 1999.

Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов [Текст] / Дж. Остин // Остин Дж. Избранное / Дж. Остин; перевод с английского Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева – М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С.11-135.

Прайс, Д., Бивер, Д. Сотрудничество в «невидимом колледже» [Текст]: [пер. с англ.] / Д. Прайс, Д. Бивер // Коммуникация в современной науке / Э.М. Мирский, В.Н. Садовский – М.: Прогресс, 1976. – С.335-350

Пржиленский, В.И. И академичность и свобода [Текст] / В.И. Пржиленский // Эпистемология и философия науки. – 2007. – №1. – С.58-61.

Пульчинелли Орланди, Э. В вопросу о методике и объекте анализа дискурса [Текст] / Э. Пульчинелли Орланди // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред., перевод с французского и португальского, вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С.197-224.

Рац, М. Материалы к понятию контекста [Текст] / М. Рац // Вопросы философии. – 2006. – №3. – С.77-89.

Родин, А.В. Философский конгресс как общение [Текст] / А.В. Родин // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С.47-52.

Рорти, Р. Философия и будущее [Текст] / Р. Рорти; перевод с английского Т.Н. Благовой // Вопросы философии. – 1994. – №6. – С.29-34.

Скопин, Д.А. Чтение на пределе возможностей: о жанре взаимопропрочтения в современной французской философии [Текст] / Д.А. Скопин // Вопросы философии. – 2006. – № 10. – С.167-182.

Соболева, М.Е. Интенциональность – коммуникация – язык. Проблема последовательности [Текст] / М.Е. Соболева // Вопросы философии. – 2005. – №1. – С.132-146.

Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие [Текст] / А.В. Соколов. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

Соколов, А.В. Социология коммуникации. Учебно-методическое пособие [Текст] / А.В. Соколов. – М.: ИПО Профиздат, 2001.

Уотсон, Дж.Б. Психология как наука о поведении [Текст]: [пер. с англ.] / Дж. Б. Уотсон // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Принципы обучения, основанные на психологии. Джон Б. Уотсон. Психология как наука о поведении. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С.251-678.

Фоллесдал, Д. Аналитическая философия: что такое и почему этим стоит заниматься? [Электронный ресурс] / Д. Фоллесдал // Язык, истина, существование / сост. В.А. Суворовцев. – Томск: Изд-во Томского университета, 2002. – URL: http://www.ido.tsu.ru/other_res/hischool/surovcev/9.htm (дата обращения 18.02.2010)

Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас, перевод с немецкого под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Изд-во Наука, 2001.

Хамидов, А.А. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности [Текст] / А.А. Хамидов // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С.129-138.

Швырев, В.С. Рациональность как ценность культуры [Текст] / В.С. Швырев // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С.91-105.

Швырев, В.С. Рациональность как ценность культуры: традиции и современность [Текст] / В.С. Швырев. – М.: Прогресс, 2003.

Шульга, Е.Н. Логическая герменевтика и философская аргументация [Текст] / Е.Н. Шульга // Теория и практика аргументации / И.А. Герасимова. – М.: ИФ РАН, 2001. – С.90-108.

Шульга, Е.Н. Логическая герменевтика о противоречивости философских систем [Текст] / Е.Н. Шульга // Мысль и искусство аргументации / И.А. Герасимова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.191-211.

Щедровицкий, Г.П. Интеллект и коммуникация [Текст] / Г.П. Щедровицкий // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С.170–183.

Щедровицкий, Г.П. Наука. Инженерия. Проектирование. Организация [Текст] / Г.П. Щедровицкий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – С.220-325.

Яблонский, А.И. Структура и динамика современной науки (некоторые методологические проблемы) [Текст] / А.И. Яблонский // Системные исследования / И.В. Блауберг. – М.: Издательство «Наука», 1977. – С.66-90

Ясперс, К. Введение в философию [Текст] / К. Ясперс; перевод с немецкого под ред. А.А. Михайлова. – Мн.: Пропилеи, 2000.

Eagleton, T. Ideology: An Introduction [Text] / T. Eagleton. – Verco, 1991.

Shils, Ed. Tradition [Text] / Ed. Shils. – Chicago: University of Chicago Press, 2006.

ГЛАВА 2.

КОНВЕНЦИИ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

КОНВЕНЦИИ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ ЭПИСТЕМОЛОГОВ В XX ВЕКЕ

Идея конвенциональности научного знания стала предметом дискуссии после введения ее представителями конвенционалистского направления в философии науки на рубеже XIX-XX веков, П. Дюгемом, А. Пуанкаре. До этого момента, по мнению С.Н. Коськова, вопрос о конвенциональности научного знания был поднят в конце XIX века в рамках религиозной философии, а именно неогегельянцем и неотомистом Э. Леруа (См.: [Коськов, 2009, с.7]). Конвенционализм в качестве направления философии науки возник на рубеже XIX-XX веков как результат достаточно конкретного анализа специфической методологической проблематики, прежде всего отношения концептуального аппарата математики и математизированной физики к физическим интерпретациям. Конвенционалистская методология пыталась дать адекватное объяснение процесса научно-теоретического познания.

Исходная позиция конвенционализма заключалась в том, что эмпирические данные однозначно не детерминируют теоретическое исследование. Само осмысление эмпирических данных, их использование в качестве материала для дальнейшего рационального анализа и рассуждения предполагает интерпретацию, включение в определенный концептуальный контекст. Таким образом, констатация фактов и построение концептуально-теоретической схемы, в которую они включены, связаны с определенными субъективными решениями, находящими выражение в соглашении относительно некоторых концептуальных

позиций. К самим этим соглашениям не применялись эмпирические критерии истинности; они были обусловлены соображениями удобства, простоты, эстетического совершенства.

Представим исторически последовательность осмысления проблемы конвенций в познании. *Основоположник конвенционализма А. Пуанкаре высказал базовую идею о том, что ученый, осуществляя научно-исследовательскую деятельность, формулирует конвенции (соглашения).* Выбор конвенций, по А. Пуанкаре, является свободным и ограничен лишь соображениями простоты, гармонии и необходимостью избегать всякого противоречия. Но при этом конвенции не произвольны, так как опыт не только предоставляет выбор для ученого, но и направляет выбор наиболее «удобного», «гармоничного» соглашения. А. Пуанкаре писал, что принципы механики, одной стороны, это – истины, обоснованные опытом, а с другой стороны, это – постулаты, которые «... считаются строго достоверными. Если эти постулаты обладают общностью и достоверностью, каких недостает экспериментальным истинам, из которых они извлекаются, то это оттого, что они в результате проведенного анализа сводятся к простому соглашению, которое мы имеем право сформулировать, будучи заранее уверены, что никакой опыт не станет с ним в противоречие. Однако это соглашение не абсолютно произвольно; оно не вытекает из нашей прихоти; мы принимаем его потому что известные опыты доказали нам его удобство» [Пуанкаре, 1983, с.89-90]. Соглашения становятся произвольными в случае игнорирования опыта, который привел ученых к принятию конвенции. Таким образом, А. Пуанкаре указывал на существование объективных предпосылок и условий для включения в теоретическое познание тех или иных конвенций.

Л.А. Микешина выделила в исследованиях А. Пуанкаре об эпистемологической природе научных законов и основанных на них принципов следующий важный момент. Согласно А. Пуанкаре, сформулированный в науке закон может быть «возведен в ранг принципа» на основе соглашений, которые сохраняют истинность теоретических высказываний. В результате этой

операции предметное знание преобразуется в методологический регулятив, понимание природы и функций которого обусловлено определенными конвенциями, договоренностями ученых. Полученный таким путём методологический регулятив не подчинен опытной проверке, он просто удобен. А. Пуанкаре, осознавая методологическую важность этой операции, отмечает, что законы, на основе которых сформулированы регулятивные предписания, должны сохранять свой статус. Тем самым А. Пуанкаре противостоит возражениями тех методологов, для которых наука состоит из одних условных положений, а научные факты и тем более законы трактуются как искусственные творения ученого (См.: [Микешина, 2005, с.118]). Таким образом, А. Пуанкаре осознал значительную роль эмпирического компонента в обосновании соглашений в научном познании. *Идеи о конвенциях в науке А. Пуанкаре дали толчок дискуссиям вокруг методологической идеи научных конвенций как важнейшего инструмента исследовательской деятельности ученых.*

Логические позитивисты распространили идеи конвенционализма на логико-математические учения. Представитель Львовско-Варшавской школы К. Айдукевич сформулировал концепцию семантической эпистемологии. Характеризуя свои основные идеи, К. Айдукевич пишет: «В настоящем исследовании ... мы хотим выдвинуть и обосновать утверждение, что не только некоторые, все суждения, которые мы признаем и которые составляют все наше изображение мира, не являются еще однозначно определенными через данные опыта, а зависят от выбора понятийной аппаратуры, с помощью которой мы отображаем данные опыта. Эту понятийную аппаратуру мы можем, однако, избрать такой или другой, благодаря чему меняется и все наше изображение мира» [Ajdukiewicz, 1934, s.285]. К. Айдукевич предложил обобщенный или «радикальный» вариант методологического конвенционализма. Согласно этому варианту, конвенционален выбор всей системы (включающей собственно понятийный аппарат научной теории, ее логику и математику), при помощи которой интерпретируются данные опыта и строится «картина мира». *К. Айдукевич подчеркивает про-*

извольный характер принятых конвенций: конвенции рассматриваются как результат субъективной воли.

Альтернативный логико-нормативному подход к научному знанию (К. Айдукевич, К. Поппер) предлагал Л. Флек. В 30-е годы XX века *Л. Флек разрабатывает концепцию культурно-исторической детерминации научного знания.* Эта концепция указывает на взаимосвязь между социальными условиями возникновения знания и содержанием самого знания, закономерностями его функционирования. Согласно этой концепции процесс научного познания представляет собой исторически- и культурно-обусловленную смену стилей мышления, обуславливающих нормы научной работы.

В концепции Л. Флека понятие конвенции не имеет четкого определения, но к нему обращаются при объяснении динамики научного знания. Так, исторически меняющиеся в научном познании стили мышления представляют собой некие мыслительные конструкты, замкнутые в себе благодаря определенным соглашениям внутри мыслительного коллектива. В основе стиля мышления лежат конвенции о значениях понятий, об исследуемых проблемах, суждениях, методах познания, мыслительных навыках, нормах, критериях приемлемости или неприемлемости суждений, теорий, методов и интерпретаций. Л. Флек не просто констатирует конвенциональные элементы, он указывает на их источник – социо-коммуникативную деятельность мыслительного коллектива. Указанием на источник Л. Флек расширяет традиционное гносеологическое отношение субъект-объект понятием мыслительного коллектива. Гносеологическое отношение «субъект – мыслительный коллектив – объект» позволяет рассматривать познание как социо-коммуникативную деятельность.

Мыслительный коллектив – это материальная основа стиля мышления, то, что обеспечивает его устойчивость, развитие. «Общая структура мыслительного коллектива имеет своим следствием то, что внутриколлективный обмен мыслями (независимо от обоснования и содержательной стороны этих мыслей) – приводит к укреплению мыслительной структуры» [Флек,

1999, с.127]. Мыслительный коллектив утверждает и распространяет мыслительные конструкции, мыслительные навыки и нормы, благодаря чему они приобретают статус очевидности. Коллективный субъект делает мыслительные конструкции «... чем-то необходимым, объективным и действительным познанием» [Флек, 1999, с.126]. Между равноправными участниками мыслительного коллектива устанавливается интеллектуальная солидарность (в служении общей идеи), чувство взаимозависимости, что способствует возникновению общего настроения.

Таким образом, *Л. Флек обратил внимание на социальную природу научной деятельности: мыслительный коллектив определяет характер мыследеятельности индивида. Факторы социального и социально-психологического плана влияют на принятие конвенций.* Такие факторы как структура научных сообществ, борьба авторитетов, культурный фон научного исследования, совокупность политических событий, влияющих на умонастроение ученых, идеологические течения и т.п., – все они участвуют в формировании стиля мышления, сквозь призму которого преломляется объективная реальность.

Эпистемологический подход к конвенции в научном знании разработал К. Поппер. Идея конвенций в науке имеет значение для решения основных вопросов теории познания (тема рациональности, природа научного знания, логика развития научного знания, критерии выбора теории и т.д.). В частности идея конвенций важна для построения концепции роста научного знания. В методологической концепции роста научного знания К. Поппер вводит ряд конвенций и показывает их функциональную значимость для познавательного процесса.

Конвенции в концепции науки К. Поппера связаны с проблемой выбора теории и выполняют когнитивную функцию, обеспечивают выбор и проверку теорий. Методология научного познания с позиций К. Поппера должна быть построена как совокупность методологических правил, то есть конвенций. «Методологические правила рассматриваются мною как конвенции. Их можно описать в виде правил игры, характерных для эмпирической науки» [Поппер, 1983, с.78]. Соответственно предла-

гаемый К. Поппером критерий демаркации научного знания от ненаучного (принцип фальсификации) является конвенцией определенного рода. К. Поппер пишет: «В соответствии со сказанным мой критерий демаркации следует рассматривать как выдвижение соглашения, или конвенции» [Поппер, 1983, с.59]. Вопрос о приемлемости такой конвенции, по словам К. Поппера, разрешается в рациональной дискуссии, которая возможна только между сторонами, имеющими общую цель. Конвенциональность целей не обосновывается рациональными аргументами, они результат субъективной воли (произвольность, ценностные ориентации, ответственные за способ организации науки).

В логико-методологической концепции научного знания К. Поппер, характеризуя принцип фальсифицируемости, обращает внимание на конвенциональность базисных высказываний. Так, К. Поппер пишет, что его принцип фальсифицируемости гласит, что поворотным моментом развития научного знания являются фальсификации известных теорий при помощи базисных суждений, прямо вытекающих из опытных данных. Но параллельно этому К. Поппером ставится вопрос об обоснованности самих базисных суждений (фальсифицируемости) и о том, на какой стадии необходимо останавливать процедуру фальсификации. Пытаясь разрешить этот вопрос, К. Поппер полагает, что в данном случае проявляет себя конвенциональный характер научного знания. «Базисные высказывания принимаются в результате соглашения или решения, и в этом отношении они конвенциональны. Такого рода решения принимаются в соответствии с некой процедурой, регулируемой соответствующими правилами» [Поппер, 1983, с.144]. Соглашение о принятии или отбрасывании базисных высказываний достигается при применении теории. Такое соглашение является частью процесса применения теории, в ходе которого теория подвергается проверке. Научное сообщество решает, на каком этапе оборвать бесконечную процедуру фальсификации базисных суждений на основе определенного соглашения. Принятие соглашения о ба-

зисных высказываниях в концепции К. Поппера предстает как целесообразное действие.

В своей концепции науки К. Поппер отмечает конвенциональный характер языка науки. Ученые, по словам К. Поппера, стремятся говорить на одном языке, даже если родные языки у них разные. В естественных науках терминологические нововведения санкционируются опытом.

К. Поппер, будучи сторонником эпистемологического подхода в философии науки, признавал когнитивную значимость конвенций, но при этом не абсолютизировал их. Конвенции регулируют отношение между теорией и экспериментом в научной деятельности и показывают роль операций, осуществляемых на основе принятых соглашений, в проведении и интерпретации научных экспериментов. Но К. Поппер отчетливо не ставится вопрос о том, кто является субъектом ответственным за конвенции, но делает замечания об аргументированности принятых конвенций (логико-эмпирическое обоснование принятия конвенций).

И. Лакатос придерживался логико-методологического подхода в анализе научного знания. Сторонники этого подхода полагали, что, несмотря на включение психологических и социальных факторов в процесс познания, существуют объективные стандарты рациональности внеисторического происхождения (например, фальсифицируемость теорий), позволяющие реконструировать адекватную действительному историческому развитию науки логику развития научного познания. И. Лакатос разработал методологическую концепцию научно-исследовательских программ или «утонченный фальсификационизм». *В методологии научно-исследовательских программ позиционируется когнитивная значимость научных конвенций.*

Предметом анализа И. Лакатоса становится структура методологической концепции, которая представляет собой ряд правил для оценки готовых сформулированных теорий. В методологическом смысле правила или системы оценок наделяются конвенциональным статусом. И. Лакатос пишет: «Оценки в науке представляют собой определенные соглашения и всегда

могут быть выражены в виде определения науки» [Лакатос, 2001, с.492]. Эти правила, по И. Лакатосу, выполняют в научном процессе две функции: во-первых, они функционируют в качестве кодекса научной честности, во-вторых, они выполняют функцию «жесткого ядра» (См.: [Лакатос, 2001, с.459]). «Кодекс научной честности» предстает в качестве эпистемического критерия, выступающего индикатором научности выдвигаемых положений. И. Лакатос на примере четырех «логик открытий» или «методологических концепций» (индуктивизма, конвенционализма, методологического фальсификационизма, утонченного фальсификационизма) демонстрирует функциональность этих правил. Например, требования «утонченного фальсификационизма» предстают в виде эмпирически ориентированных правил рационального поведения ученого в исследовательской ситуации.

В кодексе научной честности «утонченного фальсификационизма» И. Лакатос помимо правил оценки теорий (на основе критерия прогресса и регресса) выделяет правила принятия научных теорий. В правила принятия входят не только эпистемические требования, но и этические и эстетические. Согласно эпистемическому требованию ни логическое доказательство противоречивости, ни экспериментально обнаруженная аномалия не могут устранить исследовательскую программу, исключить ее из концептуальной системы. Этические требования апеллируют к скромности, сдержанности ученых. Эстетическое требование сопряжено с когнитивными и этическими ориентирами: оформление теории влечет за собой соблюдение когнитивных требований (например, исключение полисемантической терминологии) и следование этическим императивам (общезначимости, незанитересованности, публичности) (См.: [Лакатос, 2001, с.475]). Эта система правил выполняет функцию жесткого ядра (нормативной) историографической исследовательской программы.

Разделяя позицию методологического конвенционализма, И. Лакатос конвенционалистски истолковывает методологические принципы исследовательской программы, составляющие

ее исходное ядро и выполняющие определенную роль в овладении эмпирическим материалом. Методологические конвенции обосновываются эмпирически ориентированными правилами рационального поведения ученого в исследовательской ситуации. Согласно этим правилам, принятые базисные конвенции сохраняются при условии, что эмпирическое содержание теории (научной программы) увеличивается, и опровержения не затрагивают ее базисных конвенций. В противном случае базисные конвенции могут быть отвергнуты в пользу других конвенций. И. Лакатос подчеркивает исторический характер принятых конвенций, их произвольность. Методологические принципы, рассмотренные в историческом аспекте, предстают обобщенными результатами предшествующего развития познания.

В методологической концепции И. Лакатоса раскрывается конвенциональная природа жесткого ядра (выполняющего когнитивную функцию) и показываются объективные основания принятых соглашений. Принятые соглашения обосновываются объективными факторами, то есть возрастанием научного (когнитивного) потенциала теории, приближением к истине.

Л. Лаудан, развивая логико-методологический подход к науке, критикует социологию знания и попытки реконструкции научного знания социологическими методами и требует методологического анализа целей и ценностей исторически развивающейся науки. Важное место в его концепции занимает аксиологическое измерение научной деятельности. *Рациональная модель роста знания Л. Лаудана* привлекает к себе внимание тем, что в ней ставится проблема принятия и функционирования конвенций в науке в условиях профессионального согласия или несогласия научного сообщества. *Л. Лаудан строит единую теорию, объясняющую возникновение и переход консенсуса и диссенсуса в науке.* Л. Лаудан обращает внимание на особенности протекания этих процессов в гуманитарных и естественных науках, подчеркивая, что в гуманитарных и общественных науках расхождения носят характер «эпидемии», тогда как в естествознании большая

часть ученых находится в согласии, во всяком случае, относительно фундаментальных компонентов знания. Но для науки, по словам Л. Лаудана, факт формулирования и корректирования консенсуса менее удивителен, если учесть, что, в отличие от религии, наука не базируется на догматическом корпусе доктрин.

Предметом анализа Л. Лаудана становятся модели консенсуса, существовавшие в истории науки, в критическом сравнении с которыми он предлагает собственную модель консенсуса и диссенсуса. Решение проблемы консенсуса, по мнению Л. Лаудана, в ранних вариантах рационального подхода связывалось с иерархической моделью обоснования. Эта модель выстраивалась иерархично: фактическое – методологическое (правила, нормы как высший уровень, регулирующий отношение теории и фактов) – аксиологическое (цели, ценности). В иерархической модели разногласия между конкурирующими теориями и фактами решались посредством универсальных методологических стандартов или правил. Разногласия же относительно самих стандартов могли быть решены посредством универсальных научных целей. В иерархической модели предполагалось, что относительно целей науки разногласий не возникает, так как споры о целях и ценностях оценивались как выход за пределы науки, что исключало рациональное соглашение.

Структура иерархической модели консенсуса предполагала, что на каждом из обозначенных уровней научной деятельности функционируют общепризнанные конвенции. На фактуальном уровне в результате согласия постулируются конвенции в отношении фактического (трактовки наблюдаемых фактов, теоретических сущностей); на методологическом уровне – консенсус определяется методологическими конвенциями и стандартами; на аксиологическом уровне формируется неявный консенсус, фиксируемый конвенциями относительно когнитивной цели, ценности. На каждом из этих уровней консенсус формируется, «... поднимаясь на одну ступень выше в этой иерархии» [Лаудан, 1994, с.200]. Но из логики иерархической модели

следует, что только на фактуальном и методологическом уровне возможен обоснованный консенсус, а, следовательно, и конвенции. Уровень же аксиологии не подвергается рефлексии ученых, вследствие чего конвенции в отношении целей и ценностей считаются непроблематичными (не требуют обоснования в рациональных дискуссиях, они отданы на откуп психологии – «гештальт-переключению»). Таким образом, на уровне аксиологии фиксируется отсутствие разногласий или их неразрешимость, что соответствует стабильности установленного консенсуса и универсальности, непроблематичности аксиологических конвенций.

Л. Лаудан не соглашается с позицией иерархической модели консенсуса. Исторический анализ науки, по словам Л. Лаудана, свидетельствует, что в научном сообществе могут возникать споры относительно понимания целей и ценностей науки. Основываясь на проанализированных недостатках указанной модели, Л. Лаудан выдвигает «сетевую модель», которая включает в себя разногласия, затрагивающие и цели, ценности научной деятельности. Сетевая модель консенсуса учитывает взаимообратный характер связи между уровнями. Споры о научных фактах эта модель разрешает с помощью апелляции к теории или методу, а споры о теории или методе - с помощью отнесения к цели, споры о целях и ценностях разрешаются путем их нового согласования с теориями. «Сетевая модель, - подчеркивает он, - сильно отличается от иерархической модели, так как показывает, что сложный процесс обоснования пронизывает все три уровня научных состояний. Аксиология, методология, фактуальные утверждения переплетаются в отношениях взаимной зависимости» [Лаудан, 1994, с.206].

Согласно «иерархической модели» методологические дискуссии разрешаются обращением к целям, ценностям познания (на аксиологическом уровне), которые предстают произвольными конвенциями. Л. Лаудан не согласен с философами науки (К. Поппером, Т. Куном), что аксиология является предметом вкуса, поэтому Л. Лаудан предлагает теорию рациональной критики конвенций на уровне аксиологии. «Если невозможно

легитимно поддержать рациональное предпочтение, оказываемое какому-либо набору внутренне непротиворечивых целей, ... то мы... приходим к ситуации множественности форм науки, каждая из которых идет навстречу своим целям» [Лаудан, 1994, с.207]. Л. Лаудан считает, что всякая конвенция должна быть обоснована, а не быть предметом вкуса (она не результат произвола, а исторически подкреплена опытом, логически должна вытекать из практики научной деятельности).

Л. Лаудан в «сетевой модели» консенсуса выделяет два основных модуса критицизма познавательных целей и ценностей, а, следовательно, и конвенций в отношении аксиологических схем. Во-первых, аксиологические схемы (цели, ценности) не должны быть утопичными и нереализуемыми, во-вторых, необходимо установить соответствие между явными и неявными ценностями, которые присутствуют в научной практике. Утопичность целей заключается в том, что «... мы не имеем основы для веры в возможность ее актуализации» [Лаудан, 1994, с.207]. Это говорит о том, что за каждой аксиологической схемой должна стоять устоявшаяся база знаний, опыт, которые логически подводят к этой цели. Семантический утопизм заключается в образном, расплывчатом описании ценностей и целей, что ведет к множественности интерпретаций и к трудности в идентификации их реализованности. Следовательно, конвенции в отношении целей или ценностей должны иметь когерентное определение, последовательные характеристики, они не должны быть полисемантическими, что приводит к их произвольности и несоответствию рациональной деятельности научного исследования. Непоследовательность в целях и ценностях проявляется в том, что «...эксплицитная аксиология... не в ладах с неявной аксиологией научных предпочтений» [Лаудан, 1994, с.209]. В результате возникает разногласие в понимании целей и ценностей научного исследования, конфликт между официальными целями науки и типами теорий, которые они конструируют. В таких ситуациях важно определить значимость официальных аксиологических схем для научного исследования, так как аксиология обеспечивает концептуальную легитимацию

теории. Таким образом, «сетевая модель» консенсуса утверждает необходимость рационального основания для научного расхождения в конвенциях относительно аксиологических схем.

В рамках «сетевой модели» Л. Лауданом установлена синхронизированность аксиологических (целей и ценностей), методологических и фактуальных конвенций, их осознанность, релевантность, изменчивость. «Сетевая модель» консенсуса Л. Лаудана объясняет возможность обоснованного консенсуса относительно целей, фактов, методов и указывает на постоянный сдвиг познавательных ценностей, изменение теории и метода, и, как следствие, формирование и применение новых конвенции.

Т. Кун в своих исследованиях научного знания специально уделял внимание проблеме конвенций. Он пришел к пониманию неадекватности чисто методологического описания научной деятельности и дополнил эти исследования социологическими, психологическими, культурологическими описаниями. Поэтому в концепции науки Т. Куна достижение согласия среди ученых в отношении результатов их деятельности и принятие конвенций не объясняется чисто методологически. В объяснениях Т. Кун прибегает к социо-психологическим понятиям (например, «коллективный гештальт»).

Концепция Т. Куна базируется на понятиях научное сообщество, парадигма и консенсус. Научное сообщество рассматривается в качестве коллективного субъекта исторического изменения в науке. Научное сообщество организовано в единую социальную систему в рамках унифицированной, конвенционально принятой парадигмы. Парадигма выражает господствующие ценностные ориентации, которые каждый ученый стремится для себя прояснить и рационально представить научному сообществу. В процессе исторического развития, под влиянием социо-психологических и социологических факторов, происходит смена конвенциональных парадигм.

Введение Т. Куном понятия научного сообщества как коллективного субъекта свидетельствует о понимании науки как

социо-коммуникативного феномена. Наука представляется неким коммуникативным полем, в котором между членами научного сообщества достигается консенсус. Высокая степень согласия в научном сообществе относительно предмета, проблем и методов исследования свидетельствует о принятии парадигмы. Парадигма, как совокупность когнитивных характеристик науки, объединяет членов научного сообщества, определяет полноту их профессиональной коммуникации и единодушие их профессиональных суждений. Под парадигмой понимаются «... некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, - все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» [Кун, 2001, с.34].

Трактовка парадигмы вырабатывается авторитетами, небольшой эзотерической группой экспертов, которые затем навязывают свое понимание – через систему профессиональной подготовки и обучения – остальным членам научного сообщества. При освоении парадигмы ученые овладевают сразу теорией, методами и стандартами (См.: [Кун, 2001, с.149]). Ученые, соглашаясь с определенной интерпретацией парадигмы, достигают конвенции в отношении ее употребления. Согласие, достигаемое в отношении парадигмы, и ее практическое принятие научным сообществом предполагает, что деятельность научного сообщества будет полагаться на правила и стандарты, развитые в ее рамках.

Парадигма может функционировать в рамках научного сообщества, по мнению Т. Куна, в отрефлексированном и неотрефлексированном виде. Отрефлексированное состояние парадигмы определяется ее интерпретацией или рационализацией, которая предполагает редукцию к правилам. Можно предположить, что правила – это формальное оформление парадигмы, а точнее навыков, функционирующих внутри нее. Рефлексия относительно парадигмы указывает на явный и неявный пласт функционирования конвенций. Приверженность па-

радикале определяется социо-психологическими факторами, образующими индивидуальный или групповой фон научного поиска (личные убеждения, творческая индивидуальность, принадлежность к научной школе, направлению исследований и т.д.). Таким образом, можно сделать вывод, что парадигма имеет статус научной конвенции, а профессиональные группы внутри научного сообщества, «... благодаря общим для них навыкам и опыту ... единственные знатоки правил игры или некоторого эквивалентного основания для точных решений» [Кун, 2001, с.217].

Приверженность научного сообщества одной парадигме, опирающейся на одни и те же правила, стандарты научной практики, характерна для периода нормальной науки. Смена конвенциональной парадигмы происходит на стадии экстраординарной науки, для которой характерно появление аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, поиск согласия. Переход членов научного сообщества к новой парадигме объясняется поведенческим механизмом (социально-психологическими факторами), так называемым «гештальт-переключением». Поэтому и «... переход между конкурирующими парадигмами не может быть осуществлен постепенно посредством логики и нейтрального опыта. Подобно переключению гештальта, он должен произойти сразу или не произойти вообще... Переход от признания одной парадигмы к признанию другой есть акт «обращения» [Кун, 2001, с.196]. При этом Т. Кун подмечает, что новый кандидат в парадигму должен удовлетворять двум условиям, во-первых, решать противоречивую, осознанную проблему, нерешенную иным способом, во-вторых, иметь возможности для решения проблем, накопленных предшествующими парадигмами. Это свидетельствует о том, что объективные факторы (эмпирическое, теоретическое доказательство плодотворности) при принятии парадигмы учитываются (хотя и косвенным образом). Отказ научного сообщества от парадигмы сопровождается отречением «... от большинства книг и статей, воплощающих эту парадигму, как непригодных для профессионального анализа» [Кун, 2001, с.212]. Следова-

тельно, происходит отказ от конвенций, функционирующих в этой научной деятельности, фиксирующихся концептуально в книгах и статьях.

В ходе историографического исследования содержательное наполнение понятие парадигмы Т. Куна претерпевает изменения. Т. Кун вводит понятие дисциплинарной матрицы, составными элементами которой являются символические обобщения, метафизические парадигмы (общепризнанные предписания), ценности, образцы (конкретное решение проблемы). Относительно этих компонентов дисциплинарной матрицы в научном сообществе практикой употребления достигнут консенсус, следовательно, эти компоненты являются историческими конвенциями научного сообщества.

В целом, социокультурный подход к науке выявил следующие аспекты в анализе конвенций в научном знании: 1) подмечена историческая изменчивость конвенций, 2) обнаружена ключевая роль консенсуса в образовании конвенций, 3) их явный и неявный характер функционирования. При этом приоритетность социо-психологических факторов в принятии парадигмы, свидетельствует об отнесении конвенций к реалиям вкуса, что с методологической точки зрения неверно.

С. Тулмин предложил исторический подход к научно-исследовательскому процессу. В 1960-х годах автор сформулировал концепцию исторического формирования и функционирования стандартов рациональности и понимания, лежащих в основе теорий. Понимание в науке, согласно С. Тулмину, определяется соответствием ее утверждений принятым в научном сообществе стандартам, матрицам. Стандарты понимания изменяются в ходе эволюции научных теорий, представляемой как непрерывный отбор концептуальных новшеств.

Наука трактуется как историческая популяция логически независимых понятий и теорий. Развитие науки регулируется общим согласием относительно критериев отбора концептуальных нововведений и единодушно принятыми идеалами объяснения, в свете которых производится отбор.

Интеллектуальные требования должны ясно осознаваться и единодушно приниматься, что обеспечивает согласованную оценку адекватным концептуальным новообразованиям. Цели поддерживают внутреннюю непрерывность развития научных дисциплин. Стратегические (целевые) разногласия ведут к размыванию четких критериев отбора, по отношению к которым в профессиональной среде есть «единодушное согласие». «Общее соглашение о критериях отбора может существовать лишь до тех пор, пока текущие цели и стратегические направления какой-либо дисциплины достаточно удовлетворительно согласованы» [Тулмин, 1998, с.212]. Согласие, достигнутое в отношении интеллектуальной стратегии, приводит к тому, что интеллектуальная стратегия становится общим конвенциональным элементом научного исследования, в соответствии с которым определяются более элементарные конвенции (критерии выбора, идеалы объяснения).

Конвенции в отношении критериев отбора, идеалов объяснения в случаях согласованности целей научной дисциплины обосновываются посредством «образцовой аргументации» (формальное доказательство). Дискуссия об интеллектуальных стратегиях (целях) в случае разногласий не имеет установленных процедур своего решения. «Изменение стратегического направления научной дисциплины должно быть оправдано не обращением к некогда авторитетной аргументации... следует обращаться... к широкой аргументации... сравнение альтернативных интеллектуальных стратегий в свете исторического опыта и прецедентов» [Тулмин, 1998, с.212, 216]. Таким образом, С. Тулмин полагает, что согласие ученых и принятие конвенций в отношении концептуально-методологического аппарата обосновывается не только когнитивными конструкциями (аргументационные конструкции логико-эмпирического характера), но и социо-историческими конструкциями (поиск исторических прецедентов в науке, историческая аргументация, практико-исторический опыт применения теорий).

С. Тулмин выделяет социально-психологический аспект в достижении соглашения, который раскрывается в том, что решения о стратегиях науки принимаются авторитетными и опытными учеными (лидерами школ, направлений и т.д.). «Выбор дисциплинарных целей или стратегий – это вопрос суждения авторитетных и опытных людей» [Тулмин, 1998, с.220]. Но решения авторитетных ученых, по С. Тулмину, не являются делом личного вкуса, так как в основе их суждений лежит аккумулярованный опыт человечества. Приобщение остальных членов научного сообщества (рядовые ученые, ученики, коллеги по профессии) к принятым конвенциональным элементам происходит на основе доверия «интеллектуальному авторитету», «повелительному» или «институциональному авторитету».

«Интеллектуальный авторитет» выводится из объяснительных достоинств концепции, из потенциала теории. «Повелительный» и «институциональный авторитет» – это личный авторитет индивида, создавшего стандартное представление о какой-либо теории, изложенное в классической работе или монографии, или авторитет господствующей школы. С. Тулмин считает, что интеллектуальная атмосфера доверия способствует появлению разделяемых всеми интеллектуальных идеалов и институтов коллективной научной профессии, и только в таком контексте происходит становление главных общественных установок – концептуальной скромности и терпимости к интеллектуальному новаторству (См.: [Тулмин, 1998, с.200]). Следовательно, доверие – это один из факторов конструирования разделяемых учеными конвенций.

В достижении согласия в эпистемическом сообществе С. Тулмин отдает прерогативу «влиятельной референтной» группе. По С. Тулмину консолидация научного сообщества, перерастающая в согласие, контролируется каким-либо авторитетом (например, принятая всеми парадигма). Научная школа может стать примером полного согласия в научной среде. Достигнутое согласие устанавливает устойчивую, в семантическом аспекте, конвенциональную систему. «В научной школе разделяемый всеми каркас идей обеспечивает общепринятый словарный за-

пас для выражения теоретических разногласий и согласованные процедуры для их решения» [Тулмин, 1998, с.98]. Устойчивость согласия и конвенциональных элементов (понятий, системы концептов) стабилизируется благодаря особенностям психологического климата в научной школе. Это выражается в том, что «... последователи стремятся ограничить свой интеллект, допуская в качестве имеющих смысл лишь те вопросы и законные интерпретации, а в качестве приемлемого – лишь тот образ мыслей, которые, как они считают, санкционированы примером того мыслителя, в чьей школе они работают» [Тулмин, 1998, с.101]. Следовательно, помимо когнитивного фактора определенное влияние на согласие и принятие конвенций оказывает социально-психологический фактор (авторитет учителя, разработанная им парадигма).

С. Тулмин подчеркивает особую роль коммуникации в функционировании конвенций. Коммуникация является не только механизмом, посредством которого конвенции вводятся в ткань исследований, но и тем инструментом, который обеспечивает определенную сферу влияния этих конвенциональных элементов (коммуникация как механизм критики и исправления идей). «Наука, которая полностью отключается от более широких интеллектуальных дискуссий, сохраняет таким образом ограниченное значение: специальная терминология не получит возможности влиять на «здравый смысл» и «обыденное мышление» [Тулмин, 1998, с.190].

С. Тулмин реконструирует процесс эволюции научного знания, в том числе и процесс формирования конвенций в отношении критериев релевантности, рациональных идеалов, интеллектуальных целей. Ключевым механизмом в этих процессах является согласие, так для сохранения единства и успешного функционирования научной дисциплины достаточно согласия авторитетных ученых, обладающих большим профессиональным опытом научной практики. В процессе принятия конвенций значительную роль играет логико-эмпирическое обоснование или социо-историческое соглашение.

В 70-е годы XX века получило развитие одно из направлений социальной эпистемологии – *КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ*. Социальная эпистемология обратила внимание на социокультурную и субъективно-психологическую реальность познания как процесса. Научное знание и познание стали пониматься как элементы более широкой области – мира человеческой деятельности и общения. *Социальные эпистемологии указали на нераздельность когнитивного и социального компонентов науки*. Когнитивная социология научного знания представлена исследованиями Эдинбургской школы (Д. Блур, С. Вулгар, Б. Барнс), школы лабораторных исследований (Б. Латур, К. Кнорр-Цейтин).

Социологический подход к анализу знания рассматривал науку как человеческое предприятие и продукт деятельности людей. В своих исследованиях социологи познания опирались на принцип локальности. Принцип локальности предполагал, что научное знание следует изучать так, как оно производится в данном, конкретном месте. Объектом внимания социологов познания стало изучение автономных единиц, в частности школ, институтов, лабораторий. Принципом локальности руководствовались «социальные конструктивисты» (Б. Латур, С. Вулгар). Они применили этнографический метод исследования деятельности ученых в конкретных научных лабораториях.

Б. Латур и С. Вулгар исследовали повседневную деятельность науки как социальной системы и технологического процесса. Объектом изучения стала научная лаборатория, где протекает повседневная научная деятельность. С позиции конструктивистов лаборатория предстает неким искусственным образованием, создаваемым учеными. Лаборатория выступает в качестве инструмента, преобразующего общество, она создает мир (а не изучает его). Социальные конструктивисты полагают, что социальные интересы и мотивы являются главной движущей силой деятельности ученых. Проблемы общества переводятся на язык науки. Ответом ученых на проблему становится конструирование научного факта в лабораторных условиях, ко-

торый впоследствии распространяется за пределы лаборатории и обобщается на действительность в целом.

Б. Латур приводит пример из истории науки. Л. Пастер, осуществив перевод социально-бытовой проблемы (в данном случае сибирской язвы) на язык и процедуры науки, создал в моделируемых лабораторных условиях новый искусственный объект – культуру сибирской язвы. Имея подобную культуру, Л. Пастер создал вакцину, которую он успешно протестировал на специально созданной ферме с искусственными условиями. Лабораторные практики и представления, характерные для воспроизводства объекта, постепенно инкорпорируются в социально-бытовую действительность, в которой и была первоначально поставлена проблема. Распространение и признание научного факта сопровождается производством текстов, инструкций, убеждением других ученых и широкой общественности в правильности своей точки зрения. Научные факты предстают социальными конструкциями, имеющими статус факта в результате соглашения между учеными. При характеристике этих соглашений Б. Латур не ссылается на разумные аргументы или эмпирическую очевидность. Он трактует эти соглашения как аналогичные политическим соглашениям и называет политику соглашений в науке «макиавеллизмом» (См.: [Latur, 1987. p.125]). Но для распространения научного факта необходимо утверждение конвенционально принятой системы записи и создание сетей, «... внутри которых будет поддерживаться их хрупкая эффективность» [Латур, 2002, с.27]. Он приводит пример с системой стандартных весов и единиц измерения. Согласно автору, ни один закон физики не получил бы подтверждение и распространение без предварительного утверждения физических констант и установления контроля над ними. Под сетями, осуществляющими распространение научных фактов, подразумеваются материально-технические и исторические практики. «Простая работа по поддержанию единства физических констант... по своему объему в три раза превосходит всю работу, производимую непосредственно наукой и технологией... Стоимость поддержания соответствия между обществом и ла-

бораторией с тем, чтобы последующие достижения могли оказать воздействие на общество, постоянно забывается, поскольку люди не хотят соглашаться с тем, что универсальность также является социальной конструкцией» [Латур, 2002, с.28].

В рамках лаборатории создается искусственный объект и условия, которые становятся социально значимыми. Научная теория осуществляет себя в условиях определенного коллектива, который постепенно расширяется, охватывая в идеале все научное сообщество. Поэтому научное знание является социальной конструкцией. Знание рассматривается как то, во что просто верится, и исследуется с точки зрения, каким образом убеждения институционализированы в том или ином сообществе. Для вышеизложенной теории характерно представление о том, что знание обусловлено формами деятельности и общением, а процесс формирования знания предстает как процесс конструирования условий этой деятельности и общения. Кроме того, теория обращает внимание на особенности порождения и трансляции знания как предмета коллективной, коммуникативной деятельности.

В целом западные эпистемологи подчеркивают, что конвенции не являются результатом свободного выбора или произвола. Конвенции – это соглашения по поводу объективного положения дел. Отмечается логико-методологическая роль конвенций в научном познании. Например, конвенции в отношении когнитивных стандартов способствуют выбору проблемы, приемлемых теоретических подходов, методов и приемов, полезных методик. Аргументы, обосновывающие принятие соглашений, могут быть 1) эмпирическими (эксперимент, опыт, практика), 2) теоретическими (логическая обоснованность, доказательность, согласованность, критерии простоты, гармонии) и 3) социо-психологическими (интеллектуальный климат, ценностный фактор). Западные эпистемологи осознали и подчеркнули обоснованность конвенций, их социально-историческую обусловленность.

В отечественной эпистемологии тема конвенций получила широкую разработку в 70-80-е годы XX века. Конвенциональ-

ные основы научного знания анализировались в связи с попытками эпистемологов теоретически воспроизвести процесс развития знания в его целостности. Отечественные исследователи, основываясь на накопленном критико-аналитическом материале западных концепций, пытались сформировать собственные оригинальные идеи о динамике научного знания.

Самостоятельные концептуальные построения потребовали разработки ряда вопросов методологического характера о том, как воспроизводить процесс развития научного знания. Исследователи задавались вопросом о том, какова должна быть теоретическая модель, адекватно отображающая закономерности познания, должна ли рациональная реконструкция процесса познания предполагать ценностные факторы и т.д. Эти вопросы, вероятно, стали катализатором всплеска исследований не только о внутринаучных связях теорий и их взаимодействие с опытом, но и влияние на этот процесс социокультурных факторов.

Исследование конвенций в научном познании шло в нескольких направлениях. Первое было связано с критикой конвенционализма как методологического направления, как философской концепции науки. Критическому анализу подвергался конвенционализм У. Куайна, А. Пуанкаре, анализировались гносеологические основы конвенционализма. Понятие конвенции рассматривалось в связи с вопросом об объективной истине как содержании научного знания, о конвенциональном принятии и построении научной теории. Э.М. Чудинов писал, что вопросом конвенции здесь объявляется «... вопрос об истинности теоретически и физически интерпретированных предложений, аксиом, когда снимается сам вопрос об объективной истине как содержании научных знаний» [Чудинов, 1980, с.229]. Исследовательский интерес отечественных мыслителей эта тема затрагивала тем, что конвенциональное понимание природы научного знания и знания вообще имело выход на проблему истины. Условность в этом аспекте рассматривалась как средство достижения объективно-верного знания.

Второе направление ориентировалось на анализ конвенции как необходимого структурного элемента научного познания. Сторонники данного направления рассматривали логико-методологический аспект конвенций в науке, ставили вопрос о когнитивной роли договоренности и об объективных границах конвенции. Критика конвенционалистской версии научного знания сопровождалась положительной разработкой понятия конвенции как реального факта научного познания.

В обоих представленных направлениях отсутствовало четкое определение понятия конвенции, оно раскрывалось контекстуально. В качестве синонима понятия конвенция в этих исследованиях выступают такие выражения, как конвенциональность, конвенциональный элемент, условность, условное соглашение.

Эпистемологи С.Н. Коськов, С.А. Лебедев в своих исследованиях неоднократно обращались к критическому анализу конвенционалистской концепции природы теоретического знания, поиску ее гносеологических основ. Конвенционализм критиковался ими за игнорирование пределов, в которых соглашение имеет силу. Хотя эти пределы, с позиции отечественных эпистемологов, обусловлены действительностью научного познания. Не принималось и снятие конвенционализмом вопроса об истинности конвенций, не удовлетворительным казались трактовки конвенции как субъективного момента познания. С.Н. Коськов и С.А. Лебедев приходят к выводу, что признание конвенций в науке не обязательно ведет к конвенционализму и субъективизму в понимании научного знания.

А.В. Ахутин обращает внимание на такое проявление условности как идеальный объект и способы его конструирования, прослеживающиеся в истории физики. Принятые в теоретической физике условные идеализации, согласно А.В. Ахутину, составляют мысленную сторону реального предмета опыта, вместе с тем они являются предметной, наглядной стороной теоретических понятий (См.: [Ахутин, 1976, с.15]). Идеальный объект исторически ограничен, в связи с чем он подвержен пересмотру. К условностям А.В. Ахутин относит теоретический

идеал, согласно которому строится экспериментальная схема, обрабатываются результаты, формируются понятия. Теоретический идеал, в свете которого ведется познавательная работа, также исторически изменяется, преобразуется. Постановка в теоретической физике историко-научной проблемы формирования условностей объясняется А.В. Ахутиным переосмыслением логических, гносеологических оснований теоретического мышления и эксперимента.

Э.М. Чудинов исследует семантические конвенции (относительно содержания применяемых терминов) в науке, затрагивает вопрос о произвольности и объективных ограничениях конвенций. Конвенции как реальный факт научного познания Э.М. Чудинов относит к субъективным моментам. Но конвенции не носят произвольный характер. Конвенции ограничены терминологической традицией или определенным концептуальным полем исследователя. При этом выбор семантики для системы аксиом, терминов допускает конвенциональную свободу, которая выражает широту выбора интерпретаций аксиом. По мнению Э.М. Чудинова, «... в практике научного мышления конвенциональность семантики терминов очерчена достаточно четко» [Чудинов, 1980, с.272]. Конвенции с этих позиций представляют собой неустраняемые компоненты научного познания.

В третьем направлении предметом осмысления является конвенциональность познавательных ценностей, анализируется социо-коммуникативная природа конвенциональных ценностных критериев, вовлеченных в процесс познания. Отечественные исследователи сделали акцент на механизмах ввода конвенций, их формировании в научном сообществе, сфокусировали внимание на субъекте как источнике конвенций, подняли проблему влияния конвенциональных ценностей, разделяемых тем или иным научным сообществом, на его функционирование.

В.С. Степин проанализировал позиции в отечественной эпистемологии по проблеме возникновения идеалов и норм научной деятельности. Он полагал, что в 70-х годах осмысливалась регулятивная роль методологических установок и прин-

ципов в процессе теоретического поиска и формирования новых научных теорий (П.С. Дышлевой, Э.М. Чудинов, Н.Ф. Овчинников, В.И. Купцов и другие). В это же время стала обсуждаться проблема выбора теории, функции методологических принципов в ситуациях выбора (Е.А. Мамчур) (См.: [Степин, 2007, с.53]). Во второй половине 70-х - начале 80-х появились отечественные исследования, посвященные анализу взаимодействия познавательных и институциональных идеалов и норм (Н.В. Мотрошилова, А.П. Огурцов, Б.Г. Юдин). Особой темой, получившей широкое признание и привлекавшей возрастающий круг исследователей, было рассмотрение социокультурных предпосылок и детерминаций идеалов и норм науки. Эту проблематику разрабатывали сложившиеся к этому времени методологические школы в Москве, Киеве, Минске, Ленинграде, Новосибирске, Ростове. Инициатором программы исследований в этом направлении был В.С. Степин, которым разрабатывалась деятельностная и культурно-историческая парадигма философии науки. В книге «Идеалы и нормы научного исследования» была реализована программа, согласно которой познание регулируется определенными идеалами и нормативами, в которых выражены цели и установки научной деятельности. Особую разработку во всех этих исследованиях получил социокультурный подход, одним из объектов теоретического анализа которого стал нормативно-ценностный компонент научного познания. Социокультурный подход был направлен на исследование степени воздействия социокультурного окружения на научное познание (объяснение производства, функционирования и развития научного знания с учетом познавательных, социальных, психологических, культурных характеристик).

В работах Н.В. Мотрошиловой проводится социологическое, социально-философское исследование происхождения общенаучных норм, анализируется зависимость их формулирования от релевантных социально-исторических процессов и личностных ориентаций ученого. Н.В. Мотрошилова обращает внимание на роль объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование, формулирование, функционирование,

закрепление, трансляцию конвенциональных норм в коммуникационном пространстве научного сообщества. Под субъективным фактором подразумевается влияние личностных ориентаций ученого на становление и формулирование социально-значимых норм научно-исследовательской деятельности. Роль личностных ориентаций проявляется, во-первых, в том, что значимость норм удостоверяется через сознание и действие конкретных личностей, во-вторых, изменения личностных ориентаций ученого влияет на формирование и формулирование общих нормативных принципов науки, в-третьих, условием функционирования норм является преобразование эвристических норм в морально-личностную, ценностную форму (См.: [Мотрошилова, 1981, с.91, 106]). Таким образом, важным условием функционирования норм является их интериоризация через ориентации личности, несмотря на то, что нормы возникли на основе обобщенных успешных познавательных действий предшественников и современников. Формулировка норм в безличной форме означает осознание их как социально-значимых для всего научного сообщества и обеспечивает конвенциональное признание. Фиксация норм делает их объектами осуждения или признания, т.е. превращает их в осознанный факт для научного сообщества.

Объективными и универсальными становятся нормы, которые отвечают специфике научного познания, функциям науки и закрепляются в последующей исследовательской практике. Нормы обосновываются с точки зрения меры их соответствия объективным социально-историческим задачам нормативного регулирования научно-исследовательской деятельности.

Пространство апробации вводимых норм создается и за счет объективных социальных предпосылок. К их числу Н.В. Мотрошилова относит специфические социальные функции науки (например, производство систематических, логически организованных, доказательных знаний) и социальные условия (положение науки в системе производства, роль ученого в обществе, исторически сложившиеся формы институционализации общественных отношений в научно-исследовательском

труде, исторически сложившиеся представления о значении научных идей, исследовательского труда для общества в целом) (См.: [Мотрошилова, 1978, с.120]).

Продуцентом норм является личностно-нормативное творчество, после процесса апробации нормы развиваются, подтверждая свою эффективность едиными принципами деятельности и общения людей науки. Поэтому тенденции, приводящие к кардинальному преобразованию общесоциальных норм науки, происходит на уровне конкретного исследовательского процесса и регулирующих его эвристических норм, а затем переходит на уровень принципов, непосредственно регулирующих соответствующие сферы (См.: [Мотрошилова, 1981, с.105]). Нормы науки формируются и функционируют не в форме неизменных, инвариантных общих нормативных идеалов, а в форме сплава идеала с многообразными реальными ориентациями и нормативами ученого в их конкретности (См.: [Мотрошилова, 1981, с.98]). Это означает также, что нормы, транслируясь из эпохи в эпоху, получают новый смысл и содержание, пополняются конкретными новыми нормативными принципами. Консенсус в отношении норм пересматривается. Но преемственность и становление норм как общезначимых конвенциональных идеалов, транслируемых из одной эпохи в другую, обеспечивается их соответствием специфике, социальной функции науки и определенным историческим условиям. Работающей функциональная норма становится благодаря ее содержательной конкретизации в условиях реальной научно-исследовательской деятельности.

С позиций социо-когнитивного подхода А.П. Огурцов изучает такой конвенциональный элемент как идеалы научности. Автор анализирует процесс институционализации выработанных идеалов науки, признание их в качестве образцов научным сообществом, системой образования и их роль в познавательном процессе (См.: [Огурцов, 1981, с.65]). Под идеалом научности понимается либо исторически-конкретный критерий оценки, либо субъективное представление членов научного сообщества о приемлемости результатов, либо объективация субъективных

характеристик (некий нормативный образец), зависящая от стадии становления (См.: [Огурцов, 1984, с.176-177]).

Анализируя историю естествознания, А.П. Огурцов выделяет основные эволюционные стадии развития идеала научности. Идеал научности проходит эволюцию от логико-методологических регулятивов (выработанных в различных исследовательских группах) через дисциплинарный образец (превращения некоторых регулятивов в образец решения научных задач, принятый в научном сообществе) к норме в учебниках (что обеспечивает общеобязательность и общепризнанность в научной среде), затем включается в ценности научно-культурного развития (критерии отбора научного материала принятые в социокультурной среде) (См.: [Огурцов, 1984, с.179]). Эти эволюционные стадии представляют механизм признания идеала научности, то есть достижение конвенционального характера идеала научности, начиная с локального уровня (отдельный исследователь или исследовательская группа) и заканчивая дисциплинарным научным сообществом и культурой в целом. Признание и принятие на каждом из описанных уровней обеспечивает реализацию достигнутой конвенции в отношении идеала научности. А.П. Огурцов пишет, что научное сообщество, которое «... *принимает* некоторые методологические и теоретические принципы в качестве регулятивов, ценностей и норм, *реализует* их в своей познавательной деятельности и социальном поведении» [Огурцов, 1981, с.68]. В свою очередь, по словам А.П. Огурцова, только принятие и реализация социально-признанных (конвенциональных) когнитивных норм и идеалов научности позволяет ученому включиться в научное сообщество, в научную коммуникацию, а его интеллектуальному продукту приобрести статус достоверного, доказанного и социально-признанного знания (См.: [Огурцов, 1984, с.168-169]).

Для демонстрации механизма циркуляции нормативных структур в научном сообществе А. П. Огурцов вводит понятие образ науки, определяющее организацию когнитивного материала, ценностные ориентации ученых. Выделяется дисциплинарный и проблемный образ науки. Дисциплинарный образ

науки предполагает дисциплинарную организацию устоявшегося общепризнанного знания, социальное признание в институциональных научных структурах (кафедра, университет, академии), отражение знания в учебной и монографической научной литературе, в которой фиксируются каноны изложения научного знания. Здесь происходит процесс институционализации нормы, она становится рабочей функцией дисциплинарного знания и института образования. В такой роли она начинает определять когнитивную организацию дисциплины, и «... общность относительно ее целей и содержания, и согласованность в понимании ее структуры и методов изложения» [Огурцов, 1984, с.180]. Это один аспект науки, связанный с образовательным процессом.

Другой аспект – это наука как исследование или проблемный образ науки. «Иными словами, логика из наукоучения, т.е. из учения о каноны изложения научного знания, превращается в логику исследования, в логику выдвижения и принятия решений, в эвристику» [Огурцов, 1984, с.174]. Логика исследования направлена на правила эвристического поиска. А.П. Огурцов описывает механизм трансформации идеалов и ценностей научного поиска в дисциплинарное знание. В процессе социализации нормы системы образования интериоризируются членами научного сообщества и оказываются той характеристикой познавательного процесса, которая определяет исследовательскую деятельность (См.: [Огурцов, 1984, с.178]).

В связи с этим А.П. Огурцов высказывает идею о возможности выявить определенную связь между ценностями и нормами социальной матрицы образования, с одной стороны, и способом организации знания, объективации научных исканий – с другой. А.П. Огурцов полагает, что формирование новой социальной матрицы влечет за собой и изменение ценностей и норм исследовательской работы, и появление собственно исследовательских групп, объединяемых различными формальными и неформальными коммуникациями, и новые способы организации знания (См.: [Огурцов, 1984, с.173]).

Подход А.П. Огурцова позволил вскрыть механизм формирования и функционирования идеала научности, способа репрезентации познавательного процесса посредством того, что идеал научности анализируется вместе с социальной матрицей, которая обеспечивает его поддержку и признание. Автор показывает не только процесс выработки теоретических и методологических регулятивов, их превращение в норму изложения когнитивного материала научной дисциплины, но и социальные процессы (в частности, взаимоотношения между учеными, идеалы научности, принятые в системе образования и в исследовательских группах переднего края научных исканий).

Одно из направлений исследований социальной обусловленности науки, научного познания предполагало аналитическое изучение объективированных социально-исторических форм и механизмов, влияющих на науку, научное познание. С позиций социологического подхода Л.А. Микешиной был поставлен вопрос о такой форме объективной и в то же время субъективной детерминации науки, научного познания, как коммуникация, общение ученых, их групп. Научные коммуникации оказывают влияние на субъекта познания, на ход познавательной деятельности и ее результат (знание). В процессе общения (формального и неформального, непосредственного и опосредованного) происходит социализация ученого как ученого, т. е. становление его как субъекта научной деятельности (См.: [Микешина, 1983, с.116]). В системе научной коммуникации ученый приобщается к традициям школы, направления, приемам, методам научной деятельности, гипотезам, концепциям, проблемам, предпосылочному знанию (научная картина мира, стиль мышления, концептуальный аппарат) и т.д. В процессе коммуникации происходит одновременно и стратификация научного сообщества, что определяет преобладание тех или иных концепций, подходов, направлений исследования. Можно предположить, что посредством общения субъект познания приобщается к принятым в научном сообществе конвенциям и конвенциональным приоритетам.

Влияние научных коммуникаций на познавательную деятельность и ее результат проявляется в оформлении знания в виде определенной объективированной системы (в виде текстов) и применении принятого в данном научном сообществе унифицированного научного языка, стандартов объективации знания. Следовательно, в процессе коммуникации задается канон оформления знания как результат достигнутого согласия между учеными. Произвол субъекта познания в отношении конвенциональных элементов исключается за счет детерминации их самим объектом, его независимыми от исследователя параметрами. Л.А. Микешина пишет, что «Идущие от активности и коммуникаций субъекта предпочтения, конвенции, регулятивные приемы и т.п. приобретают статус общенаучных познавательных норм только в том случае, если они коррелируют с этими объективными параметрами» [Микешина, 1983, с.127].

В обеих ситуациях подчеркивается коммуникативная основа конвенциональности в научной деятельности. Коммуникация рассматривается как механизм, обеспечивающий производство, передачу, хранение, применение, признание конвенций в системе научной практики. В свою очередь, конвенции можно рассматривать как неотъемлемый фактор коммуникации между членами научного сообщества, так как коммуникация в своей основе имеет конвенциональную природу. Следовательно, конвенциональность социального взаимодействия сама способствует образованию конвенциональных элементов.

В русле обозначенных проблем Л.А. Микешиной косвенным образом затрагивается тема конвенций в научном познании, анализируется механизм признания конвенций и включения в научную практику. В более поздних работах («Эпистемология ценностей», 2005 г.) Л.А. Микешина проводит структурно-содержательный, функциональный анализ феномена конвенции.

Таким образом, анализ эпистемических концепций показал, что сторонники логико-методологического и социокультурного подхода констатируют наличие конвенций в научном познании. При этом специфика подхода определяет акцент в ис-

следовании конвенций в научном познании, концентрируясь либо на роли и функции конвенций в научном познании, либо на социальной природе конвенций, на субъекте (индивидуальном, коллективном) как их источнике. Но перед представителями этих подходов возникает необходимость выяснения объективных оснований условных соглашений, границ правомерности их применения, выделения разновидности конвенций, раскрытия механизма их функционирования на различных уровнях научного знания, с учетом ценностной мотивации их выбора и применения.

Исследования западных и отечественных эпистемологов показали, что очевидными конвенциями в научно-познавательной деятельности являются соглашения относительно понятийно-методологического аппарата, нормативно-ценностной системы, концептуального содержания (гипотезы, теории). Исторический характер этих конструктов дает возможность полагать, что соглашения, закрепляющие эти конструкты, имеют объективные предпосылки и отражают социокультурный и когнитивный опыт человечества. Таким образом, сколь бы случайными и произвольными ни казались конвенции, они, если только конструируются или используются ученым, стоящим на уровне научной культуры своей эпохи, всегда уже связаны с множеством других существующих и проектируемых конвенций, построены в рамках определенной господствующей теории. Кроме того, конвенции, являясь продуктами научного творчества, обусловлены пониманием того, что есть наука на данном историческом этапе. Все эти особенности конвенции в познании позволяют ей быть адекватным средством в реализации конструктивно-проективных целей познания и научной коммуникации в целом.

ВИДЫ И ФУНКЦИИ КОНВЕНЦИЙ В НАУКЕ

Конвенции, вводимые членами эпистемического сообщества, в целом образуют гибкую систему, способствующую оптимизации познавательной деятельности. В связи с этим представляет интерес обратить внимание на возможные классификации конвенций в научном познании в отечественной и западной литературе. В отечественной литературе по методологии науки можно встретить градацию конвенций по форме: *семантические конвенции* (интерпретация теоретических и физических терминов, предложений, аксиом), *эмпирические конвенции*, *теоретические конвенции*.

Семантические конвенции целиком определяют значение, которое субъект познавательной деятельности придает тому или иному символическому комплексу. Семантические конвенции подразделяются на теоретические конвенции в отношении семантики, когда комплексы символов, составляющих термины, ставятся в соответствие теоретические объекты, например, «точка», «прямая». Физические конвенции в отношении семантики образуются, когда реальные физические объекты ставятся в соответствие с абстрактными объектами, ставшими содержанием терминов.

Эмпирические конвенции заключаются в отношении экспериментально-измерительных процедур (например, единиц измерения, экспериментальных установок), в процессе разработки логико-математического аппарата, когда вводятся новые знаки, с помощью которых на языке математики записываются эмпирические законы.

Теоретические конвенции возникают в связи с введением в научное познание таких теоретических объектов как идеализации (например, «твердое тело», «материальная точка», «идеальный газ»), абстрактные объекты (например, в физике это физические величины, с помощью которых фиксируются результаты экспериментов – масса, длина, сила, скорость, ускорение и так далее). Так же теоретические конвенции формируются в отношении способов, позволяющих привести теоретическую систему в соответствие с данными опыта (См.: [Чудинов, 1972, с.227-231]).

В западных историко-научных исследованиях можно встретить типологии так называемых установлений. Х. Позер в своей статье «Правила как форма мышления» на основе исследований К. Хюбнера, И. Элкана, К. Кернера классифицировал выдвинутые этими авторами фундаментальные типы установлений научного познания. Предлагались следующие типы установлений в науке:

1. Онтологические конвенции определяют, какие элементарные объекты, процессы, положения вещей приняты в некоторой науке, каковы допустимые атрибуты и отношения, и как из них строятся сложные образования. Например, такие-то постулаты выдвигает физик, если он атомист или приверженец теории плазмы; другие - молекулярный биолог, считающий молекулы некоторыми сущностями.

2. Конвенции в отношении источника знания: чувственный опыт, разум, факты, аналогия, авторитет, традиция.

3. Оценочные конвенции устанавливают иерархию источников знания и определяют, в чем состоят процедуры доказательства, проверки и опровержения. Эти конвенции обеспечивают объективность и проверяемость положений науки.

4. Инструментальные конвенции – это конвенции в отношении вспомогательных средств (например, микроскоп, подзорная труба), измерительных единиц (ноль, единица, правила измерения), методов.

5. Эстетические конвенции – это требования симметрии, красоты. Им родственны нормативные, теоретико-методологические установления, которые определяют свойства, которыми должна обладать теория: простота, степень фальсифицируемости и наглядности. Эти конвенции привлекаются для легитимации знания.

7. Аксиоматические конвенции – это установления в отношении неопровержимых, фундаментальных допущений, которых придерживаются ученые в некоторую эпоху достаточно жестко (См.: [Позер, 1999, с.152]).

В отношении описанных типов конвенций в науке Х. Позером и форм конвенций в отечественной методологии можно

сделать замечание о том, что все конвенции или установления подвержены историческим изменениям и работают в научном познании во взаимосвязи. Отсюда возможность трактовки конвенций как социально-исторических феноменов.

При типологизации конвенций за основу был взят содержательный момент, объект конвенций. Можно типологизировать конвенции в научно-познавательной деятельности по степени их проявленности, осмысленности в научном сообществе.

Нам кажется, что эвристический потенциал имеет классификация конвенций в языковом сообществе предложенная А.Л. Блиновым. Исследователь выделяет три типа конвенций – это *языковая (коммуникативная) конвенция, актуальная и виртуальная конвенция*. Языковую (коммуникативную) конвенцию он подразделяет на два вида: *тотальная языковая конвенция* и *языковая (коммуникативная) конвенция ad hoc*. Под *тотальной языковой конвенцией* понимается языковая конвенция, которая «...(1) действительна для всех членов данного языкового сообщества, (2) действует неопределенно долгое время, (3) зафиксирована (воплощена) в писаных и неписаных правилах данного языка» [Блинов, 1995, с.134]. Языковая (коммуникативная) конвенция *ad hoc* трактуется как соглашение между двумя или несколькими участниками общения о некотором специальном правиле (или системе правил) общения, действующее только в одной определенной заранее оговоренной участниками ситуации (См.: [Блинов, 1995, с.134]).

Если взять за основу эти определения, то можно предположить, что в научном и философском сообществе присутствуют эти формы конвенций. Под *тотальной языковой конвенцией* в научном и философском сообществе подразумеваются общезначимые дисциплинарные масштабные конвенции, конституирующие эти эпистемические сообщества. *Дисциплинарные конвенции* – это структура, действительная для всех членов данного эпистемического сообщества, обеспечивающая его устойчивость, преемственность знания при смене когнитивных результатов и поколений; фиксирующая специфику предмета и познавательных процессов, методов присущих данной дисципли-

плине; интериоризированная большинством и канонизированная в корпусе текстов (как профессиональной идентичности). Языковой (коммуникативной) конвенции *ad hoc* соответствует *локальная конвенция*. Под *локальной конвенцией* понимается соглашение между членами эпистемического сообщества на уровне школ, направлений, кафедр, обществ, союзов, позволяющее идентифицировать каждого члена эпистемического сообщества с определенной группой. *Локальные конвенции* – это некие основы солидарности, предназначенные для внутреннего использования эпистемических групп.

А.Л. Блинов вводит понятие актуальной и виртуальной конвенции, ссылаясь при этом на исследования Д. Юма и Д. Льюиса. Классический анализ понятия виртуальной конвенции, по А.Л. Блинову, содержится в книге Д. Льюиса «Конвенция» (см. David K. Lewis Convention Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1969. 213 p.). Д. Льюис ставит вопрос о возможности конвенции, не предполагающей наличие между её участниками явных ситуаций общения. Поставленный Д. Льюисом вопрос о феномене конвенции без явных обещаний был ранее осмыслен Д. Юмом в произведении «Трактат о человеческой природе» (1737 г.). Д. Юм пишет: «Соглашение это не носит характера обещания... Оно не что иное, как общее чувство общественного интереса; все члены общества выражают то чувство друг перед другом, и оно заставляет их подчинять свое поведение известным правилам. Я замечаю, что мне выгодно предоставлять другому человеку владение его собственностью при условии, что он будет действовать так же по отношению ко мне. Когда мы это общее чувство взаимной выгоды выражаем друг перед другом и оно становится известно нам обоим, оно влечет за собой соответствующее решение и поведение; и это может по праву быть названо соглашением, или уговором, между нами, хотя и заключенным без посредства обещания, ведь поступки каждого из нас находятся в зависимости от поступков другого и совершаются нами в предположении, что и другой стороной должно быть нечто сделано» [Юм, 1998, с.530].

Таким образом, в основе конвенции без обещаний лежат действия членов сообщества, соотносящиеся друг с другом и совершающиеся на основе взаимных ожиданий определенных *действий* со стороны другого партнера. Конвенция есть общее осознание общего интереса. Это сознание все члены общества выражают друг другу, что мотивирует их регулировать свое поведение определенными правилами. Резюмируя эти исследования, А.Л. Блинов интерпретирует виртуальную конвенцию как «... такое положение вещей, когда (все) члены данного языкового сообщества фактически придерживаются во всех случаях общения между собой всех писанных и/или неписанных правил данного языка, хотя никакое событие заключения договора между ними по этому поводу никогда не имело места» [Блинов, 1995, с.177]. Путем таких соглашений между людьми, но без посредства обещания, стихийно образуются естественные языки. Для искусственных языков (т.е. изобретенных одним человеком или ограниченной группой лиц) характерен специальный договор между будущими участниками общения, то есть актуальная конвенция. Под *актуальной конвенцией* А.Л. Блинов понимает собственно событие заключения договора (в той или иной форме) между всеми членами данного языкового сообщества о введение в действие на неопределенно долгое время фиксированного перечня правил данного языка.

В науке конвенции изначально носили характер актуальных конвенций. Например, введение констант в естественнонаучном познании, физических величин и т.д. Если обратиться к историческим исследованиям первых научных обществ, то можно увидеть, что при образовании этих обществ четко прописывался устав и правила поведения и представления результатов их членами. З.А. Сокулер пишет, что ранние академии «... обычно включали в свои уставы правила этикета, направленные на то, чтобы сохранить дружеский и вежливый тон полемики» [Сокулер, 2007, с.49]. *Актуальные конвенции с течением времени становятся виртуальными*, когда, например, оперирование теоретико-методологическими нормами в познавательной деятельности основывается не на факте, имевшего когда-то ме-

сто договора, а на взаимных ожиданиях, на компетентности членов эпистемического сообщества.

Оформление актуальных конвенций может принимать очень разные формы. Например, публикация научной работы, вводящей новый концептуальный и методологический аппарат, придерживаться которого брал на себя обязательство каждый член эпистемического сообщества, ставший участником общения в этом концептуальном поле. Само обсуждение этих введений, экспликация содержательных и формальных аспектов научной работы является проявлением актуальной конвенции. Виртуальная же конвенция предполагает молчаливое соглашение, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как «правильный». Например, ученые при написании работы опираются на устоявшиеся негласные в научном сообществе нормы оформления когнитивного результата, ожидая от своих коллег соответствующего поведения. Таким образом, для актуальной и виртуальной конвенции характерно то, что принявшие ее члены эпистемического сообщества опираются на нее в своих рациональных исследованиях.

Актуальная и виртуальная конвенция может быть явной или неявной, бессубъектной (отсутствует четкая референтная группы) или субъектной (указывает на референтную группу). Примером бессубъектной конвенции является конвенциональная основа семантики терминов естественного языка. Эта конвенциональная основа завуалирована длительной историей развития языка и отсутствием четко очерченного субъекта (индивида или эпистемического сообщества), вводящего символические комплексы на основе соглашения. Было бы неверно отрицать наличие такого субъекта - в силу неинституционализированности языкового сообщества этот субъект размыт и представлен целокупным человечеством. Бессубъектность конвенций, вероятно, связана с их явным и неявным проявлением.

Неявность конвенций предполагает момент неосознанности их функционирования в деятельности эпистемического сообщества (отсутствие рефлексии в отношении этого конвенционального содержания). Неявность конвенций может быть обу-

словлена, по крайней мере, двумя факторами. Первый фактор заключается в том, неявность конвенций может быть связана с отсутствием интенции (рефлексии) в отношении конвенциональных элементов деятельности в рамках оформленного эпистемического сообщества (определенный очерченный круг профессионалов-специалистов в какой-либо области). Вторым фактором выражается в том, что неявность конвенций обусловлена особенностями субъекта данной деятельности (нельзя четко указать референтную группу, источник) и стихийностью образования конвенций (стихийность формирования самой этой деятельности, то есть отсутствие институализированного процесса, эти конвенции функционируют на интуитивном уровне, передаются посредством традиции). Явные конвенции являются результатом рефлексии эпистемического сообщества над своей деятельностью и достигаются в результате осознанного консенсуса в познавательной деятельности.

Субъектные конвенции в практике научного исследования имеют своих представителей. Можно с большой долей вероятности указать на референтную группу, продуцирующую эти конвенции (в институциональном плане это определенное эпистемическое сообщество и его организационные формы: школы, кафедры направления и так далее). Это способствует тому, что в практике научного мышления, например, конвенциональность семантики терминов очерчена достаточно четко.

Л.А. Микешина типологизирует конвенции в научно-познавательной деятельности на *очевидные и неочевидные*, они образуются при передаче способа видения, парадигмы, научной традиции, неявного знания. К очевидным конвенциям в научно-познавательной деятельности Л.А. Микешина относит естественные и искусственные языки, другие знаковые системы, логические правила, единицы и приемы измерения, когнитивные стандарты в целом.

Важно определить, *насколько силен момент произвольности в конвенциональных образованиях?* Произвольны ли конвенции? Есть логические и объективные ограничения, накладываемые на конвенции? Обусловлены ли чем-либо конвенции

или это полностью результат произвола чьей-то субъективной воли?

В лингвистике под произвольностью в языке понимается произвольность знака, имеются в виду, что «... между означающим и означаемым не существует в общем случае ни физического, ни геометрического и никакого бы то ни было вообще сходства» [Шалютин, 1980, с.21]. Произвольность знака в языке позволяет посредством него обозначать любой предмет и любое отношение. Произвольные знаковые обозначения в языковой знаковой системе рассматриваются большинством лингвистов как продуктивное качество (конвенциональности знаков языка). Это позволяет языковой знаковой системе быть эффективным орудием абстрактного мышления и фиксации его результатов (есть возможность резкого сокращения информации). Под произвольностью конвенций в науке в каком-либо эпистемическом сообществе понимается независимость данных элементов от той системы, в рамках которой они могут быть осмыслены. Под такой системой может подразумеваться объективная действительность теорий или концепций, взаимосвязь понятий в системе понятий.

Произвольность конвенций в каком-либо эпистемическом сообществе в отношении, например, норм, терминологии, идеализированных объектов, системных модельных объектов, логико-математический аппарат возможна, если каждый из этих объектов взят изолированно от какой-либо системы, в которой он мог бы быть интерпретирован. Так, если «... мы оперируем терминами как изолированными друг от друга именами предметов, то в этом случае никаких границ для семантических конвенций нет» [Чудинов, 1972, с.227]. Например, термин «масса», «планета», «порядок» можно трактовать различным образом вне очерченного семантического поля. Поэтому конвенции должны быть стабилизированы.

В большинстве случаев, даже если какие-либо конвенциональные элементы рассматриваются вне концептуальной системы, важным фактором, определяющим их формирование, является традиция. Традиция позволяет интерпретировать

данный элемент в определенном общепринятом смысле, так, как их понимают «все». Произвольность конвенций в научной деятельности в рамках научного сообщества ограничивается тем, что конвенциональные элементы во многом обусловлены системой понятий, определенной теорией, мировоззрением. Поэтому термины квантовой механики отличаются от терминов классической механики.

Здесь произвольность конвенций отождествляется с субъективной свободой субъекта познания. Но конвенциональная свобода субъекта познавательной деятельности может быть связана не только с субъективной свободой субъекта познания, но и с широтой выбора интерпретаций данных элементов. Э.М. Чудинов пишет: «...выбор семантики для системы аксиом допускает известную конвенциональную свободу. Например, аксиомы геометрии могут быть интерпретированы не только на множестве специфически геометрических объектов, но и на объектах булевой геометрии, теории чисел и т.д.... Здесь конвенция выражает широту выбора интерпретационных аксиом, выражающую определенную степень общности этих аксиом» [Чудинов, 1972, с.228]. Это крайние случаи проявления произвольности при образовании конвенций. В большинстве же случаев прослеживается влияние когнитивных, методологических, социально-психологических и социологических факторов на процесс формирования конвенций.

Особо остановимся на механизме распространения этических конвенций. Мы пришли к выводу, что конвенции в научной деятельности возможны в отношении понятийно-методологического, концептуального аппарата (теории, гипотезы, аксиомы) и нормативно-ценностной системы. Конвенциональность нормативно-ценностной системы проявляется в том, что ученые заключают осознанное или неосознанное соглашение относительно значений тех или иных норм научно-познавательной деятельности. Эти договорные нормативно-ценностные структуры обеспечивают единство научного сообщества и его эффективную коммуникацию. Договор может носить как локальный характер, то есть быть заключенным на

уровне отдельного ученого, школы, группы, общества, так и более масштабный – на уровне научного сообщества в целом как институционального и коммуникативного образования. Возможен переход конвенциональных норм с локального уровня на масштабный: усвоение и признание норм большинством ученых в качестве регулятивов научной деятельности. Эта общезначимость обеспечивает объективность конвенциональной нормативно-ценностной системы, обусловленной пониманием того, что есть наука (и чем она не является) в данный исторический период.

Как происходит трансляция норм-соглашений? По-видимому, конвенциональные нормы могут транслироваться по вертикальным и горизонтальным сетям научного сообщества. Н.С. Розов предложил анализ научного сообщества через сетевые структуры. Структура эпистемического сообщества, по Н.С. Розову, представлена горизонтальными и вертикальными сетями. Интеллектуальные горизонтальные сети образуют ученые, объединенные в группы, кружки, лаборатории и школы (национального и международного масштаба). Интеллектуальные вертикальные сети – это связь поколений (учитель – ученик) (См.: [Розов, 2010]).

Под *вертикальными сетями* мы будем понимать профессиональное обучение, в ходе которого молодые ученые принимают познавательную культуру научного сообщества. Познавательная культура – это те конкретные формы, в которых в данный период в данном эпистемическом сообществе осуществляется общение его членов.

Горизонтальные сети представлены как непосредственной коммуникацией членов научного сообщества (дискуссии, конференции, личные беседы), так и опосредованной, в последнем случае нормативные образцы могут заимствоваться из престижных источников (коллег-современников). В основе этих форм трансляции конвенциональных норм может быть согласие, не подразумевающее рационального принятия, договоренности, то есть единство субъектов в следовании норме подразумевает своего рода автоматизм. Например, в ситуации чтения

текста субъект согласен с автором относительно правил письменной коммуникации. Это нормальный случай, когда конвенциональное требование эпистемического сообщества совпадает со склонностью индивида поступать определенным образом. Нарушение в следовании норме является отклонением от принятых установлений научного сообщества и требует исправления (например, путем обучения). Регулярное нарушение соглашения со стороны члена научного сообщества свидетельствует, что этот индивид не принадлежит к сообществу, не принимает его функциональные установления, либо сигнализирует о несоответствии конвенции новому уровню развития научно-познавательной деятельности.

Вертикальная и горизонтальная форма трансляции конвенциональных норм может носить как пассивный, так и активный характер (собственно нормотворчество). Пассивный характер проявляется в том, что ученый ничего не создает, а заимствует уже готовые формы, существующие и функционирующие в научном сообществе. Но пассивность исследователя, конечно, слишком идеализирована, так как в действительности даже в процессе простого заимствования происходит процесс сращивания объективных нормативно-ценностных структур и личного когнитивного опыта ученого, в ходе чего происходит трансформация и того и другого.

Активная форма трансляции конвенциональных норм – это непосредственная коммуникация ученых (например, дискуссия) на предмет поиска согласия между учеными в отношении значения конвенции и её легитимизации. На уровне отдельного ученого активность проявляется в самостоятельном нормотворчестве, которое основывается на опыте ошибок. Норма, выработанная одним ученым, может стать общезначимой конвенцией. Это возможно благодаря тому, что для исследователя в процессе научно-познавательной деятельности характерна рефлексивная позиция. При создании норм-конвенций рефлексия выражается в сознательной ориентации на авторитетную группу для данного исследования, удостоверяющую и несущую конвенцию в отношении норм и на других членов научного сооб-

щества. То есть в процессе нормотворчества ученый согласует нововведение с устоявшимися нормативными конструктами, и если оно отвечает традициям данного научного сообщества, то норма будет принята сообществом.

Отчасти этот процесс описывается Г. Гутнером в работе «Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия». Г. Гутнер связывает процесс введения нового научного результата с преобразованием навыка исследовательской деятельности и формированием новой нормы. Он полагает, что создание новой теории (или появление новой частной гипотезы), преодолевающей научные затруднения, является движением к установлению согласия в научном сообществе. Но при создании новой теории требуют согласованности и навыки исследовательской деятельности, которые тоже могут претерпевать изменения при введении новшеств. Следовательно, в ходе преобразования относительно навыков должно быть достигнуто согласие. Разрешение научных противоречий и установление научной истины, выраженной в новой теории, означает установление согласия, возобновление согласованной деятельности. Признанный всеми научный результат входит в корпус неявного знания и преобразует навык, не нуждающийся в экспликации. Таким образом, окончательное принятие результата означает достижение согласия в рамках научного сообщества в отношении содержания и формы.

Интересные замечания Г. Гутнер делает в отношении нового научного результата как нормативного факта. Для него это второй аспект коммуникации (первый, напомним, – согласие). Новый научный результат, к примеру, научный закон, установленный и трактуемый сообществом как научная истина, выступает одновременно и в качестве коммуникативной нормы. Из этого следует, что каждый ученый должен согласовывать с ним свои исследовательские действия (теоретические исследования, эксперимент), что делает их приемлемыми для научного сообщества. Само принятое научное утверждение выступает в качестве коммуникативной нормы. Будучи принято в качестве обоснованного результата, оно становится принципом для про-

ведения экспериментов, рассуждений, обоснования других гипотез. Поскольку все названные типы научной деятельности имеют коммуникативный характер, то и результат, на который они опираются, выступает в качестве коммуникативного правила. Согласие относительно такого правила, солидарное следование ему обуславливает взаимопонимание в научном сообществе. Принятый сообществом научный результат превращается в форму взаимодействия членов сообщества. Так, физический закон определяет форму множества разных уравнений, возникающих при решении частных задач. То, что выступало в качестве содержания соглашения, будет выступать как форма взаимодействия. Если мы рассматриваем решение научной задачи как коммуникативный акт, то есть действие, рассчитанное на понимание сообщества и предпринятое во взаимодействии с другими членами сообщества, то научный результат нужно рассматривать как правило коммуникации. Г. Гутнер пишет, что развиваемый им деятельностный подход приводит к тому, что любое согласие относительно содержания следует рассматривать как более глубокое согласие относительно формы (См.: [Гутнер, 2008]).

Итак, в акте индивидуального нормотворчества в период активной фазы формирования–трансляции конвенций научное сообщество обсуждает возможность принятия нормы. Как происходит этот поиск согласия в дискуссии? Активная форма принятия конвенций предполагает осмысленное, рациональное принятие договоренности. Соглашаясь с другим субъектом коммуникации в чём-либо, учёный принимает определенные обязательства относительно дальнейшей совместной деятельности. Активная форма формирования конвенций основывается на том, что конвенциональные нормы складываются в результате взаимодействия многих исследователей в непосредственных дискуссиях: либо в личной коммуникации на конференциях и семинарах, либо опосредованно – на страницах журналов и переписке.

В спорах и дискуссиях каждая сторона стремится истолковать определенное требование по-своему, приспособивая к

своим целям и задачам. Поэтому развитие коммуникации в науке происходит как формирование консенсуса – согласие всех или некоторой группы участников с определенной интерпретацией. Но достичь здесь полного согласия невозможно, да и не нужно, достаточно договориться относительно значений тех или иных норм, которыми должны руководствоваться ученые. Результатом этого согласования оказывается некий нейтральный смысл, отражающий сложный баланс сил, символизирующий собой соглашение, достигнутое между учеными на данном этапе развития науки (См.: [Белов, 2001, с.50]).

На формирование канонических требований к научному мышлению оказывают стимулирующее влияние лидирующие научные направления, наиболее сильные научные школы, признанные научные авторитеты. Тем самым нормы отражают сложный баланс интересов различных ученых и исследовательских групп, представляя собой результат договоров, соглашений между учеными. При этом достигнутый компромисс является всегда относительным и временным, но этого достаточно, чтобы понимать, какие теории приемлемы на данный момент, а какие нет. Каждая новая теория может внести изменение в устоявшийся смысл существующих соглашений, что потребует корректив в новых дискуссиях, перехода к поиску разумных компромиссов. Тогда вновь начинаются межпарадигмальные дебаты.

В реальных дискуссиях (конференции, беседы) посредством консенсуса или в дискуссиях на страницах журнала вырабатываются общезначимые смыслы методологических норм, которые в какой-то мере устраивают конфликтующие стороны, хотя полного согласия никогда не достигают. Научный консенсус может быть достигнут посредством убедительных доказательств или опровержений, или в процессе неформальных дискуссий и личных взаимодействий. В неформальных дискуссиях интеллектуальные аргументы соседствуют с апелляциями к интуиции, вере, мнению научной элиты.

Методологические дискуссии являются неотъемлемым компонентом науки, и в этих дискуссиях приобретают значение

стандарты. Но, чтобы новая теория могла пробиться, недостаточно дискуссий, убеждающих ученых в приемлемости новых методов и стандартов. Чтобы эти методы и стандарты работали, необходимо их эффективно применять в решении проблем, которыми занято научное сообщество. Они должны быть апробированы в практике решения научных проблем, где и проходят путь соответствующей рациональной доработки. В.А. Белов пишет, что «... ценности получают статус неких значимых для всех норм, будучи интерпретированы (осознаваемы в качестве таковых) внутри конкретного исторического контекста, и если подобного интерпретирования (осознавания) нет, то ценности попросту перестают быть ценностями» [Белов, 2001, с.50]. Например, в обосновании той или иной нормы пользуются указанием на опыт такого следования. Л. Витгенштейн писал, что в определенных случаях мы не принимаем решения, а просто действуем, так как это – вопрос практики. Следовательно, можно предположить, что истоки любых конвенций, к которым мы приобщаемся во время социализации и коммуникации в научном коллективе, лежат не в мысли, а в действии. Согласие достигается в процессе непосредственных взаимодействий путём взаимного принятия членами группы позиций друг друга или опосредованно. Установление конвенциональных норм представляет некую коммуникативную деятельность, которая состоит не только в обсуждении, но и во взаимодействии людей сообразно выдвигаемой норме.

По-видимому, конвенциональные нормы складываются в результате взаимодействия многих исследователей. Будучи приняты в рамках сообщества, они представляют собой навыки согласованной исследовательской работы.

Обратим внимание на **функции конвенций в эпистемическом сообществе**, их условно можно разделить на коммуникативные, социально-этические и когнитивно-методологические. *Коммуникативные функции конвенций* проявляются в том, что с их помощью осуществляется организация единого когнитивного поля, определяются условия и последовательность информирования членов научного сообщества с

полученными данными, идеями и концептуальными достижениями. *Социально-этическая функция* состоит в том, что через приобщение к полю конвенциональных соглашений происходит социализация учёного в дисциплинарном сообществе. Кроме того, конвенции как инструмент научных взаимодействий, обеспечивают согласование профессиональных и институциональных интересов сторон. Изменение в конвенциях является индикатором ценностных ориентаций членов научного сообщества.

Когнитивно-методологические функции конвенций весьма разнообразны. Конвенции выполняют интегрирующую функцию в отношении эпистемического сообщества, формируя единую линию поведения в определенной познавательной ситуации. Кроме того, конвенция может выступать как часть порождающей структуры познания, благодаря чему каждый элемент получает свою значимую территорию в зависимости от общей карты всех других территорий мысли. Заключенная конвенция способствует проведению концептуальных разграничений и поддерживает «чистоту выстроенной традиции». Проводит границы на рационально-концептуальном уровне, а также в случае успеха – на социальном, институциональном. Более того, конвенция работает на распространение и расширение влияния теоретической программы, задает правила построения теоретической доктрины. Выработываемые конвенции устанавливают пределы легитимации научного знания. При выдвигании новой теории ее сторонники «... защищают свои позиции, апеллируя не только к фактам, но и к исходным методологическим установкам, принципам, предпосылкам соответствующего направления, которые и задают в существенных чертах «видение», оценку проблемной ситуации» [Амбарцумян, 1988, с.188]. Можно сделать вывод, что конвенции очерчивают сферу, доступную познавательной активности. Благодаря им сообщество ученых, во-первых, устанавливает негласные правила и этические нормы своего функционирования, во-вторых, определяет границы предметной области исследований, их актуальные направления, цели и стандарт, понимание инновационных теорий.

Конвенции необходимы в научном сообществе, они обеспечивают взаимодействие больших групп исследователей, учёные договариваются между собой об общих принципах работы. Но для эффективного функционирования конвенций необходим консенсус в сфере основ дисциплин. Отсутствие же консенсуса ведёт к постоянным дискуссиям, «... создает обширные возможности для игры с данными, методами оценки, спецификациями и другими параметрами с целью получения результатов, желательных с точки зрения теории» [Либман, 2008, с.20]. Конвенциональные рамки позволяют координировать действия между учёными, понимать действия и намерения друг друга. Соглашение способствует снижению неопределенности через введение общей формы оценки предмета как предпосылки координации. Легитимные формы оценки лежат в основе институтов.

Одна из важнейших функций конвенции, в аспекте интересующей нас проблемы эпистемических и личностно-статусных конфликтов, являет себя в том, что *конвенции выступают в качестве компромисса интересов членов научного сообщества*. Принадлежность ученых к различным группам в научном сообществе приводит к вариативности взглядов на результаты собственной деятельности и оценке труда своих коллег. Возникает конфликт интерпретаций, теорий, методов, фактуальных данных. Тем не менее, к согласию ученые все же приходят. Для философов и социологов интерес представляют как способы его достижения, так и степени подобного согласия. Наличие некоторой степени консенсуса относительно содержания науки, несомненно.

С.А. Лебедев выделяет две возможные формы консенсуса: явный и неявный консенсус. Явный консенсус находит своё отображение в учебниках и монографиях, в которых «канонируются» общепринятый понятийно-методологический аппарат, набор концепций и нормативно-ценностные структуры. Это своеобразный когнитивный консенсус. Явный консенсус, по словам С.А. Лебедева, проявляется в институциональном плане – в открытии новых кафедр и формировании новых научных дисциплин. Неявный консенсус, отмечает С.А. Лебедев, прояв-

ляется в том случае, когда ученые при обсуждении не затрагивают «больные» темы, либо считают, что они думают одинаково по одному и тому же поводу (См.: [Лебедев, 1998, с.100]). С.А. Лебедев утверждает, что степень установленного консенсуса может существовать в границах между единодушием по поводу содержания теории и методов ее интерпретации, с одной стороны, и полным нежеланием перевести высказывания оппонента в доступную для понимания и принятия форму – с другой.

Подобного рода идеи ранее высказывал Н. Сторер, проблематизируя факт существования согласия в рамках дисциплины или специальности. Основываясь на схеме Т. Куна, Н. Сторер полагал, что наличие удовлетворительного уровня согласия среди представителей различных дисциплин относительно стандартов определения достоверности и относительной значимости новых научных результатов наблюдается только на стадии нормальной науки. На допарадигмальной и революционной стадии не обнаруживается существенного согласия по поводу стандартов достоверности и значимости, которые должны применяться исследователем в данной области (См.: [Сторер, 1980, с.87]).

Д.П. Федоров, размышляя о механизме формирования соглашений, утверждает, что конвенции возникают на основе компромиссов частных интересов агентов научных сообществ. «Конвенции в науке – конкретные формы закрепления компромисса интересов агентов научного сообщества» [Федоров, 2009, с.134]. В сообществе ученых (ассоциированный субъект) происходит формирование конвенций как между конкурирующими научными течениями, так и внутри каждого из них, между их агентами. Д.П. Федоров пишет, что между конкурирующими научными течениями и внутри каждого из них происходит столкновение когнитивных и институциональных интересов и одновременно поиск взаимовыгодного равновесия. Инструментами закрепления такого равновесия «... является явный или неявный договор, основанный на консенсусе исследователей, определяющий отраслевые стандарты в дисциплине» [Либман,

2008, с.15]. Этот договор, по мысли автора, может подвергаться критике, пересматриваться, сменяться новым. Согласие ученых по поводу базовых постулатов и аксиом специального языка и трактовок основных понятий является основой функционирования любого научного направления как особой социальной институции. В концепции Д.П. Федорова выявляется взаимосвязь между оформлением конвенции и процессом институционализации науки. Устойчивое соглашение между учеными складывается на стадии высокой институционализации науки или научного направления. Эта идея Д.П. Федорова восходит к концепции Р. Уитли о когнитивной и социальной институционализации.

Р. Уитли рассматривал вопрос о соотношении согласия и институционализации научного сообщества, объясняя факт институционализации явным согласием членов научного сообщества. Понятие институционализации он относит «к способам схематизации действий и значений. Степень когерентности и организованности действий и восприятий и то, в какой мере идеи явно выражены и принимаются, и определяют степень институционализации» [Уитли, 1980, с.220]. Различные степени институционализации могут рассматриваться как критерии восприимчивости по отношению к новому, как уровни защиты от вторжения альтернативных представлений и интерпретаций результатов. Высокая степень институционализации представлена в консенсусе членов научного сообщества относительно целей, методов, идеалов объяснения, относительно фундаментальных принципов исследовательской программы и методики опыта и теоретической работы.

Р. Уитли разделил формы когнитивной и социальной институционализации. Когнитивная институционализация связана с согласием членов научного сообщества относительно критериев определения и оценки научной работы, формирующихся в когерентный способ понимания (См.: [Уитли, 1980, с.223]). В случае высокой институционализации формальная экспликация достигнутого понимания становится несущественной, поскольку оно поддерживается традицией. Достигнутое согласие может

формально фиксироваться и храниться в учебниках. Когнитивная институционализация включает как интеллектуальную взаимосвязанность и упорядоченность, так и приверженность к этому порядку и согласие с ним. Таким образом, факт когнитивной институционализации как результат согласия в научном сообществе указывает на наличие в познавательной деятельности конвенциональных структур (в данном случае общепризнанных критериев оценки научной работы). При этом полная когнитивная институционализация отвечает за формирование научной традиции, превращая подтвержденное знание в общезначимый неявный контекст.

Итак, когнитивная институционализация фиксирует согласие членов научного сообщества относительно критериев определения научной работы, выбора стратегии исследования, общего признания проблемной области и методов её исследования. Когнитивная институционализация представлена в различных эшелонах научной литературы – от журнальных статей до учебников и справочных изданий.

Под социальной институционализацией Р. Уитли понимает возникновение и сохранение социальных структур, которые объединяют членов когнитивной структуры. Социальная структура дисциплины представлена научными школами, группами власти, исследовательскими группами, профессиональными обществами, журналами, этическими кодексами, образцами взаимодействия (степень кооперации внутри дисциплины относительно различных задач, типы и плотность коммуникации, степень участия в профессиональных организациях). Формирование такого рода социальных структур обеспечивает социальную идентификацию членов научного и философского сообщества с исследовательской областью.

Высокая степень социальной и когнитивной институционализации научных областей обеспечивает рецензентам журналов возможность оперировать последовательными и согласованными стандартами оценок. Но в областях, где уровень когнитивной общности низок, критерии оценок будут сильно варьировать от рецензента к рецензенту и решающим будет ар-

гумент какой-либо авторитетной личности (См.: [Уитли, 1980, с.228]).

Очевидно, что устойчивое соглашение между учеными становится возможным только на стадии достаточно глубокой институционализации науки или отдельного научного направления. То есть когда в научном сообществе возникает профессиональное разделение труда, характеризующееся наличием круга взаимодействующих между собой профессионалов, посвящающих большую часть своей жизни накоплению знаний и их производству в определенной предметной области исследований.

Возможности понимания и объяснения в науке неразрывно связаны с достижением согласия внутри отдельных групп ученых и формированием конвенциональных элементов, обеспечивающих взаимодействие. По словам Е. З. Мирской, «... все существенное для развития научного знания происходит вначале внутри гранулы – сплоченной группы, коллективно создающей новый элемент знания, а затем - в борьбе и компромиссах с другими аналогичными группами» [Мирская, 1996, с.31]. В процессе достижения согласия формируются новые научные группы, вырабатывается их специфический научный язык, набор стереотипов, что способствует процессу самоидентификации и утверждению научной группы в научном сообществе.

Таким образом, разные группы ученых и отдельные ученые могут придерживаться различных стандартов, иметь концептуальные расхождения, но все они, осознав свою взаимозависимость и совместную ответственность за конечный результат, (изначально оказываются в условиях необходимости учитывать не только собственные когнитивные цели, ценности, но и противоположной стороны) стремятся к согласию. Это важно потому что чувство единства в сообществе ученых возникает во многом именно благодаря общности таких договорных нормативно-ценностных структур.

Ученый как субъект научной деятельности стремится соответствовать нормативно-ценностной структуре сообщества. Так как, во-первых, согласие в отношении нормативных структур

означает принятие определенных обязательств относительно совместной деятельности, во-вторых, нормативно-ценностные структуры обеспечивают понимание, взаимную проверку (общедоступность контроля), критику и признание научным сообществом. Сами требования (эмпирическая содержательность, простота, истинность, точность, непротиворечивость, полнота объяснения) как исторические конвенции между учеными имеют высокий уровень согласия и защищают науку от лженаучных идей. Поэтому, если новая теория не будет учитывать стабильность научного сообщества, будет удовлетворять незначительному числу признанных сообществом нормативных стандартов, она будет иметь мало шансов на успех.

Таким образом, конвенция рассматривается как следствие коммуникативных отношений в научном познании, протекающих как формулирование и переформулирование консенсуса в научном сообществе. Формирование и принятие конвенций (социальный процесс достижения научным сообществом определенного консенсуса. Важным механизмом в достижении конвенций является согласие какой-либо влиятельной референтной группы в научном сообществе (лидирующие научные направления, наиболее авторитетные научные школы, признанные авторитеты научной мысли). Однако они становятся общезначимыми только в случае их принятия большинством научного сообщества или они воплощаются в устойчивую традицию научного исследования. С помощью каналов социализации (институционализация, санкционирование), систему образования (оформление канона), коммуникацию (тиражирование) конвенции вписываются и распространяются в научно-теоретической культуре научного сообщества. Вследствие чего конвенции могут существовать в общественном мнении ученых соответствующей исторической эпохи в неявной форме, как система общезначимых предпочтений относительно допустимых в науке методов, теорий, доказательств.

***

Итак, мы полагаем, что конвенции в науке имеют разнообразные функции и виды. Они служат необходимым условием построения информации, которая расширяет границы познания и понимания мира носителями концептуальных систем (конвенцией может вводиться то, что не существует в реальной действительности, идеализированные объекты, модели, теоретические объекты). Конвенция выступает необходимым условием

коммуникации ученых, является частью социального механизма, обеспечивающего ориентацию ученых на интеллектуально-обоснованное единство мнений, возникающего благодаря общности договорных ценностей.

Конвенции имеют коммуникативную природу, поскольку являются intersубъективными образованиями и предполагают «другого». Конвенции – результат взаимодействия с «другим», заключения соглашения для понимания и совместной деятельности. Ведь ученый овладевает конвенциями как принципами взаимодействия с другими учеными в научном коллективе. Intersубъективность конвенций проявляется в том, что в каждый момент за ними фиксируются определенные значения, понятные сообществу. Стабильность значений этих норм отражает сложный баланс интересов различных ученых и исследовательских групп и представляет результат договоров, соглашений между участниками.

В целом конвенции как коды концептуальных научных систем и как средства коммуникации носителей этих систем способствуют этико-когнитивной ориентации ученых. Это проявляется в стремлении концептуальных систем (а вернее субъектов научной деятельности) привести содержащуюся в них семантику и используемые для ее кодирования номенклатуру к принятым в определенном эпистемическом сообществе нормам. Собственно стремление такого характера обусловлено, в свою очередь, стремлением объяснить и быть понятым, что предполагает общезначимую трактовку знания. Так, даже в самом акте репрезентации знания задан момент деятельности не только создающего это знание («объяснение»), но и того, кто это знание воспринимает, понимает, усваивает и анализирует в плане содержания (акт понимания). Эта структура понимания обеспечивается введением определенных операциональных механизмов (норм и так далее), обеспечивающих общезначимость, преемственность, трансляцию, хранение и даже производство знания. Таким образом, посредством *операциональной составляющей или конвенций* обеспечивается intersубъективность и интерпретируемость содержания (знания).

В известном смысле язык науки оказывается «кодифицированным», так как основу его составляют регулярно воспроизводимые и общепринятые языковые средства, которыми взаимно владеют и пользуются участники научной коммуникации. Конвенциональный статус языка науки и его объективность обеспечивается intersубъективным закреплением определенного континуума значений за отдельными элементами языка науки. В процессе коммуникации или познавательного акта ученые могут пользоваться любым значением из данного континуума. Таким образом, обеспечивается определенность языка науки, исключая его полисемичность. Понятия научного языка, в значительной мере искусственного, целенаправленно вводятся соответствующими определениями (посредством определений вводятся абстрактные, идеализированные объекты, которые также являются предметом конвенций). Именно эти определения принятые как некоторые соглашения составляют содержание понятий. Данное понимание взаимосвязи конвенции и определения дает возможность сослаться на трактовку Л.А. Микешиной *конвенции как познавательной операции*, предполагающей введение норм, правил, ценностных суждений на основе договоренности субъектов познания (См.: [Микешина, 2007, с.149]).

Суть определения Л.И. Микешиной конвенции как познавательной операции, возможно, заключается в том, что любая конвенция относительно норм, правил, понятий, концепций и так далее, вводится посредством определений, которые содержат значение и смысл новых норм, правил, то есть несут определенную познавательную информацию о данных объектах. Таким образом, конвенция как познавательная операция структурирует представление о вводимом элементе (будь то знак, теоретический объект, и наполняет его содержанием). Подводя итог рассуждениям, мы хотим подчеркнуть значимость феномена конвенций как связующего звена коммуникации в целом и как необходимого условия научного познания.

Литература

Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII века. - М.: Наука, 1976.

Белов В.А. Ценностное измерение науки. - М.: Идея-Пресс, 2001.

Блинов А.Л. Интенционализм и принцип рациональности языкового общения. - М., 1995. - URL: <http://www.philosophy.Ru/library/blinov/index.html>

Гутнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия.- М.: 2008.- URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia4/gutner/gutner.htm>

Коськов С.Н. Конвенционализм и проблемы современной философии науки // Среднерусский Вестник Общественных наук.- 2009. - № 3.- С.7-12.

Коськов С.Н., Лебедев С.А. Гносеологические корни конвенционализма // Вестник Московского университета.- Сер. 7. - Философия.- 1980.- № 3. – С.38–43

Кун Т. Структура научных революций. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура научных революций. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Латур Б. Дайте мне лабораторию и я переверну мир // Логос. – 2002. - № 5–6 (35). - С.1-32

Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки (Хрестоматия). - М: Проспект, 1994. - С.197–212.

Лебедев С.А. Когнитивная социология: от критики особого гносеологического статуса науки к проблеме научного консенсуса // Вестник Московского университета. – Сер.7. - Философия. - 1998. - №4. - С.99–107.

Либман А. Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации // Вопросы экономики. - 2008. - №6. - С.4–20.

Микешина Л.А. Познавательный процесс и ценностное сознание // Диалектика познания: компоненты, аспекты, уровни.- Л.: Изд. Ленинград. университета, 1983. - С.101–141.

Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. - М.: РОССПЭН, 2007.

Микешина Л.А. Философия науки. – М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005.

Мирская Е.З. Социология науки в 80-е годы // Социальная динамика науки. - М.: Атлант, 1996.

Мотрошилова Н.В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. - М.: Наука, 1976.

Мотрошилова Н.В. К проблеме научной обоснованности норм // Вопросы философии. - 1978. - № 7. - С.112-123.

Мотрошилова Н.В. Нормы науки и ориентация ученого // Идеалы и нормы научного исследования. - Мн.: Изд-во БГУ, 1981.

Огурцов А.П. История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. - М.: Наука, 1984.- С.159-188.

Огурцов А.П. Институционализация идеалов научности // Идеалы и нормы научного исследования. - Мн.: Изд-во БГУ, 1981.

Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки // Логика и методология науки. Научная деятельность: структура и институты.- М.: Прогресс, 1980.- С.27–56.

Позер Х. Правила как формы мышления. - URL: www.gumer.in/bibliotek/Buks/Science/Artical/poser_prav.php

Поппер К. Логика и рост научного знания.- М.: Прогресс, 1983.

Порус В.Н. Радикальный конвенционализм К. Айдукевича и его место в дискуссиях о научной рациональности // Рациональность. Наука. Культура. - М.: Статус, 2002.

Пуанкаре А. О науке. - М.: Наука, 1983.

Розов Н.С. Против атрибутивного редукционизма (Несводимость эпистемической рациональности и несоизмеримость ценностей) // Credo New, 2010, №1. – http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2010/5522-protiv-atributivnogo-redukcionizma.html

Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. - СПб.: РХГИ, 2007.

Сторер Н. Отношения между научными дисциплинами // Логика и методология науки. Научная деятельность: структура и институты. - М.: Прогресс, 1980. - С.56–107.

Степин В.С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки.- М.: Academia, 2008.

Тулмин С. Человеческое понимание. Благовещенск, 1998.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Чудинов Э.М. Роль конвенций в научном познании и конвенционализм // Ленинский этап в развитии философии марксизма. – М.: Наука, 1972. - С.227–232.

Шалютин С.М. Язык и мышление. - М.: Знание, 1980.

Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Логика и методология науки. Научная деятельность: структура и институты. - М.: Прогресс, 1980. - С.218-257.

Федоров Д.П. Методологический институционализм - новый подход в философии науки // Эпистемология и философия науки. - 2009. - № 1. - С.128-135.

Юм. Д. Трактат о человеческой природе. - Мн.: ООО «Попурри», 1998. - URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000185/>

Ajdukiewicz K. Das Weltbild und die Begriffsapparatur // Erkenntnis. - Bd. IV. - Leipzig, 1934.

Latur B. Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers Trough Society. - Cambridge MA, 1987.

ГЛАВА 3.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ И ЭТОС УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И СЕМИНАРЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

В начале XIX века в рамках задуманных Александром I реформ государственных учреждений проходило переустройство научных и образовательных учреждений. Наиболее значительными были успехи в сфере высшего образования. В первые два десятилетия XIX века, помимо уже существовавшего Московского университета, в России были образованы ещё пять университетов: в 1802 году на основе высшего учебного заведения, существовавшего с XVII века, был открыт Дерптский университет; в 1804 году на базе гимназии был открыт университет в Казани; в 1804 году в Харькове была реорганизована в университет Главная Виленская школа; в 1818 году был преобразован в университет Главный педагогический институт в Петербурге.

Коренная реформа высшей школы в XIX веке проводилась четыре раза – в начале четырех царствований. «Уже по этой периодичности учебных реформ можно догадаться, что они вызывались далеко не одними только педагогическими соображениями. После устройства екатерининской школы общественное образование стало силой, которую государственная власть могла употребить на служение своим целям. Соответственно тому, как менялись эти цели, менялись способы их достижения. Таким образом, либеральная учебная система императора Александра I (1804) после 14 декабря и июльской революции была

заменена реакционной системой императора Николая (1828 – для средней, 1835 – для высшей школы), и та же смена системы ещё раз повторилась при переходе от либеральных уставов 1863–64 годов к реакционным уставам 1871-го (для гимназии) и 1884-го (для университетов) годов. Пятая смена готовится, благодаря общественному оживлению, уже в конце 90-х гг.; но осуществляется она в революционные годы 1905–17-й»¹.

Политика реформирования образования носила непоследовательный характер – периоды либерализации сменялись усилением реакционных тенденций. Изменения в организации общественной и культурной жизни после реформы 1861 года имели существенные последствия для образования и науки. Правительство было вынуждено изменить свою политику в отношении университетов под влиянием демократической общественности. Изданный в 1863 году университетский устав был наиболее либеральным из всех в дореволюционное время. В уставе соединились немецкая и французская системы: согласно с порядком немецкого университета в нем была организована университетская автономия; согласно французской системе учащиеся были подчинены обязательному плану преподавания. Автономия профессорской корпорации – это основная идея нового устава. Власть попечителя должна была ограничиться общим контролем. Советы профессоров были восстановлены в правах и стали центрами корпоративной жизни университета.

Сеть научных учреждений сложилась в первой половине XIX века и почти без изменений просуществовала до начала XX века. Основными местами исследовательской работы были лаборатории немногочисленных университетов, Академия наук и научные общества. Наука в России XIX – начала XX века развивалась в основном в высших учебных заведениях. Учёные высшей школы выступали как исследователи и педагоги. Их общее число к 1917 году составляло около 11 тысяч человек. Число университетских кафедр и их членов было ограниченным и не

---

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 2, Ч. 2.– М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 280

соответствовало степени дифференциации науки. Так, в 1910 году в составе российских университетов не было кафедр математической физики, физической химии, бактериологии, эмбриологии, гистологии, экспериментальной морфологии, физиологии животных¹, – то есть по тем направлениям, где российская наука уже достигла значительных успехов. Исследовательские подразделения в высшей школе занимали подчиненное положение, не имели собственного бюджета и мало финансировались.

Проблема реорганизации науки воспринималась ведущими учёными как насущная задача. Если в 60–80-х годах статьи, посвящённые нуждам науки, появлялись эпизодически и касались частных вопросов работы научных учреждений, то в начале XX века эта тема поднимается в печати регулярно. В журналах «Русская мысль», «Вестник Европы», газетах «Русские ведомости», «Речь» публиковались научные обзоры, очерки работы научных учреждений и организаций. Обсуждались проблемы организации экспериментальной работы, перспективы развития науки, неотложные нужды исследовательских учреждений.

Для организации регулярной коммуникации между зрелыми учёными особое значение имели научные сообщества. Уставы обществ, регламентирующие их цели и способ приёма членов, в Российской империи были одобрены государством в лице Министерства просвещения, но в большинстве случаев они создавались по инициативе самих учёных. Задачи научных обществ состояли не только в обмене идеями, но и в популяризации науки как вида знания. Как правило, члены общества стремились иметь свой журнал, в котором публиковали научные работы своих членов и отчеты о заседаниях. Государство в первой половине XIX века охотно поддерживало деятельность, прежде всего, литературных, филологических и исторических университетских сообществ. Естественнонаучные общества получили импульс к развитию только после реформы 60-х годов,

---

¹ Кольцов Н.К. К университетскому вопросу.– М., 1910. – С. 42-43

когда увеличился численный состав естественнонаучных кафедр, и стало больше высших технических институтов.

Одним из первых возникло «*Общество любителей отечественной словесности в казанском университете*», основанное в конце 1805 года. Его учредили В. Перевошиков, П. Кондырев, А. Васильев, Д. Богданов, И. Панаев и С.Т. Аксаков. До 1810 года членами общества были профессора университета и преподаватели гимназии, но позднее в него стали принимать и других желающих. В 1818 году в нём состояло 75 действительных членов и 25 почетных. После приезда в Казань М.Л. Магницкого (1818) в течение 10 лет общество ни разу не собиралось, успев до этого времени издать только один том своих «Трудов» (1817). Возобновив деятельность в 1828 году, общество собиралось крайне редко, в 1853 году его существование прекратилось.

В 1812 году при Харьковском университете основано «*Общество наук*», с целью «распространения наук и знаний как через ученые изыскания, так и через издание в свет общепользных сочинений». Общество состояло из двух отделений: естественных наук и словесности. Интенсивность его деятельности постепенно ослабевала и к началу 1830-х годов прекратилась окончательно.

В Московском университете в 1811 году П.И. Страховым и А.А. Прокоповичем-Антонским было учреждено «*Общество любителей Российской словесности*», с целью «распространения сведений о правилах и образцах здоровой словесности и доставления публике обработанных сочинений в стихах и прозе, на русском языке, рассмотренных предварительно и прочитанных в собраниях». Обществом активно издавались «Труды». В конце 20-х годов собрания общества становились всё реже, около 1844 года они окончательно прекратились. Его деятельность была возобновлена в 1858 году М.П. Погодиным и А.С. Хомяковым. С 1859 года начались публичные заседания. В 1866 году утверждён новый устав, определяющий цель общества: «содействовать развитию отечественного языка и успехам его литературы». Кроме ежемесячных собраний (очередных, годовых и

торжественных) устраивались публичные лекции и литературно-музыкальные вечера. Обществом изданы «Песни, собранные Киреевским» и «Толковый Словарь» В.И. Даля (1863).

Также одним из первых было создано *«Императорское московское общество испытателей природы при московском университете»*. Оно было основано в 1805 году Г.И. Фишером фон-Вальдгеймом с целью развития естественных наук и их распространения преимущественно в России. Общество получало ежегодно правительственную субсидию и издавало «Протоколы заседаний», годовые отчеты и свои труды под заглавием «Bulletin». К 1896 году в Обществе состояло 592 члена.

«Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Императорском московском университете было открыто 15 октября 1863 года. Оно организовало ряд экспедиций для исследования Балтийского, Белого, Аральского и Черного морей (особенно изучалась фауна), положило прочное начало систематическому изучению антропологии и этнографии России и содействовало исследованиям по доисторической археологии вообще и русским древностям, в частности. Общество провело в Москве этнографическую и антропологическую выставки, международный конгресс доисторической археологии, антропологии и зоологии. При Обществе в 1872 году был открыт музей прикладных знаний; проводились воскресные объяснения коллекций политехнического музея. В Обществе были отделы антропологии, этнографии, физических наук, зоологии, химии и географии. Общество издавало «Известия», в которых публиковались монографии и коллективные исследования членов общества, отчеты о его деятельности.

В 1868 году было создано *«Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей»*, его президентом стал К.Ф. Кесслер, после его смерти в 1881 году общество возглавил профессор-ботаник А.Н. Бекетов, а в 1900 году его сменил геолог, профессор А.А. Иностранцев. Устав Общества 1868 года определил основные цели и задачи своей деятельности: способствовать развитию естественных наук вообще; распространять естественнонаучные знания в России; содействовать исследованию приро-

ды России, преимущественно в полосе ее, лежащей в бассейнах Балтийского и Белого морей, Ледовитого океана; сблизать между собою отечественных учёных. Успешной деятельности общества способствовало то, что в Санкт-Петербургском университете сложились мощные научные школы, лидеры которых были членами общества; П.Л. Чебышев – в математике, Э.Х. Ленц – в физике, Д.И. Менделеев и А.М. Бутлеров – в химии, А.Н. Бекетов – в ботанике, И.И. Мечников и А.О. Ковалевский – в эмбриологии, И.М. Сеченов – в физиологии, В.В. Докучаев – в почвоведении, А.А. Иностранцев – в геологии.

При других университетах общества естествоиспытателей стали возникать после I съезда русских естествоиспытателей и врачей 1867 года. Общее собрание съезда возбудило ходатайство о поддержке научных обществ, которое было одобрено министром народного просвещения (ежегодное пособие определено в 2500 рублей в год каждому обществу). Благодаря ходатайству министра от 22 февраля 1868 года разрешение на организацию обществ естествоиспытателей было дано, и в 1869 году они были созданы в Казанском, Киевском, Новороссийском и Харьковском университетах.

Русское физико-химическое общество было организовано в 1878 году по инициативе Д.И. Менделеева. В Санкт-Петербурге химики были активнее физиков, поначалу обсуждалась идея организации химического или совместного физико-химического общества, поскольку физика и химия еще окончательно не дифференцировались дисциплинарно и тематически¹. В связи с тем, что отечественных специализированных журналов не было и публиковаться приходилось за границей, обсуждались возможности организации междисциплинарного (химико-физического) журнала. Так, в газете «Русский инвалид» в 1861 году было написано: «занимающимся химией в Петербурге можно найти какое-нибудь средство; но что сказать о тех, у кого призвание к физике? Учреждение физико-химического обще-

---

¹ Корзухина А.М. Русское физико-химическое общество (РФХО) и его роль в русской физике (1870–1917)// ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г., – М.: Диполь-Т, 2003. – С. 172-173.

ства могло бы способствовать и изданию «Химического журнала», в котором можно бы открыть и отдел для физики. До сих пор новости по физике не печатаются на русском языке; даже труды русских физиков печатаются по-французски или по-немецки в бюллетенях русской академии, и то не все. Мы заявляем о возможности учреждения физико-химического общества в Петербурге»¹.

В 1868 году при Санкт-Петербургском университете было организовано Русское химическое общество. В январе 1868 года состоялось его первое учредительное собрание, на котором обсуждались важнейшие пункты устава. Членами-учредителями общества явились участники химической секции I съезда русских естествоиспытателей: Д.И. Менделеев, Н.Н. Бекетов, В.В. Марковников, Н.А. Меншуткин. Д.И. Менделеев вспоминал, что устав составлялся собранием химиков у него на квартире.

26 октября 1868 года устав Русского химического общества был утверждён. В § 1 устава указывалось назначение нового научного общества: «При С.-Петербургском университете учреждается Русское химическое общество с целью содействовать успехам всех частей химии и распространять химические знания. Для этого Общество назначает заседания, издает журнал, открывает публичные чтения и прибегает к разным поощрительным мерам». Большинством голосов президентом Общества был избран Н.Н. Зинин, а делопроизводителем — Н.А. Меншуткин².

Н.А. Меншуткин решал все текущие дела, вёл обширную переписку с иногородними членами Общества и поддерживал контакт с общественными организациями. По его инициативе установились связи с Немецким химическим обществом в Берлине, с Чешским химическим обществом в Праге, Английским химическим обществом в Лондоне, Парижским химическим обществом и другими. Все эти Общества присылали в Россию про-

---

¹ *Козлов В.В.* Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева. 1868–1968, – М.: Наука, 1971. – С. 12.

² *Старосельский П.И., Соловьев Ю.И.* Николай Александрович Меншуткин, – М.: Наука, 1969.

токолы своих заседаний и другие материалы, и в свою очередь из Санкт-Петербурга они получали протоколы заседаний Русского химического общества.

В конце первого года в Обществе состояло свыше 60 членов. На заседаниях общества регулярно заслушивались научные сообщения, вызывавшие оживленные дискуссии, подчас разгорались страсти, особенно когда дело касалось новых химических теорий.

В 1872 году при Санкт-Петербургском университете было основано Физическое общество, с целью «содействовать успехам всех частей физики и распространению физических знаний в России». Инициатива создания общества принадлежала заведующему кафедрой физики Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Петрушевскому, который был избран его председателем. Так как у физиков не хватало средств на организацию своего журнала, публикации членов Физического общества размещались в журнале Химического общества. Сотрудничество по изданию журнала и взаимный интерес к научной тематике, желание «увеличить силы и значение Обществ»¹, побудили Д.И. Менделеева в начале 1876 года предложить слияние Химического и Физического обществ. В 1878 году было утверждено «Русское физико-химическое общество» с двумя автономными отделениями.

После объединения физическое отделение приобрело название «Русское», и вместе с ним – определённые претензии на национальный масштаб. Как говорил Н.А. Гезехус в юбилейной речи 1883 года, посвященной десятилетию Общества: «с основания физического общества почти всё, что касается физики в России, сосредотачивается исключительно в нём»². Это

---

¹ Отчет Физического отделения РФХО за 1889 г.// Журнал Русского Физико-Химического Общества.– 1890. – Т.22. – Вып. 1А. – Часть физическая. – С.58.

² Гезехус Н.А. Исторический очерк десятилетия деятельности физического общества при Петербургском университете// Журнал Русского Физико-Химического Общества.– 1882. – Т.14. – Вып. 9А. – Часть физическая. – С.518.

верно по отношению к первым десяти годам существования Общества, но затем ситуация стала сложнее.

Многие известные московские физики (Н.А. Умов, П.Н. Лебедев, А.А. Эйхенвальд) держались от Общества несколько отстранённо, публикуя в его журнале лишь немногие из своих работ. В начале XX века в Москве предполагали создать национальное физическое общество с отделениями в каждом университете, но эти планы не были реализованы. «Журнал Русского физико-химического общества» был самым крупным российским журналом как по физике, так и по химии, но само Общество имело столичный, а не национальный характер, а его руководители не были признанными научными лидерами российской физики.

Первое в России «*Математическое общество*» было учреждено в 1811 году по инициативе М.Н. Муравьева. До эпохи преобразований Александра II в пяти русских университетах чистая математика была представлена одним, редко двумя преподавателями; в России не было ни одного математического журнала. Устав 1863 года увеличил число представителей математических наук, увеличилось и число университетов; благодаря этому в Москве при университете учреждается *Московское математическое Общество*, организованное в 1867 году из кружка молодых математиков, созданного в 1864 году профессором Н.Д. Брашманом под названием «Общество любителей математических наук». В январе 1867 года Общество и его устав были утверждены Императором: «Московское математическое общество учреждается при Императорском Московском университете с целью содействия развитию математических наук в России»¹. Президентом его был избран Н.Д. Брашман, вице-президентом – его ученик и декан математического факультета А.Ю. Давидов, секретарём – В.Я. Цингер. Действительными членами общества могли быть магистры и доктора математических наук, а также лица, заявившие себя трудами в науках. Каждый действительный член должен был следить за

---

¹ Математический сборник. – 1867. – Т. 2. – № 1. – С. III.

успехами избранного им отдела науки и представлять в заранее назначенные сроки письменные отчёты, делая устные сообщения о результатах исследований. М.Я. Выгодский полагает, что общество имело структуру научного семинара¹. У каждого члена общества было свое направление исследований: А.Ю. Давидов – интегрирование уравнений с частными дифференциалами; А.В. Летников – дифференциальные уравнения; Н.Н. Алексеев – интегрирование иррациональных функций и эллиптические функции; Н.В. Бугаев и Ф.А. Слудский – теория чисел; К.М. Петерсон – аналитическая геометрия; Н.Д. Брашман – теория упругости; В.Я. Цингер – общая механика; Ф.А. Бредихин – физическая астрономия; М.Ф. Хандриков – теоретическая астрономия; Н.А. Любимов и К.А. Рачинский – электричество и механическая теория теплоты; О.О. Блажевский – теория света. В работе общества принимали участие иногородние учёные, так П.Л. Чебышев неоднократно делал устные сообщения и присылал свои доклады Московскому математическому обществу.

После принятия решения о придании обществу официального статуса была выдвинута идея издания сборника статей, прочитанных на заседаниях. Первый выпуск «Математического сборника» вышел в октябре 1866 года. В связи с недостаточностью финансирования, несмотря на начальные планы выпуска сборника дважды в год, удавалось публиковать его только через год, зато объём сборника достигал 650–1000 страниц. «Математический сборник» стал первым регулярным журналом российского математического сообщества, по уровню научности и разносторонности содержания соответствующим европейским. Сборник состоял из двух разделов. Первый – теоретический – был ориентирован на профессиональных математиков. Второй – научно-популярный – включал статьи по элементарной математике, по истории и философии математики, информационные заметки и был ориентирован на учителей средней школы и студентов.

---

¹ *Выгодский М.Я.* Математика и её деятели в Московском университете во второй половине XIX века // Историко-математические исследования. Вып. I, – М.-Л.: ГИТТЛ, 1948. – С. 145.

Первоначально предполагалось печатать статьи журнала на иностранных языках, но Н.В. Бугаев энергично выступил против этого, заявив: «кто не уважает родного языка, тот не заслуживает уважения других. Когда на русском языке станут печататься серьёзные математические работы, иностранцы начнут заниматься нашим языком; если же они этого не сделают, то будут в потере они, так как мы будем знать больше их». Поэтому в уставе Математического общества был внесён пункт: «Рефераты действительных членов должны быть как сообщаемы, так и печатаемы в изданиях общества не иначе как на русском языке; но от членов-корреспондентов и посторонних лиц, не знающих русского языка, могут быть допускаемы статьи на общеупотребительных европейских языках»¹. Отчасти поэтому в первое десятилетие своего существования «Математический сборник» был почти неизвестен в Западной Европе, но уже с 1873 года начался регулярный обмен между Московским и Французским математическими обществами. А в 1884 году Математическое общество получило множество предложений об обмене журналами от европейских математических обществ и университетов.

Руководство Обществом последовательно осуществлялось следующими лицами²:

- 1867–1886 годы: А.Ю. Давидов (президент), Н.В. Бугаев (секретарь).
- 1886–1891 годы: В.Я. Цингер (президент), Н.В. Бугаев (вице-президент), П.А. Некрасов (секретарь).
- 1891–1903 годы: Н.В. Бугаев (президент), П.А. Некрасов (вице-президент), Б.К. Млодзеевский (секретарь).
- 1903–1905 годы: П.А. Некрасов (президент), Н.Е. Жуковский (вице-президент), Б.К. Млодзеевский (секретарь).

---

¹ Цит. по: *Выгодский М.Я.* Математика и её деятели в Московском университете во второй половине XIX века// Историко-математические исследования. Вып. I, – М.-Л.: ГИТТЛ, 1948. – С. 166.

² *Александров П.С.* Московское математическое общество// Успехи математических наук. – 1946. – Т.1. – Вып. 1 (11). – С. 232-241.

- 1905–1921 годы: Н.Е. Жуковский (президент), Б. К. Млодзеевский (вице-президент), секретари (последовательно): Л.К. Лахтин, С.А. Чаплыгин, Д.Ф. Егоров.

- 1921–1923 годы: Б.К. Млодзеевский (президент), Д.Ф. Егоров (вице-президент), Н.Н. Лузин (секретарь).

При харьковском университете в 1879 году было создано «Харьковское математическое общество». В конце 70-х годов по инициативе и при непосредственном участии профессора В.Г. Имшенецкого для научных бесед по вечерам стали собираться профессор и преподаватели математики Харьковского университета, что привело к возникновению ядра будущего Математического общества. К идее создания математического общества сочувственно отнёсся старейший харьковский математик Е.И. Бейер, ставший его первым председателем, в группу учредителей также вошли: В.Г. Имшенецкий, Д.М. Деларю, М.Ф. Ковальский, А.П. Шимков, Ю.И. Морозов и К.А. Андреев. Устав общества, разработанный В.Г. Имшенецким и Д.М. Деларю, был утверждён министерством народного просвещения 28 апреля 1879 года. Цель математического общества была определена так: «содействовать разработке как чисто научных, так и педагогических вопросов в области математических наук»¹. Членами Общества без избрания становились наличные и бывшие профессора и другие преподаватели математики в Харьковском университете, а также после избрания – все занимающиеся математикой. Председателями общества были: Е.И. Бейер (1879), В.Г. Имшенецкий (1880–1882), К.А. Андреев (1883–1898), А.М. Ляпунов (1899–1902), В.А. Стеклов (1902–1906), Д.М. Синцов (1906–1946).

Заседания Общества проходили регулярно раз в месяц. Не имея специальных средств, члены Общества сумели наладить выпуск своего печатного журнала «Сообщения Харьковского математического общества», который быстро приобрел солидную репутацию и привлекал к сотрудничеству ведущих матема-

---

¹ *Марчевский М.Н.* Харьковское математическое общество за первые 75 лет его существования (1879–1954)// Историко-математические исследования. Вып. IX,– М.: ГИТТЛ, 1956. – С. 613–666.

тиков: П.Л. Чебышева, А.А. Маркова, А.Н. Коркина, К.А. Поссе, Д.К. Бобылёва, Н.В. Бугаева, В.П. Ермакова, Н.Е. Жуковского, П.О. Сомова, П.А. Некрасова, И.Л. Пташицкого, Д.Д. Мордухай-Болотовского и других. Уже к концу второго года своего существования общество установило обмен изданиями с 11 учреждениями и научными обществами: Московским, Киевским и Казанским университетами, Петербургским технологическим институтом, Московской астрономической обсерваторией, Московским обществом естествоиспытателей, Московским политехническим обществом, редакцией «Математического листка», Французским математическим обществом и т.д. К началу 1905 года оно обменивалось изданиями с 42 русскими и 24 иностранными учреждениями.

«Казанское физико-математическое общество» при Императорском Казанском университете было учреждено в 1890 году. Ядром его послужила физико-математическая секция казанского Общества естествоиспытателей, открытая в 1880 году. Общество устраивало публичные лекции по физико-математическим наукам. Инициатива открытия секции принадлежала декану физико-математического факультета Казанского университета, астроному М.А. Ковальскому, ставшему её первым председателем. Секция сразу начала активную работу и фактически являлась Физико-математическим обществом. Физико-математическое общество при Императорском Казанском университете имело целью содействовать успехам физико-математических наук, улучшению их преподавания и распространению физико-математических знаний в пределах Восточной России. Для достижения целей Общество организовывало заседания и публичные собрания, устраивало публичные чтения, издавало труды своих членов и другие научные сочинения.

В 1880–1890 годы было издано 8 томов протоколов заседаний. Поначалу в секцию входили 15 человек, среди них – А.В. Васильев, И.С. Громека, Ф.М. Суворов и Ф.М. Флавицкий, но уже к 1890 году членов секции было более 100. Активный вклад в работу секции, а позднее и Общества, вносил своей работой специалист по математической логике П.С. Порецкий, пе-

чатавший свои труды в изданиях секции и Общества. Темы докладов, делавшихся на заседаниях, были разнообразны, – можно упомянуть некоторые: «О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики» П.С. Порецкого; «Новая теория гамильтоновых пар и соответственное обобщение теории функций мнимого переменного» В.П. Максимова; «О вихревых движениях жидкости на сфере», «О движении жидких капель» И.С. Громеки; «Введение в общую теорию кривых четвёртого порядка» М.В. Постникова; «О давлении жидкой струи на клин» А.П. Котельникова. Кроме того, делались доклады по проблемам физики, астрономии, сейсмологии и теории естествознания.

Казанское физико-математическое общество было официально утверждено 16 июня 1890 года. Его первым председателем стал А.В. Васильев. После официального образования Общество стало издавать «Известия», явившиеся прямым продолжением «Собрания протоколов». До революции 1917 года вышло 22 тома «Известий».

Общество получило разрешение правительства на открытие подписки к составлению капитала для увековечения памяти Н.И. Лобачевского. На собранные средства был установлен бюст-памятник Н.И. Лобачевскому в Казани, исполненный скульпторшей М.Л. Диллон, и организован международный конкурс на премию имени Н.И. Лобачевского (в размере 500 рублей), вручаемую учёным за работы в области геометрии. Её получали: Софус Ли (1897), Вильгельм Киллинг (1900), Давид Гильберт (1904), Людвиг Шлезингер и Фридрих Шур (1912). Далее до 1927 года премия не присуждалась, а в 1950-х годах её вручение перешло в ведение АН СССР. На этих конкурсах ряд учёных получил почётные отзывы, а некоторые рецензенты – золотые медали. Победители и некоторые другие участники конкурса были избраны почётными членами Общества.

С 1890 по 1918 годы на 204 заседаниях Общества было заслушано большое число докладов и сообщений, – в среднем по 2–3 на каждом заседании. Особенно много докладов было по неевклидовой геометрии (А.В. Васильев, Ф.М. Суворов, А.П. Ко-

тельников), по механике (Д.Н. Зейлигер), по физике (Д.А. Гольдгаммер), по астрономии (П.С. Порецкий, Д.И. Дубяго). В виде приложений к «Известиям» Общество перевело и издало ряд работ Клейна, Пуанкаре, Вейерштрасса, Минковского. Осуществлялся систематический обзор всех выходивших в России работ по чистой и прикладной математике. Было прочитано огромное количество научно-популярных лекций¹.

«Физико-математическое общество» в Киевском университете организовано в 1890 году инициативной группой, в которую входили математики – В.П. Ермаков, Б.Я. Букреев, Г.К. Суслев, М.Е. Ващенко-Захарченко и астроном М.Ф. Хандриков. В Обществе уделяли много внимания вопросам методики математики в средней школе, поэтому его членами были известные методисты А.М. Астряб, П.А. Долгушин, К.Ф. Лебединцев. Общество вовлекало в свою работу молодых математиков, что способствовало раннему вовлечению молодых людей в науку, и в конце XIX века Киевский университет уже получил кадры из своих выпускников, пополнив вакансии на кафедрах физико-математического факультета.

В конце 80-х годов XIX века происходит два чрезвычайно важных события для институционализации философии: в 1884 году создается «Московское Психологическое общество» и с 1889 года начинает регулярно выходить первый в России специализированный журнал по философии, который сразу же обретает подписчиков по всей стране (тираж его варьировался от 1100 в начале 90-х годов до 2000 к 1914 году), а к 1910-14 годам оформилось еще и несколько специализированных издательств, работавших с философами («Путь», «Мусагет», «Образование»).

Для администрации университетов и коллег в 80-е гг. было очевидно, что философские дисциплины образуют особый блок в гуманитарном знании, поэтому попытка оформления фило-

---

¹ Казанское физико-математическое общество// Успехи математических наук. – 2:2 (18). – 1947. – С. 203–208; Изотов Г.Е. Казанское физико-математическое общество, – Казань: изд-во Казанского университета, 2003. – С. 24-25.

софского сообщества в рамках университетской корпорации через создание философского общества встретила поддержку. В начале 1880 года по инициативе В.С. Соловьева, Д.Н. Цертелёва, А.А. Киреева в Министерство просвещения была представлена просьба о создании Философского Общества при Петербургском университете, цель которого по проекту устава заключалась в содействии «философской разработке научного знания и распространении философского образования»¹. Несмотря на уверения правительственных чиновников в том, что философия способствует распространению в обществе представления о «правильном общественном и государственном строе», просьба о создании философского общества была отклонена с рекомендацией обсуждать интересующие проблемы в научном кругу.

Репутация философии и ее представителей в глазах власти не отличалась благонадежностью. Поэтому предпринявшие в 1884 году попытку создания общества в Московском университете учли печальный опыт петербуржцев и назвали свое научное общество «психологическим». Инициатива в создании «Московского Психологического общества» принадлежала профессору Московского университета Матвею Михайловичу Троицкому. Будучи представителем эмпирического направления в философии, он привлек представителей разных гуманитарных наук.

28 января 1884 года подано прошение в Совет московского университета о возбуждении ходатайства перед министром народного просвещения, относительно учреждения «Московского психологического общества»: "Психология справедливо признается общею основой всех философских дисциплин, выходящих из сферы философии в тесном смысле; она в последнее время подвергалась такой многосторонней обработке, которая естественно сблизила между собой многие науки, преподаваемые на различных факультетах, как то психологию чело-

---

¹ Цит. по: Носов А.А. "Мы здесь основали Философское общество (к истории философских обществ в России)// Вопросы философии. 1991. №1. С.182

века, историю литературы, сравнительное языкознание, энциклопедию права, государственное право, уголовное право, статистику, зоологию, антропологию, судебную медицину и другие. В виду этого сближения указанных наук на почве психологических вопросов, представители их в различных факультетах Императорского московского университета предположили учредить при означенном университете Психологическое общество, которое позволило бы им соединить разрозненные труды психологического характера..."¹.

Основатель Общества профессор М.М. Троицкий в центре философии ставил психологию, подчеркивал ее связь с различными отраслями знания. Ему удалось привлечь как гуманитариев, так и естественников к участию в Обществе: историков и юристов В.И. Герье, В.Ф. Миллера, Ф.О. Фортунатова, А.И. Чупрова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, математика Н.В. Бугаева, естественников – А.М. Богданова, С.А. Усова, О.А. Шереметьева, психиатра А.Я. Колейникова. Референтный круг, на который ориентировалось Общество и кого хотело привлечь, постоянно расширялся за счет известных отечественных ученых и философов, таких как И.М. Сеченов, Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, А.А. Козлов, а также европейских психологов и философов, в качестве почетных членов в него вошли - А. Бэн (Англия), В. Вундт (Германия), Г. Гельмгольц (Германия), Т. Рибо (Франция), Ш. Рише (Франция), Э. Целлер (Германия). В 1897 г. почетными членами общества были избраны: Г. Спенсер, А. Фуллье, К. Фишер, Ф. Паульсен. Любопытно, как звучали мотивировки по избранию почетными членами: «Мы предлагаем Психологическому Обществу избрать в свои почетные члены Гейдельбергского профессора К. Фишера, которого мы все, русские философы, может считать своим учителем истории философии. Его редкий исторический и литературный талант, та художественная ясность и объективность, с которой он воспроизводит в своих трудах самые разнообразные философские уче-

---

¹ Виноградов Н. Краткий исторический очерк деятельности Московского Психологического общества за 25 лет // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 249-250

ния, дают читателю образец истинно философского их понимания и оценки"; "В ряду немецких философов Ф. Паульсен особенно выделяется не только своими крупными и основательными трудами по различным областям философской науки, но и оригинальностью и глубиной своей мысли»¹.

С 1887 года во главе Общества стал Н.Я. Грот, который уделял много сил популяризации философского знания и способствовал изменению имиджа философии. Время деятельности Общества под председательством Н.Я. Грота по справедливости можно считать самым блестящим периодом: члены Общества занимались переводом философской литературы, организовывали публичные лекции, на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» печатались программы «домашнего чтения» для желающих заняться самообразованием в области философии (1894).

Подводя итоги двадцатипятилетней деятельности Общества, Н.Д. Виноградов сделал впечатляющие подсчеты: проведено более 250 заседаний, на 200 заслушаны доклады, некоторые были посвящены чтению выдающихся мыслителей - Д. Бруно, Р. Декарта, И. Канта, Н.Я. Грота, В.С. Соловьева².

В деятельности Общества принимали участие представители различных наук – естественных и гуманитарных, так что философия выступала посредницей в «наведении мостов» между дисциплинами и создании цельного мировоззрения. Специально для заседаний писались рефераты, которые весьма содержательно обсуждались, критиковались, что способствовало столкновению методологических программ, осознанию их специфики представителями различных дисциплин. Статус философии как дисциплины, необходимой университету, стал несомненен для членов университетской корпорации, тем более, что само философское сообщество стало вполне профессио-

---

¹ Московское Психологическое общество // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 37. С. 365

² Виноградов Н.Д. Краткий очерк деятельности Московского Психологического общества // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 249-262

нальным. Борясь за упрочение статуса философии и улучшение качества преподавания, представители университетской философии сумели добиться введения в гимназиях курсов философской пропедевтики.

Особым каналом коммуникации на рубеже веков стали научные семинары. Научный семинар как форма организации учёных связан с университетской жизнью. Научные семинары можно подразделить по составу членов на два типа – учебные и исследовательские, причём характер коммуникации в них достаточно разный. *Учебные семинары* (они также ранее именовались *просеминариями*) организуются научными руководителями для студентов и аспирантов с целью углубления у них навыков исследовательской работы. Если личность руководителя семинара и его методологическая программа оригинальна – из выпускников семинара возникает теоретическая группа, у которой формируется присущий ей не только стиль работы, но и круг тем, обсуждаемый в связи с развитием и трансформацией исходной методологической программы и концепции. Второй тип семинара – это периодические собрания уже сложившихся исследователей, необязательно возглавляемые одним лидером, для которых важна именно возможность общения, обмена мнениями и идеями, что может происходить при их определённой теоретической и тематической общности. Характер коммуникации во втором типе семинаров отличается неформальностью, и предмет зависит не от запрограммированной тематики, утверждённой руководителем, как в семинарах первого типа, а от изменения интересов участников.

В каждом дисциплинарном сообществе были свои инициаторы введения учебных и научных семинаров. Для математического сообщества эту роль выполнил, по-видимому, Н.В. Бугаев. Он инициировал в 1892 году возникновение научного семинара для студентов старших курсов и выпускников Московского университета. Организовал особые внеплановые заседания для студентов в основном окончивших курс и оставленных при университете. На них студенты делали свои научные доклады. Впоследствии этими заседаниями руководил Н.Е. Жуковский.

Возможно, что инициатива Н.В. Бугаева, продолженная Н.Е. Жуковским, натолкнула Д.Ф. Егорова и Б.К. Млодзеевского на мысль создать специальные семинары для студентов, в которых они приобщались бы к творческой научной жизни¹.

Организация научных семинаров была необходимой потребностью творчески работавших преподавателей, так как на практические занятия не выделялось достаточного времени, но иногда эта инициатива наталкивалось на сопротивление администрации университетов. Так, только приехавший в Харьковский университет Д.А. Граве в 1900 году попытался возродить при кафедре чистой математики математический кабинет и организовать семинар по теории алгебраических поверхностей. Но планы Д.А. Граве были нарушены из-за сопротивления ректора Харьковского университета Г.И. Лагермарка², у которого в тот период был педагогический конфликт со студентами-ветеринарами, окончившийся отчислением группы студентов, общеуниверситетской забастовкой и, наконец, отставкой ректора. В 1902 году Д.А. Граве переехал в Киевский университет и организовал семинары там. «Тема семинаров и специальных курсов Граве были: арифметическая теория квадратичных форм, теория идеалов, теория групп, теория Галуа, числа Бернулли, теория эллиптических функций и связанных с ней проблем теории чисел, общая теория полей и др. Молодёжь привлекалась на эти семинары с самых первых курсов университета. Все участники семинара изучали труды современных авторов и реферировали текущую литературу, а кроме того, читали классиков математики. Проводилась и коллективная работа, например продолжение таблиц Якоби. Сами по себе семинары по математике для Киева не были новым явлением. Эту форму занятий со студентами профессора (Ермаков, Букреев, и др.)

---

¹ По примечаниям Ф.Я. Шевелева к «Краткому обзору учёных трудов профессора Н.В. Бугаева»// Историко-математические исследования. Вып. XII, – М.:ГИФМЛ, 1959. – С. 53.

² *Добровольский В.А.* Научно-педагогическая деятельность Д.А. Граве (к столетию со дня рождения)// Историко-математические исследования. Вып. XV, – М.:ГИФМЛ, 1963. – С. 326.

использовали ещё до приезда Граве, который сразу же нашёл в и Киеве поддержку в среде преподавателей и лучших студентов. В течение первых четырех – пяти лет традиция семинаров была закреплена, и уже в 1908 г. в Киеве вырисовываются контуры новой алгебраической школы. К тому же алгебраическая тематика и до Граве занимала киевских профессоров Ващенко-Захарченко, Ермакова, Букреева, Пфейфера, Покровского. Однако, научные интересы коллег Граве не были сконцентрированы на новейших течениях алгебры, а зачастую обращались и ко многим другим предметам. Граве сумел увлечь своих учеников общей идеей, направить их усилия в основном по общему направлению и таким образом быстро добиться блестящих успехов. Прямыми учениками Граве являются О.Ю. Шмидт, Е.И. Жилинский, Б.Н. Делоне, Н.Г. Чебатарёв, В.П. Вельмин, К.Ф. Абрамович, А.М. Островский и многие другие выдающиеся математики».¹

В философии эту практику семинаров активно распространял М.И. Владиславлев. Для студентов III и IV курса, которые избирали своей специальностью философию, у него было два рода занятий – в университете и на дому. Кроме общих и специальных лекций в университете, М.И. Владиславлев руководил занятиями тех студентов, которые по окончании курса оставались при университете для приготовления к званию профессора философии. С 1874 года по 1885 год в Санкт-Петербургском университете существовала специальность философии, на которой было записано до 15 человек. К числу прошедших её относились: Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, Н.Н. Ланге, Л.В. Рутковский, А.И. Введенский. В свою очередь многие из них стали инициаторами разного рода научных семинаров и объединений, распространяя полученную новационную форму организации научной коммуникации.

Так, Н.Я. Грота много внимания уделял учебным семинарам, инициировал организацию научных семинаров и философского общества. Его занятия на семинарах делились на три ка-

---

¹ Там же, – С. 341-342.

тегории. Во-первых, он предлагал студентам на семинарии критиковать прочитанную им лекцию. Это была одна из наиболее любимых форм проведения семинарского занятия, так как позволяла слушателям высказывать недоумения и возражения, которые накапливались во время прослушивания лекции. Он охотно выслушивал всякие замечания, вступал в спор с аудиторией. Во-вторых, он предлагал слушателям темы рефератов, снабжал студентов литературными указаниями, советовал как составить план сочинения. Он полагал, что неудачных работ нет, каждая работа является опытом, расширяющим кругозор студентов, поэтому предлагал иногда весьма трудные темы (например, написать в первый год изучения психологии историю психологических и философских учений о сознании). Когда реферат был написан Н.Я. Грот просил референта составить тезисы для товарищей и организовывал диспут, главным оппонентом выступал сам. Вместе с референтом оппонировали и товарищи, вступая в полемику с Н.Я. Гротом, что приводило к возникновению жарких споров. Третий род семинаров состоял в собрании без предварительной темы реферата, но кто-нибудь приносил составленные тезисы, которые прочитывались и предлагались для обсуждения в аудитории. Темы, обсуждавшиеся на этих семинарах, были разнообразными. Преимущественно они были посвящены психологии и этике. Иногда на них проходил психологический разбор какого-нибудь литературного произведения.

Его лекции всегда посещались, а семинарские занятия, проводившиеся в форме диспутов по рефератам, ценились как «лучшая школа терпимости», в которой приучались «владеть словом, говорить публично, спорить методично»¹. Он требовал от студентов критического чутья и стремился развить самостоятельность мысли. Ссылка на авторитет хотя и допускалась, но не производила впечатления, он приучал к тому, что не суще-

---

¹ Викторов Д. Памяти Н.Я. Грота, как профессора//Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 51. С.58

ствуется высших инстанций и авторитетов, есть только качественное доказательство, основанное на фактах.

Заняв кафедру философии в Московском университете в 1886 году, Н.Я. Грот сделал очень много для упрочения репутации философии в университетской корпорации: читал публичные лекции, руководил «Московским Психологическим обществом», инициировал издание журнала «Вопросы философии и психологии» и в течение шести лет вел все издательские дела, участвовал в работе Московской комиссии по организации домашнего чтения. Н.Я. Грот обнаружил удивительную организаторскую энергию, сумел привлечь в качестве членов Общества и его активных работников представителей самых разнообразных специальностей, сделал заседания Общества интересными и привлекательными для широкой публики. К периоду председательства Н.Я. Грота относятся самые интересные доклады, это же время характеризуется наибольшей интенсивностью издательской деятельности Общества.

Его смерть в 1899 г. была воспринята современниками, коллегами как большая утрата для только что сплоченного философского сообщества. Н.Я. Грот не только сплотил философов через «Московское психологическое общество», не только организовал коммуникативную структуру через профессиональный журнал, но и инициировал обсуждение в философском сообществе темы природы и специфики философского знания, которое детерминировало развитие философской рефлексии.

Осознавая необходимость расширения и рационализации коммуникации, ряд крупных русских учёных организовали проведение **съездов естествоиспытателей**. Особую роль в этой деятельности сыграл Карл Фёдорович Кесслер, зоолог, профессор Киевского университета, с 1863 года – декан физико-математического факультета Петербургского университета, а в 1867-73 годах – ректор этого университета. В 1874 году К.Ф. Кесслер был избран членом-корреспондентом Физико-математического отделения Академии Наук (по разряду биологических наук). Ещё в 1856 году он представил министру народного просвещения А.С. Норову проект съезда естествоис-

пытателей и врачей («Правил для собрания естествоиспытателей и врачей»). В 1861 и 1862 годах ему удалось созвать съезды учителей естественных наук. В 1861 году при поддержке Н.И. Пирогова он получил разрешение министра народного просвещения на съезд учителей естественных наук гимназий Киевского учебного округа, а в 1867 году он организовал первый съезд естествоиспытателей. Организация съездов была делом чрезвычайной сложности. В 1862 году профессора Московского и Киевского университетов при поддержке своих генерал-губернаторов подготовили программу организации съездов естествоиспытателей и врачей и просьбу об их разрешении. Медицинский совет Министерства внутренних дел дал проекту положительную оценку, посчитав, что от таких съездов можно ожидать весьма полезных результатов для успешного развития в нашем Отечестве упомянутых отраслей наук как в теоретическом отношении, так и в практическом.

Министр народного просвещения А.В. Головин представил обращение на имя императора, в котором высказал положительное мнение о съездах. Александр II передал вопрос на усмотрение Совета министров, который в 1863 году отклонил ходатайство вследствие опасения, что эти съезды могут послужить прикрытием для политических целей. В конце 1866 года министр народного просвещения Д.А. Толстой обратился к К.Ф. Кесслеру с запросом о пользе такого мероприятия. К.Ф. Кесслер при поддержке Совета университета в январе 1867 года передал в Министерство народного просвещения ходатайства о проведении съезда. Обсуждение вопроса в министерстве и в Совете министров было быстрым и положительным – проведение съезда было разрешено. 464 делегата Первого съезда русских естествоиспытателей собрались в Актовом зале Петербургского университета 28 декабря 1867 года, и около четверти из них приехали с окраин России.

Профессор Московского университета Г.Е. Шуровский о значении съездов естествоиспытателей сказал так: «Нравственной силой, сближающей учёных деятелей между собой и с обществом или массой народа, во всей Западной Европе слу-

жили учёные съезды. Без всякого сомнения, такой же силой они должны быть и у нас. Действительно, задача съездов в её простейшей форме состоит именно в сближении учёных деятелей между собой и сообществом. Сблизившиеся между собой, они выработают те определённые цели, которые необходимы для расширения и укрепления науки в нашем отечестве, воспитают новое поколение для самостоятельной работы и укажут на те пробелы, которые требуют восполнения»¹.

При жизни К.Ф. Кесслера после Первого съезда их было проведено ещё пять: Второй в Москве (1869), Третий в Киеве (1871), Четвёртый в Казани (1873), Пятый в Варшаве (1876) и Шестой в Петербурге (1879). На этих съездах учёные неизменно высказывались по вопросам организации науки, – их предложения сводились к следующему: объединение научных сил и создание сети исследовательских институтов; сближение науки с производством; создание системы государственной поддержки исследовательской работы.

В начале XX века съезды учёных участились и стали более представительными, – они собирали естествоиспытателей и врачей, агрономов и инженеров. «Широкой волной идёт в нашей стране научная жизнь и стремление к её организации, это выражается и в росте научной литературы, её популяризации, в съездах, новых научных предприятиях, во всё увеличивающемся росте научных центров»². Так как государство, по-прежнему, мало поддерживало науку, большое значение имели частные и общественные организации.

Съезды содействовали не только развитию науки в когнитивном аспекте – они обеспечивали филиацию, последовательное развитие идей, высказываемых в многочисленных докладах – но они также играли значительную роль в консолидации за осуществление мер общенаучного значения, важных для всего

---

¹ Цит. по: Бобынин В.В. Математико-астрономическая и физическая секция первых девяти съездов естествоиспытателей и врачей. Ч. 1.– М.: Тип. А.И. Мамонтова. 1986. – С. 75

² Вернадский В.И. 1911 год в истории русской духовной культуры.– СПб., 1911. – С. 22

национального научного сообщества. Так, на съездах была поставлена проблема отстаивания русского языка, как языка научных работ, и создание русского научного тезауруса. Решением съездов было принято поддерживать введение метрической системы, продвигаемой Д.И. Менделеевым и А.Ю. Давидовым. Поднималась тема о необходимости реферирования работ русских учёных, составления обзоров русской научной литературы и её библиографии, организации Русской ассоциации для содействия развитию и распространению знаний. Созданные по решению первого съезда общества естествоиспытателей сыграли важную роль в развитии науки. Съездам удалось получить субсидии на издание трудов обществ естествоиспытателей и «Московского математического общества». Активное участие в работе съездов принимали выдающиеся русские естествоиспытатели – П.Л. Чебышев, Н.Е. Жуковский, Н.В. Бугаев, М.Ф. Ковальский, В.Г. Имшенецкий, Ю.В. Сохоцкий, И.И. Мечников, А.О. Ковалевский, К.А. Тимирязев, И.П. Павлов, Н.А. Умов. На этих съездах учёные неизменно высказывались по вопросам организации науки – их предложения сводились к следующим: объединение научных сил и создание сети исследовательских институтов; сближение науки с производством; создание системы государственной поддержки исследовательской работы.

ЭТОС ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Наука как система коммуникации регулируется нормативно-ценностной системой (этосом). Члены научного сообщества, занимаясь научной деятельностью в разных формах, не только проводят собственные исследования, но и оценивают результаты деятельности своих коллег и осуществляют это, ориентируясь на определенные образцы критериев оценки и форм представления креативности.

Целесообразно дифференцировать познавательные идеалы научной деятельности, которые ориентируют ученого и

определяют его отношение к тому, каким должен быть когнитивный продукт, и социальные идеалы, закладывающие представления ученых о научном труде и взаимоотношениях в научном сообществе, моделирующих их деятельность в науке. Особенность познавательных и социальных идеалов научной деятельности в их исторической инвариантности, малой изменчивости в истории науки. Кроме того, эти идеалы научной деятельности в силу того, что они осознаются как ценность и ценностно ориентируют деятельность ученых, выступают, по существу, ценностными идеалами, то есть осознаваемыми, проектирующими и стимулирующими деятельность ученых.

К познавательным ценностным идеалам относятся – истинность, новизна, полезность производимого научного продукта. К социальным ценностным идеалам относятся – идеал профессионализма, компетентности, научной честности, социальной и моральной ответственности. В реальной исторической практике науки работают функциональные нормы, достаточно жестко регулирующие научную деятельность, и имеющие более или менее однозначное понимание. Они подвержены изменениям, корректировке, их набор может существенно меняться, так же как понимание того, что они собой представляют, в зависимости от стадии развития научного знания в целом и научной дисциплины в частности. Эти функциональные нормы есть реальное проявление того, как понимаются в данный исторический период идеалы научной деятельности.

Идеал истинности научного знания проявляется в требовании аргументированности, доказательности, объективности, логической обоснованности, непротиворечивости, верифицируемости. Идеал новизны раскрывается в нормах-требованиях оригинальности, нетривиальности, отсутствии аналогов в постановке и решении проблемы. Идеал полезности научного знания реализуется в требовании теоретической и практической полезности, эвристичности, перспективности, объясняющей силе, широте поля приложения, актуальности. Социальный идеал профессионализма (компетентности) выражается в этосе научного сообщества, которой, по Р. Мертону, задается такими им-

перативами как объективность, универсализм, незаинтересованность, организованный скептицизм.

Согласие в отношении стандартов научной деятельности, детерминируемых идеалами, и типовых моделей производства знания достигается практикой и применением. Стандарты научной деятельности формируют нормы научного исследования, ориентируют поисковый процесс, закрепляются в производстве, оценке и принятии научного продукта. Идеальная схема стандартов и норм научной деятельности может выглядеть следующим образом.

Требования к научному продукту Нормы-идеалы			Требования к ученому и его деятельности
истинность	новизна	полезность	Компетентность, профессионализм
Функциональные нормы			
Доказательность Аргументированность Обоснованность	Оригинальность Нетривиальность	Эвристичность Полезность	Объективность, незаинтересованность, универсализм, организованный скептицизм
Антинормы			
Ложь, подлог, ошибка	Плагиат, фальсификация, тривиальность	Бесполезность, неприменимость	Пристрастность, догматизм

В течении XIX века в естественнонаучном и гуманитарном сообществах происходило осмысление регулирующих научную деятельность идеалов и норм. Причем, в естественнонаучном сообществе процесс формирования этоса произошел быстрее, а философское сообщество корректировало свою шкалу оценки качества научных работ, ориентируясь на опыт естественников.

Весьма последовательно и полно выразил представление о нормах и идеалах научного познания Д.И. Менделеев. Суть научного исследования Менделеев видел в познании закона (меры действий природы), независимого от представлений людей. Законы природы имеют всеобщий характер, а «истинные законы природы предупреждают факты»¹. Материал для обоб-

¹ Менделеев Д.И. Периодический закон. Основные статьи, — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 325.

щений дают наблюдение и опыт. Порядок научного познания, по Менделееву, выглядит следующим образом: «Наблюдая, изображая и описывая видимое и подлежащее прямому наблюдению – при помощи органов чувств, мы можем при изучении надеяться, что сперва явятся гипотезы, а потом теории того, что ныне приходится положить в основу изучаемого»¹. Наука, исходя из действительности, постепенно доходит до некоторых положений или утверждений, несомненно оправдывающихся наблюдениями и опытами.

Естествознание должно изучать и объяснять то, что исследует: «Изучать в научном смысле значит: не только добросовестно изображать или просто описывать, но и узнавать отношение изучаемого к тому, что известно или из опыта и сознания обычной жизненной обстановки, или из предшествующего изучения, то есть определять и выражать качество неизвестного при помощи известного»². В процессе изучения природы большое значение имеют индукция и дедукция, применение которых осуществляется в следующем порядке: «от многого наблюдаемого к немногому проверенному и несомненному, подвергаемому затем дедуктивной обработке»³. Получение знания должно происходить в ориентации не на «красоту идеи самой по себе, а согласие её с действительностью. Этим путём, развившимся из начал опытного знания, достигнуты все успехи вселенского знания природы». Менделеев полагал, что процесс накопления истинного знания идёт через складывание истин относительных и частичных: «Наука отказалась прямо познать истину саму по себе, а через правду старается и успевает медленным и трудным путём изучения доходить до истинных выводов, границы которых не видно ни в природе внешней, ни во внутреннем сознании»⁴.

Принятие нового знания вызывает естественные трудности – необходимость отказываться от имеющихся «истин» вызывает отторжение у членов научного сообщества. К тому же новое знание не имеет законченного вида, носит частично истинный

---

¹ Там же, – с. 589.

² Там же, – с. 589.

³ Там же, – с. 590.

⁴ *Менделеев Д.И.* Собрание сочинений в 25 т., т. 24, – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 590.

характер и даёт повод для его критики: «научные открытия редко делаются сразу, обыкновенно первые провозвестники не успевают убедить в истине найденного, время вызывает действительного творца, обладающего всеми средствами для проведения истины во всеобщее сознание»¹.

Менделеев считал химию наукой «наблюдательной», но её цель также как и у физики – проникнуть в сущность устройства мира, но посредством раскрытия сущности химических явлений. Эмпиризм не должен возобладать над теорией: «Лучше держаться такой гипотезы, которая может оказаться со временем неверною, чем никакой. Гипотезы облегчают и делают правильною научную работу – отыскание истины»².

Чувственное познание химического вещества приводит к представлению о простом веществе (например, графите, алмазе). Простое вещество – это конкретный вид материи, наделенный всей совокупностью свойств, присущих веществу. В периодическом законе отражены такие свойства вещества, которые являются общими у всех атомов данного элемента. Ход рассуждения Менделеева был следующим: при всех изменениях в свойствах простых тел в свободном их состоянии нечто остаётся постоянным, и при переходе элемента в соединения это материальное нечто и составляет характеристику соединений, заключающих данный элемент – атомный вес, свойственный элементу. Величина атомного веса относится не к самому состоянию отдельного простого тела, а к той материальной части, которая общая и у свободного простого тела и у всех его соединений. Так, атомный вес принадлежит не углю или алмазу, а углероду. Понятие элемента, как научная абстракция, выражает то общее, существенное, что присуще и отдельным простым веществам, образованным этим элементом. Понятие элемента не возникает в результате одного чувственного познания, что отметил Менделеев: «Результат наблюдений и опыта в химии есть не простое тело, как было прежде, а элемент – это отвечает идее, а не опыту – простое тело для нас иногда сложнее. Следовательно, всё сводится на элементы, всё учение химии

---

¹ Менделеев Д.И. Собрание сочинений в 25 т., т. 24, – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 593.

² Менделеев Д.И. Основы химии. 8-е изд., – СПб.: Тип. М. П. Фроловой, 1906. – С. 81.

состоит в учении о свойствах элементов»¹. Вся сущность теоретического учения в химии лежит в отвлечённом понятии об элементах. Путь химии со времени Лавуазье – обнаруживать свойства элементов, определять причину их различия и сходства, и на основании этого предугадывать свойства образуемых ими тел. Таким образом, главный интерес химии – в изучении основных качеств элементов.

Основной метод, который использует химик – сравнительный. Сравнительный метод изучения вещества предполагает, что отдельные виды вещества изучаются в их закономерной связи и рассматриваются с точки зрения этой связи. Применение его к изучению веса элементов и расстояний между частицами позволило Менделееву установить зависимость удельных объёмов простых и сложных веществ от атомных весов элементов.

Менделеев полагал для естествоиспытателя целесообразным знать философию, обеспечивающую натуралиста надёжным методом познания. Полноценное мирозерцание учёного не может сформироваться в рамках одной дисциплины: «Мирозерцание составляется не из одного знания главных данных науки, не только из совокупности общепринятых, точных выводов, но и из ряда гипотез, объясняющих, выражающих и вызывающих ещё не точно известные отношения и явления. Ведь для того, чтобы сложилось стремление к опыту, иногда совершенно напрасному, а иногда весьма полезному, необходимо требование мысли, направление её в область действительности; случайности мало дали и дадут точному знанию, которое, прежде всего, составляет систему»². Естествоиспытатели должны сами делать общенаучные обобщения, а серьёзный натуралист, с точки зрения Менделеева, сам должен выступать в роли философа и бороться за утверждение правильного мировоззрения. Изучая доступное, временное и ограниченное, естественная философия с успехом дерзает на прямую деятельную общую пользу – вместо одного созерцания, внушает «веру в

---

¹ Цит. по: *Кедров Б.М.* О высказываниях Д.И. Менделеева по философским вопросам естествознания// Вопросы философии. – 1952 . – №2 . – С. 122.

² *Менделеев Д.И.* Собрание сочинений в 25 т., т. 24,– М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 37.

правду» и приводит к признанию вечного и бесконечного, составляющего истинный предмет познания.

Исследователи научного творчества Менделеева (Б.М. Кедров, А.А. Макареня, Ю.А. Жданов) отмечали его склонность использовать в своей научной и научно-организационной деятельности синтетический метод, сочетая его с конкретным применением. Особенность научного мышления Менделеева – признание практической ориентированности процесса познания: «Отдаваясь захватывающим задачам изучения природы, мне пришлось, однако, постоянно сталкиваться с вопросами фабрик и заводов, потому что на них в широких размерах, ради общих потребностей, пользуются тою же природою тех же вещей, какие изучаются в научных лабораториях. Вглядываясь в разнообразные заводские дела без предупреждения, глазами естествоиспытателя, я уже увидел в них особые, передовые, важные задачи, привлекающие внимание. А когда, с годами, явилось понимание исторического – народного и мирового – значения роста промышленности и когда мне стало очевидным, что в ней выступает яснее всего связь науки с жизнью и что показание этого значения и этой связи особенно важно в эпоху, переживаемую родиной, тогда я решил посвятить возможно больше усилий этому показанию»¹.

Представители естественнонаучного сообщества последовательно ориентировались на такие функциональные нормы как доказательность, аргументированность, полезность, оригинальность. Например, академик П.Л. Чебышев весьма ответственно рецензировал научные монографии, статьи и диссертации. Анализ его рецензий позволяет выявить представления о его критериях, которым должна соответствовать научная работа. В положительном отзыве Чебышева на магистерскую диссертацию И.И. Рахманинова «Теория вертикальных водяных колес» (1852) отмечена осведомлённость автора в современных работах по рассматриваемой проблеме, новизна и полнота исследования в рамках поставленной темы, а также связь теории с практикой:

---

¹ *Менделеев Д.И.* Собрание сочинений в 25 т., т. 11, – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 239.

«Если в нашей учёной литературе есть несколько сочинений о гидравлических колесах, то по содержанию, отчётливости, а более всего, по сближению теории с практикой сочинение г. Рахманинова, под заглавием «Теория вертикальных водных колес», составляет для неё существенно новое приобретение. При внимательном чтении того, что до сих пор имели мы относительно водяных колес с включением даже сочинений французских учёных Бордо, Навье, Понсле, Беланже и других, легко заметить, что этот предмет далеко не исследован в надлежащей полноте и точности, необходимой для практики, где вода очень часто с особенной выгодой употребляется как двигатель... Сочинение г. Рахманинова имеет тем больше интереса, что он, не ограничиваясь одними теоретическими выводами, обращает полное внимание на те правила устройства колес, которые выведены из наблюдений. От такого сближения теории с практикой сочинение г. Рахманинова очень много выигрывает... До сих пор ни по одной части практической механики мы не имеем сочинения, в котором бы предмет был исследован с такой подробностью и отчётливостью, в котором бы показаны были теоретически начала для определения главных элементов машины. Чтобы представить в таком виде теорию вертикальных водных колес, автор воспользовался всем, что наилучшего сделано в ней различными учёными, сличил со многими наблюдениями их теоретические выводы и в некоторых местах дополнил их собственными. Такой труд о предмете, особенно важном для практики с недостатками, весьма ограниченными, по мнению нашему, достоин награды второстепенной Демидовской премией»¹.

Чебышев очень осторожно отмечает недостатки работы Рахманинова, чтобы не создать о ней отрицательного впечатления и не уменьшить её достоинств:

«Ошибки, которые естественно могли вкрасться в исследования, столь многосложные, не имеют существенного влия-

---

¹ *Чебышев П.Л.* Полное собрание сочинений в 5 т., т. 5. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 289-294.

ния на главные результаты, тем более что автор, понимая всю важность практической стороны предмета своего сочинения и особенную трудность исследований теоретических, везде в теории старался проследить результаты, выведенные из наблюдений. Так, например, в теории подошвенного колеса с прямым руслом, автор ошибочно заключает из выведенных формул, что число лопаток должно уменьшаться с увеличением радиуса колеса (стр. 51); если расстояние лопаток действительно увеличивается с увеличением этого радиуса, то это расстояние увеличивается медленнее, чем сама окружность колеса. Расстояние это увеличивается пропорционально квадратному корню радиуса, в то время, когда окружность колеса пропорциональна первой степени его. А потому число лопаток должно быть прямо пропорционально квадратному корню радиуса колеса. Но эта ошибка исправляется тем, что переходя к практике, автор сам замечает, что при одних и тех же обстоятельствах, но большем размере колеса, число его лопаток становится более»¹.

Представители философского сообщества ориентировались на эти, сформулированные математиками и естественниками нормы и идеалы научной деятельности, при чём осознавая и специфику философского знания.

Как оценить оригинальность философской работы и что считать более значимым в философском творчестве – оригинальность или осведомленность, проявляющуюся в критичности? Совершенно очевидно, то что оригинально для автора, может не быть таковым в проекции философской традиции. Оригинальность философской системы складывается из трех аспектов: субъективного – когда сам автор оценивает, насколько новыми являются высказанные им идеи; объективного – когда исследователь определяет содержательный уровень философского произведения, то есть оригинальность сформулированных идей, новизну предлагаемого концептуализирования в предлагаемой области философского знания; историко-

---

¹ *Чебышев П.Л.* Полное собрание сочинений в 5 т., т. 5. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 291.

объективного – оценивается в исторической перспективе эвристичность, культурный резонанс и историческую востребованность. Только по истечении значительного срока профессиональные исследователи философской традиции могут сделать заключение о влиянии философской системы и её исторической оригинальности и значимости.

Проблема оригинальности имеет социальную проекцию в виде *проблемы приоритета*. Нельзя сказать, что в отечественном философском сообществе были частыми споры о приоритете, но, тем не менее, они имели место. Например, письменная дискуссия между М. Остроумовым и Н. Пясковским на страницах «Вопросов философии и психологии» в 1894 году. М. Остроумов выпустил книгу «О физиологическом методе в психологии» на которую Н. Пясковский не сослался в речи произнесенной на VIII съезде естествоиспытателей и врачей, затем опубликованной в «Вопросах философии и психологии». М. Остроумов приводит серию цитат, сопоставляя их со своей книгой, и доказывает, что речь Н. Пясковского есть «краткий, отрывочный пересказ «своими словами» третьей главы моей книги»¹. Он сетует на «нефилософскую манеру», «нефилософский способ» пользования его книгой Н. Пясковским. На это Н. Пясковский ответил: «На основную идею моей речи меня натолкнуло сочинение базельского профессора Бунге, а никак не сочинение профессора Остроумова. Правда, что основная идея доброй половины моей речи имеет поразительное сходство с основной идеей всего сочинения профессора Остроумова, но это произошло вовсе не потому, что я, яко бы, похитил его мысли и их "выдаю" за свои. Не скрою, что я при составлении своей речи пользовался и трудом профессора Остроумова, но ведь я точно так же пользовался и вашим сочинением "Душа в связи с современным учением о силе" и соч. Ланге, Страхова, Бунге, Льюиса, Вундта и др.»². В свою очередь, приведя серию цитат,

---

¹ Остроумов М.А. Письмо к редактору// Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 22. С.321

² Пясковский Н.Я. Письмо к редактору // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 22. С. 322

должных указать, что сам М. Остроумов не высказал ничего оригинального, Н. Пясковский все же признает: «Итак, я чисто-сердечно признаю перед почтенным профессором Остроумовым, что его сочинением я пользовался, но только лишь по прочтении Бунге, сочинение которого и подало идею речи. Пользовался я его сочинением в меньшей мере, чем другими авторами, на которых я выше ссылался и о которых я точно также упустил упомянуть, как и о проф. Остроумове... Да будет известно почтенному профессору, что это пользование сочинениями различных авторов, и упомянутых мною, и не упомянутых не было целью моей речи (а лишь средством), так как речь моя выражала, главным образом, идею и горячее мое желание пропагандирования необходимости кафедры психологии и философии для медицинского и математического факультетов. Моя оплошность в этом отношении и вина перед проф. Остроумовым отчасти может быть оправдана малым размером времени (20 минут), которое было уделено моей речи в заседании секции физиологии. Что же касается моей "нефилософской манеры", "того нефилософского способа", о котором упоминает проф. Остроумов, то ведь каждый автор любого учебника по любой науке, где неминуемо приводятся открытия и идеи, не принадлежащие автору учебника, сплошь и рядом выражается точно так же, как и я: "я не могу не дополнить", "я постараюсь показать", "я пойду далее" и т.д. В любом компилятивном произведении можно встретить подобные выражения»¹.

Резюмировал спор Н.Я. Грот, выразив мнение редакции. Он отметил, что ссылки на используемые сочинения должны быть, так как это уже сложившийся «литературный обычай»² и все же данный спор о приоритете сомнителен, так как сам М.

---

¹ Там же. С. 324

² На самом деле ссылки при цитировании не были так уж распространены. На страницах «Вопросов философии и психологии» до 1900-1905 годов фактически никто из авторов не соблюдал этого обычая, ссылки носили «случайный» характер, даже цитаты не оформлялись. Так, что Н.Я. Грот говорит о еще не сложившемся в отечественной философской среде обычае

Остроумов не высказал совершенно новых мыслей: « Редакция, во всяком случае, не может не пожалеть, что д-р Пясковский не успел *за три года*, в течение которых речь его лежала у него без всякого движения, сделать в своей статье, перед отправлением её в редакцию журнала, ссылок на сочинения, из которых он заимствовал не только все свои мысли (как сам говорит), но и цитаты. Сама редакция, конечно, не имеет возможности проверять с этой стороны все доставляемые её статьи и должна полагаться на знакомство своих сотрудников с литературными обычаями... В настоящем случае необходимо однако заметить, что дело едва ли идет о каких-нибудь важных открытиях и совершенно новых мыслях»¹. Труд М. Остроумова только систематизирует те мысли, которые высказываются современными философами и физиологами.

Оригинальность философской работы должна быть признана не только самим автором, но и референтным окружением. Признание проявляется в исторической значимости и востребованности. Но оценка исторической значимости результатов креативности философа достаточно условна. Как оценить действительную «авторитетность» идей философа? Она складывается из количества сторонников, преемников, последователей, точно так же, как из оппонентов и критиков, цитируемости или востребованности его концепции.

Важным моментом в оценке философского произведения является оценка «*репрезентативности*» или «*респектабельности*» философской концепции. Она показывает «осведомленность» автора, знание им философской традиции (это проявляется в подборе цитируемых источников и знании основных способов решения какой-либо проблемы, затронутой автором в своей работе). Кроме осведомленности автора востребованным является умение оценивать современный философский контекст, т.е. его критичность (проявляется в умении четко формулировать и достаточно обосновывать свою позицию). О труд-

---

¹ Грот Н.Я. Заметка редактора // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн.22. С. 325

ностях, связанных с оценкой репрезентативности, писал В. Виндельбанд: «Всего труднее установить принципы, которыми нужно руководствоваться при философско-критической оценке отдельных учений... сознание критической точки зрения является как бы свидетельством зрелости для историка; ибо раз этого сознания у него нет, ему приходится при выборе нормы действовать лишь на основании инстинкта. При этом само собой разумеется, что масштаб оценки не должны служить ни чисто субъективный взгляд историка, ни его философские убеждения... Научная история философии... должна стоять на точке зрения имманентной критики, руководствующейся двумя принципами: формально-логической последовательностью и научным значением каждого взгляда»¹.

Оценить *респектабельность философской концепции* без содержательной оценки невозможно, но объективная оценка концепции затруднительна, если философы принадлежат к разным философским школам, направлениям. Поэтому, для кантианца А.И. Введенского не были убедительны построения С.Н. Трубецкого, так как допускали метафизические постулаты, но он не отрицал респектабельности С.Н. Трубецкого и наоборот. В нормально функционирующем философском сообществе, таким образом, осознается различие между респектабельностью в вышеопределенном смысле и концептуальностью, с которой можно и не соглашаться: «Мы требуем только, чтобы *присылаемые статьи обнаруживали критическое знакомство с историей науки и философии и способность авторов к строгой логической работе мышления. Ведь дело идет ... не о выражении субъективных мнений и добрых желаний*, а о продолжении той объективной работы философского познания и самопознания, которая началась еще в Европе почти двадцать пять столетий тому назад. При обсуждении отдельных философских вопросов, знакомство с прошлыми судьбами философии иногда с успехом возмещается обширной специальной эрудицией – глубоким знанием математики, естественных наук, или наук соци-

---

¹ Виндельбанд В. История философии. Киев, 1997. С. 24

альных. Есть случаи, когда знание прошлой истории философии и современных специальных наук заменяется художественной силой синтеза и интуитивным проникновением в за- таенные смыслы явлений жизни и психических отношений личности»¹ – так формулировал критерий отбора статей Н.Я. Грот, редактор журнала. С ним солидаризировалась редакция «Логоса», требовавшая от представляемых работ, даже если они включают метафизические построения, только методологической грамотности: «...нужно только, чтобы статья удовлетворяла требованиям философской критики»². Сформулированная подобным образом норма оценки работ представляет собой становящуюся норму исследовательской деятельности как таковой.

Эту норму можно проследить, проанализировав полемику и рецензии, печатавшиеся на страницах журналов. Например, А.А. Козлов, не разделяя позитивистских взглядов, оценивая сочинения Ш. Рибо, пишет: «Все сочинения Рибо, большей частью пережившие несколько изданий <это косвенно указывает на востребованность сочинений в философском сообществе>, конечно, обнаруживают общие свойства позитивизма, т. е. отрицание субстанции, признание предмета философии в фактах и явлениях, но за исключением этой "основной лжи" позитивизма, во всем прочем сочинения эти *можно назвать безукоризненными. Факты обстоятельно собраны, мысль выражена ясно и талантливо, источники благонадежны*»³. Таким образом, концептуальное несогласие не помешало А.А. Козлову признать сочинения Ш. Рибо респектабельными.

Критерии оригинальности и критичности не являлись в философском сообществе столь же распространенными как репрезентативности. Представители метафизических направле-

---

¹ Грот Н.Я. Еще о задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн.6. С. I I

² Гессен С.И. Письма к Э. Метнеру // Вестник Российской академии наук. 1993. Т.63. № 6. С. 527

³ Козлов А.А. Французский позитивизм // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн.19. С. 92

ний не считали критерий критичности единственно обязательным, тогда как представители критицизма считают его необходимым и обязательным, значительно более важным, чем требование оригинальности. Это концептуально детерминированное различие следует иметь в виду при анализе рецензий и полемики, но так или иначе оба эти критерия также входят в набор рассматриваемых характеристик. Г.Е. Струве в статье «Способности и развитие философствующего ума» перечислил их как равно необходимые: «...философия - это проявление самостоятельности мысли, стремящейся при помощи критики к общему мировоззрению... От философа требуется: во-первых, самостоятельность и независимость мышления, во-вторых, критичность»¹.

А.И. Введенский в работе «Что такое философский критицизм?» сформулировал то, на что направлено внимание кантианцев. Так как догматическая философия, проникнутая уверенностью, будто «она в состоянии построить цельное мировоззрение, состоящее из одного лишь знания», не оправдала своей уверенности, то философы-критицисты должны направить свои усилия с одной стороны, на то, чтобы доказать сомнительность попыток построить метафизическое знание, с другой - на развитие критической теории познания. В статье «Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам» он определяет сущность позиции философа: «...философы - скептики по профессии; ибо для них сомнение служит приемом для анализа мыслей; оно для них то же, что эксперимент для химика»².

Представляя учение идейно близкого ему Ж. Ройса, Б.В. Яковенко формулирует мысли по поводу того, что оценивать в философской системе и почему надо иметь в виду критический аспект: «Философская мысль есть прежде всего сомнение и критика... мы наделены в жизни верой и нуждаемся в оценке этой веры через размышление. Мы чувствуем себя наделенны-

---

¹ Струве Г.Е. Способности и развитие философствующего ума // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн.38. С. 417

² Введенский А.И. Статьи по философии. СПб., 1996. С. 132

ми законами и смыслом. Но то, почему мы переживаем это интимное чувство реальности и целостности, это предмет критики. Такая критика жизни, разработанная, законченная, есть философия»¹. Философ должен не созидать, а критиковать, и начинать он должен с сомнения в своей философской системе, с коренной критики своего миропонимания, потому что тогда философ отдает отчет в своих «познавательных силах, правомочиях и наличных владениях». Следовательно, раз подлинная философская мысль начинается с гносеологического анализа, для которого ничто не должно быть догмой, то наличие рефлексивного критицизма является важным компонентом оценки философской системы.

В ходе дискуссий, при рецензировании работ коллег, при описании собственных исследований представителями философского сообщества были сформулированы *требования к историко-философскому исследованию и философской концепции*. Л.М. Лопатин в статье «Типические системы философии» весьма определенно сформулировал, что оценивается в философском творчестве, и, несомненно, его положение в философском сообществе делает его точку зрения чрезвычайно авторитетной: «... мы судим философские учения их внутренней логикой; как бы ни были драгоценны для нас субъективные моменты философской системы в смысле выражения духовной личности её автора, мы их невольно отбрасываем или отодвигаем на задний план, когда пытаемся найти в данном учении объективно вероятное толкование существующего, ведь именно в устранении субъективных черт, частных противоречий, недоговоренности и личных колебаний заключается главный двигатель дальнейшего развития доктрины отдельных мыслителей у последователей основанных ими школ.

Итак, в воззрениях философов, кроме элементов чисто субъективных, всегда присутствуют элементы объективные. Если первым нет оснований приписывать обязательность для кого

---

¹ Яковенко Б. Философская система Ж. Ройса // Новые идеи в философии. Сборник 17. СПб., 1914. С. 86

бы то ни было, вторые, несомненно, обладают объективной обязательностью, по крайней мере, в том смысле, что если мы усвоили предпосылки данной философской теории, мы тем самым обязаны принять и все логические следствия из неё. В этом отношении отдельные философские теории можно сопоставить с гипотезами: их различие от гипотез отдельных наук, заключается только в степени общности поставленных задач. Научные гипотезы стремятся объяснить частные свойства, частные законы и частные отношения действительности в её наблюдаемом конкретном строе, - иначе говоря, особенную природу отдельных групп наблюдаемых явлений. Напротив, философия ставит вопрос об общих условиях и общих основах всякого бытия вообще, и все частное рассматривает лишь в свете делаемых ею универсальных предположений и в связи с ними. Но судим мы и о философских теориях и о научных гипотезах по одним и тем же критериям: 1) по логической обоснованности и внутренней связи входящих в их содержание положений; 2) по степени их пригодности для объяснения того, что они хотят объяснить»¹.

С ним солидаризировался идейный противник, неокантианец Б.А. Кистяковский в том, что следует считать критериями оценки философского творчества. В статье «В защиту научно-философского идеализма» он перечислил критерии репрезентативной философской работы: логическая структура, формальная последовательность, научно-философская обработка идей, ориентированность на объективность, скептицизм². Это свидетельствует о достижении определенного консенсуса в представлении о нормах и правилах деятельности среди представителей философского сообщества.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНО-СТАТУСНЫЕ

---

¹ Лопатин Л.М. Типические системы философии // Вопросы философии и психологии 1906. Кн.83. С. 268

² Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма// Вопросы философии и психологии. 1907. Кн.86. С. 57-109

КОНФЛИКТЫ

Рассуждения о причинах научных конфликтов мы начнём с рассмотрения исходных мотивов научной деятельности. Они условно разделяются на познавательные (любопытность и желание узнать принципиально новое); познавательно-психологические (удовлетворение чувства правоты, подтверждение догадки); этические (принесение пользы обществу); социальные (стремление приобрести социальный статус или материальное вознаграждение); социально-психологические (соперничество). В реальной деятельности эти мотивы зачастую сложно переплетены и замаскированы.

Р. Коллинз в статье «Пираты и политики в математике»¹ рассуждал на сходную тему, утверждая, что крупные скандалы вскрывают значительные исторические сдвиги в социальной организации науки. Он полагал, что неизменными компонентами деятельности учёных являются стяжание богатства и славы, контроля потока идей и навязывание собственных ценностей, аргументируя своё мнение отсутствием в научном сообществе неизменного набора поведенческих норм. Организация сообщества определяет природу системы его поощрений. При определённых условиях идеи становятся особенно ценными, если держать их в секрете: тогда они могут стать орудием в соревновании за авторитет. «Пираты» от науки присваивают или замалчивают идеи других учёных, чтобы создать новые или сохранить старые интеллектуальные системы.

Мы же предполагаем, что источниками конфликтов является не только борьба за вознаграждение и обретение статуса, но также концептуальные и личностные причины, – ведь в науку идут не только ради материальных благ, но и для удовлетворения познавательного интереса и творческой самореализации. Следовательно, концептуальные, статусные и личностные конфликты целесообразно разделять.

---

¹ Коллинз Р. Пираты и политики в математике // Отечественные записки, 2002, №7 // <http://www.strana-oz.ru/?article=414&numid=8>

Концептуальные конфликты могут быть теоретическими, догматическими и идеологическими. Данный тип конфликтов разворачивается в ходе научной дискуссии, но в идеологических спорах стороны склонны обращаться к административным структурам государства.

Теоретические конфликты возникают из-за концептуальных расхождений в рамках сложившихся дисциплинарных матриц. Они редко носят деструктивный характер, способствуя плодотворной конкуренции идей. Например, у А.А. Маркова с А.М. Ляпуновым была плодотворная конкуренция при доказательстве центральной предельной теоремы П.Л. Чебышева¹: Марков применял метод моментов, а Ляпунов – метод характеристических функций. Марков первым дал полное и строгое доказательство ЦПТ, но Ляпунов несколько позднее получил более сильный результат. Далее Марков улучшил результат Ляпунова. Продолжая свои исследования, он пришёл к идее «испытаний, связанных в цепь», породив, тем самым, теорию марковских процессов.

Доктринальные конфликты происходят из-за доктринальных противоречий внутри дисциплинарного сообщества. Доктринальные противостояния в истории математики случались нередко. Становление принципиально новой дисциплины или метода не обходится без такого конфликта. Классическим примером здесь служит спор о неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевского. Академик В.Я. Буняковский в 1872 году исходил из убеждения о доказуемости постулата о параллельных, считая, что он вытекает из самого определения прямой линии. На этом соображении он предложил своё логически ошибочное доказательство. Он также пытался «наглядно-графически» показать противоречие геометрии Лобачевского очевидным представлениям о пространстве. Лобачевский своей теорией создал противоречие между наиболее общим понятием прямой и её традиционным графическим представлением. Буняковский демон-

---

¹ Баранец Н.Г. Верёвкин А.Б. Методологическое сознание российских учёных в XIX- начале XX века. Ульяновск, 2011, с. 326-329

стрировал эту коллизию чертежами. Проигнорировав обобщённое определение параллелизма прямых Лобачевского, Буняковский подменил его существенно иным, не заметив, что между этими понятиями имеется качественное различие. Его определение параллельных было корректно для евклидоваго случая, но не подходило для геометрии более общей природы, и таким способом Буняковский продемонстрировал нелепости и логические ошибки, якобы сделанные Лобачевским¹.

Идеологические конфликты происходят из-за идеологического противостояния в дисциплинарном сообществе. Пример такого конфликта – история критики работ Н.А. Любимова А.Г. Столетовым. Книги Любимова «Начальная физики» и «История физики» подверглись жесткой критике со стороны его бывшего ученика и коллеги – А.Г. Столетова. Причиной критики было, прежде всего, их мировоззренческое и идеологическое противостояние. Если Любимов был сторонником консерватизма, то Столетов ориентировался на демократические и либеральные ценности. Участие Любимова в реформе университетского устава 1863 года и замене его на более реакционный вызвало крайне негативное отношение к нему большей части представителей университетской корпорации.

П.Н. Милюков описывал происходившие события так: «Университетские волнения 1869 г. вызвали несколько частных мер против университетов, «республиканское» устройство которых не давало покоя реакционерам. Цель преследований намечалась сама собою: нужно было ограничить «самовластие» советов, которому стали приписывать все недостатки университетской жизни, действительные и мнимые. Подчинить советы попечителю и министру, эмансипировать от их власти факультеты — таковы были ближайшие средства, указанные противниками устава. Окончательный план нового устава сложился, однако, не сразу. ... Решительное влияние на более радикальную постановку вопроса имело мнение проф. Любимова, бли-

---

¹ Хилькевич Э.К. Из истории распространения и развития идей Н.И. Лобачевского в 60–70 годах XIX столетия // Историко–математические исследования, Вып. II, 1949, с. 187.

жайшего сторонника Леонтьева и Каткова. Почва, на которой проф. Любимов начал свою агитацию против устава, была выбрана очень своеобразно и во многом совпадала с некоторыми радикальными мнениями, высказанными при обсуждении устава. Проф. Любимов принципиально протестовал против установившегося университетского режима во имя идеального начала — германской академической свободы. Свобода преподавания и слушания, широкая конкуренция штатных преподавателей с приват-доцентами, поощряемая гонораром; отмена университетских экзаменов, связывающих занятие наукой с получением диплома, и замена их государственными экзаменами, не зависящими от университета — таковы были те основные идеи, с которыми профессор Любимов выступил в печати и в записках, подаваемых министерству». Завязалась полемика: противники Любимова — в большинстве своём коллеги по Московскому университету — доказывали, что в самой Германии рекомендуемые им порядки вызывают неудобства, для устранения которых как раз сознаётся необходимость большей автономии университета. Первоначально позицию московских профессоров поддерживали и в высших административных сферах, но потом победило мнение сторонника «Московских Ведомостей». В апреле 1875 года была назначена специальная комиссия под председательством члена государственного совета И.Д. Делянова. «Осенью члены этой комиссии (в том числе особенно деятельные — А.И. Георгиевский и Н.А. Любимов) объехали университеты, собирая материал по составленной ими программе. Настроение университетских кругов относительно этой комиссии видно из того, что в Санкт-Петербургском университете члены профессорской корпорации отказались от частных переговоров с членами комиссии и ограничились коллективным отзывом, энергично защищавшим устав 1863 года. Члены комиссии не решились показаться на лекции, опасаясь возбудить волнения студентов. Коллективные мнения и других университетов стояли на той же почве. «Материалы, собранные комиссией», содержат в себе в изобилии всё те же соображения относительно нецелесообразности намеченных мер, которые впоследствии вполне оправда-

лись практикой устава 1884 года. Сам председатель комиссии относился к её задаче с едва скрываемым скептицизмом. В 25-и заседаниях комиссии (сентябре–декабре 1876 года) ректоры составили сплоченное большинство против реформы; но разработка устава в намеченном направлении, тем не менее, продолжалась, в 4-х специальных комиссиях». После восьми лет борьбы в августе 1884 года новый устав был утверждён императором. В результате «... рухнула, при первом столкновении с действительностью, та «свобода преподавания и слушания», которая в изображении проф. Любимова являлась центральной, идеальной задачей всего задуманного переустройства. Уже по букве устава свобода слушания свелась к выбору между «несколькими» учебными планами, предлагаемыми студенту деканом; на практике же никогда и не делалось попытки составить эти *несколько* планов: студент должен был следовать тому единственному, по которому в момент его вступления велось преподавание... Обязательная программа испытания, в связи с официальной обстановкой экзамена, повела к небывалому до тех пор понижению экзаменационных требований; противники устава 1863 года доказывали, что при новом порядке экзамен «из лекций» заменится экзаменом «из науки», а в действительности вышло только, что экзамен «из науки» превратился в экзамен «из учебника», притом, очень элементарного. Проф. Любимов оказался пророком, когда писал: «Стесняя (преподавание) строго определёнными программами, данными извне, превращая университет в школу, где выучиваются определённой сумме познаний, мы бы уронили значение университета». Этого именно боялись защитники старого устава, – и это опасение стало действительностью»¹.

Перечислим претензии Столетова к Любимову, которые он высказал в статье «г. Любимов как профессор и учёный (Материалы для учебного юбилея)», чтобы составить объективное мнение о причине их противостояния.

---

¹ Милюков П.Н. «Университеты в России»// Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в 86 томах,– СПб, 1890–1907.

«Как профессор г. Любимов отчасти известен московской публике. Ещё свежи в памяти его многократные публичные лекции, вначале собиравшие большую аудиторию, но мало помалу вымиравшие за недостатком слушателей. Сущность этих лекций – в нагромождении эффектных опытов, нередко напомиравших «большие увеселительные представления» заезжих «профессоров». К опытам пришивалась масса вечно юных, по мнению лектора, анекдотов и кое-какие бессвязные объяснения, настолько краткие и недодуманные, что слушатель, тщетно ждавший общепонятного слова, пребывал умственно в такой же темноте, какою, в смысле физической, обдавали его поминутно закрываемые окна аудитории; «преподавание, декоративно поднятое на высоту» не удостоило «стать на ноги». Нам известно, что и студенческие лекции г. Любимова сохранили весь характер публичных чтений: та же погоня за дорогими опытами, поглощавшими весь бюджет физического кабинета в ущерб строго научным потребностям; та же расточительность на анекдоты и скупость в разъяснении серьезных пунктов науки... Слишком «малую долю времени и энергии» он посвящал университету, чтобы кого-либо чему-либо учить, – поглощенный то редактированием *Русского Вестника*, то лицеем г. Каткова, то походом против университетов...»¹.

Очевидно, что истинная причина была в личной неприязни, столкновениях на кафедре за «распределение ресурсного обеспечения» и идеологических расхождениях.

Статусные конфликты подразумевают борьбу за ресурсы, престиж и социальное положение. В научном сообществе они не являются явно выраженными. Участвующие в таком конфликте учёные стремятся представить ситуацию как борьбу за истину и справедливость. Статусные конфликты особенно деструктивны в недемократических обществах, поскольку здесь ограничено действие саморегуляции, а доминирующая группа часто прибегает к административной поддержке. Примером

---

¹ *Столетов А.Г.* г. Любимов как профессор и учёный (Материалы для учебного юбилея)// *Собрание сочинений* в 3 т., Т. 2.: *Общедоступные лекции и биографические заметки*, – М.-Л.: ГИТТЛ, 1941. – С. 372-373.

пристрастного отношения А.А. Маркова служит его резкая критика С.В. Ковалевской, действительной причиной которой была конкуренция за место в Академии наук. Заслуги Ковалевской были оценены европейскими математиками, о чём свидетельствует присуждение ей, по инициативе Вейерштрасса, степени доктора философии Гёттингенского университета без экзаменов. Положительный отзыв на её работы¹ дали – лидер французских математиков Ш. Эрмит, известный итальянский геометр Э. Бельтрами и норвежский математик В.Ф.К. Бьёркнес. В начале 1880-х годов Вейерштрасс дал Ковалевской классическую задачу явного интегрирования уравнений вращения волчка.

В 1885 году Ковалевская нащупала путь решения, исходя из того, что абелевы функции времени мероморфны на комплексной плоскости: их особые точки – полюсы. Поэтому задача определения необходимых условий алгебраической интегрируемости дифференциальных уравнений вращения волчка сводится к выявлению свойств мероморфности их общего решения. Для этой цели Ковалевская изобретает свой способ (метод Ковалевской). Подставив ряд Лорана в дифференциальные уравнения, она приравняла главные части и в результате получила условия на порядки полюсов и алгебраические уравнения на старшие коэффициенты. Если уравнения имеют нетривиальные решения, то остальные коэффициенты рядов Лорана получают последовательным решением линейных алгебраических систем. В итоге, коэффициенты рядов Лорана должны были содержать пять свободных параметров (вращение волчка описывается шестью уравнениями, а шестой параметр получается за-

---

¹ «К теории уравнений в частных производных» (1874) содержала, ставшую классической, теорему Коши-Ковалевской об аналитических решениях систем дифференциальных уравнений в частных производных; «О приведении одного класса абелевых интегралов третьего ранга к интегралам эллиптическим» (1884) посвящена специальным вопросам теории абелевых функций, и выполнена в традиционном вейерштрассовском стиле; «Дополнения и замечания к исследованию Лапласа о форме колец Сатурна» (1884) относилась к прикладной математике, – в ней исследована форма поперечного сечения кольца Сатурна в предположении его жидкого состояния.

меной времени t на $t - t_0$ ввиду свойства автономности). Эта идея привела Ковалевскую к выдающимся результатам.

После сообщения французским коллегам о получении результата по задаче вращения волчка, французские математики – Эрмит, Бертран, Жордан и Дарбу объявили конкурса на соискание премии Ш.-Л. Бордена Парижской академии наук. Для участия в нём Ковалевская написала труд «Задача о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки». После классических работ Л. Эйлера и Ж. Лагранжа это было первое принципиальное продвижение в решении этой задачи: был найден новый случай вращения не вполне симметрического гироскопа, когда решение доводится до конца. В декабре 1888 года работа была единогласно удостоена премии Бордена. В 1889 году за вторую статью о вращении волчка она получила премию Шведской академии.

В декабре 1889 году после смерти В.Я. Буняковского в Санкт-Петербургской академии наук открылась вакансия, и на это место предложили баллотироваться Ковалевской, которую по предложению Буняковского, Имшенецкого и Чебышева немного ранее уже избрали иностранным членом-корреспондентом Академии от Швеции. Её кандидатуру поддерживал иностранный член-корреспондент Ш. Эрмит, но шансов на избрание действительным академиком у неё было мало, потому что она не работала в России¹. На это место также претендовал А.А. Марков, адъюнкт Академии с 1886 года. Он был идейно близок Буняковскому и Чебышеву, имея основные работы в области теорий чисел, приближений и вероятностей. Считая Ковалевскую серьезным конкурентом, Марков внимательно прочел работы Ковалевской по теории волчка и нашёл в них недочёты. С присущей ему напористостью он везде в частных беседах стал говорить, что работа Ковалевской ошибочна и что ей присудили премию только потому, что её работ никто не читал – и это было заведомой неправдой. Марков установил, что

---

¹ *Козлов В.В.* Софья Ковалевская: математик и человек// Успехи математических наук. – 2000. – Т. 55. – Вып. 6 (336). – С. 159-172.

Ковалевская при решении ограничилась лишь одним естественным набором порядков полюсов, хотя возможны и другие, что с его точки зрения делало анализ неполным, и, возможно, она пропустила другие случаи интегрируемости. Но никаких иных случаев он предоставить не сумел, — они были обнаружены лишь в конце XX века, после значительного развития теории интегрируемых систем. Замечание Маркова было не столь существенным, как он представлял. Ляпунов, более чем дружественный к Маркову, относившийся с ним к одной научной школе, был вынужден признать, что «вопрос разрешается в том именно смысле, как полгала С.В. Ковалевская, и что решение его может быть достигнуто без особых затруднений, если несколько иначе приняться за дело». Модифицировав рассуждение Ковалевской, Ляпунов доказал, что в случаях отличных от Эйлера, Лагранжа и Ковалевской, типичные решения ветвятся на плоскости комплексного времени. Ковалевская не стала полным академиком, а Марков был выбран экстраординарным академиком через три месяца, в марте 1890 года, ординарным академиком он стал в 1896 году.

Личностные конфликты в науке, как результат несходства темпераментов, явление достаточно редкое. Но наличие в дисциплинарном сообществе «конфликтных» личностей может приводить к возникновению концептуальных и доктринальных конфликтов. Показательна в этом отношении дискуссия между А.А. Марковым и П.А. Некрасовым по проблеме центральной предельной теоремы теории вероятностей, где они успешно работали и даже какое-то время шли параллельно. Помимо концептуальной компоненты, в этой дискуссии имелось ещё и личностное измерение. Начавшийся достаточно мирно спор постепенно перестал соответствовать нормам научной этики и просто вежливого общения¹. Это в большой степени объясняется темпераментами участников спора и их постепенно нарастав-

---

¹ Взаимная перебранка достигла такой резкости, что открытия Маркова, включавшие совершенно нецензурные слова, почтальоны не решались передавать адресату // Автобиографические записки Д.А. Граве // Историко-математические исследования, Вып. XXXIV, 1993, с. 226.

шими доктринальными противоречиями. Академик Марков отличался исключительным негативизмом характера¹, а также активной либеральной общественной и атеистической позицией², за которую получил прозвища «боевой Академик» и «неистовый Андрей». Его оппонент Некрасов занимал высокие административные и государственные должности. Он был ректором Московского университета и попечителем Московского округа, проводил охранительную политику и отличался консервативными религиозно-мистическими убеждениями. В ходе этого спора, длившегося больше десяти лет, стороны активно возненавидели друг друга.

Очевидным источником негативных конфликтов в научном сообществе (не приводящих к конструктивному продвижению в решении научных проблем, а наоборот – либо тормозящих их решение, либо ведущих к разрушению нормальной научной атмосферы и организации в науке) является желание получить исключительный доступ к ресурсам, власти, добиться незаслуженного престижа и признания в профессии.

---

¹ Д.А. Граве, хорошо знавший А.А. Маркова, отмечал его резкость и нетерпимость в отношении того, что ему представлялось фальшью в математике. Марков всегда встречал начинающих учёных враждебно, говоря при этом: «Математические задачи разделяются на простые и невозможные». Поэтому, если обращающийся к нему автор решил простую задачу, то это никакого значения для науки не имело. Если же автор воображал, что решил невозможную задачу, то он, конечно, заблуждался// Автобиографические записки Д.А. Граве // Историко-математические исследования, Вып. XXXIV, 1993, с. 227.

² В конфликте с православной церковью в 1912 году А.А. Марков из солидарности с Л.Н. Толстым, отлучённым от церкви в 1901 году и умершим в 1910-ом, потребовал и своего демонстративного отлучения, чего и добился, несмотря на долгий скандал и бюрократическую волокиту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ЭПИСТЕМИЧЕСКОМУ СООБЩЕСТВУ <i>(Е.В. Кудряшова)</i>	7
КОММУНИКАЦИЯ В ФОКУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В XX веке	7
КОМПОНЕНТЫ И ФУНКЦИИ КОММУНИКАЦИИ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ	24
ТИПЫ КОММУНИКАЦИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ СООБЩЕСТВАХ	47
ГЛАВА 2. КОНВЕНЦИИ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ <i>(О.В. Ершова)</i>	67
КОНВЕНЦИИ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ ЭПИСТЕМОЛОГОВ В XX веке	67
ВИДЫ И ФУНКЦИИ КОНВЕНЦИЙ В НАУКЕ	100
ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ И ЭТОС УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ <i>(Н.Г. Баранец)</i>	127
НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И СЕМИНАРЫ НА РУБЕЖЕ XIX-XX веков	127
ЭТОС ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО СООБЩЕСТВА	152
ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНО-СТАТУСНЫЕ КОНФЛИКТЫ	169

Научное издание

**Баранец Наталья Григорьевна
Ершова Оксана Владимировна
Кудряшова Елена Викторовна**

***КОНВЕНЦИИ И КОММУНИКАЦИЯ
В НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ
СООБЩЕСТВАХ***

Издатель
Качалин Александр Васильевич
432042, Ульяновск, ул. Доватора, 16

Подписано в печать 12.09.2012.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таhоmа.
Усл.печ.л. 10,36
Заказ № 12/111
Тираж 150 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП Качалин А.В.
432042, Ульяновск, ул. Доватора,16